

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА и ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

- Концепция правовой политики
- Приоритеты правовой политики
- Правовая жизнь общества
- Право и политика в их взаимосвязи
- Федеральная и региональная правовая политика

САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

*Журнал включен ВАК Минобрнауки России
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук*

2 (67) • 2017

САРАТОВ • МОСКВА

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), д.ю.н., профессор; В.В. Ныркв (зам. главного редактора), к.ю.н., доцент; А.С. Анисимова (ответственный секретарь); В.А. Абалдуев, к.ю.н., доцент; Е.Н. Абанина, к.ю.н., доцент; С.Ф. Афанасьев, д.ю.н., профессор; В.А. Бабаков, к.ю.н., доцент; Н.А. Власенко, д.ю.н., профессор; С.В. Ворошилова, д.ю.н., доцент; А.В. Голикова, к.ю.н., доцент; Н.В. Исаков, д.ю.н., профессор; Е.В. Кобзева, к.ю.н., доцент; Н.Н. Ковалева, д.ю.н., доцент; А.В. Колесников, к.ю.н., доцент; Е.В. Колесников, д.ю.н., профессор; Г.Н. Комкова, д.ю.н., профессор; И.Н. Коновалов, д.и.н., профессор; Д.А. Липинский, д.ю.н., профессор; В.А. Пономаренков, к.ю.н., доцент; В.В. Попов, д.ю.н., профессор; В.А. Рудковский, д.ю.н., профессор; А.Ю. Саломатин, д.ю.н., д.и.н., профессор; А.Ю. Соколов, д.ю.н., доцент; О.Л. Солдаткина, к.ю.н.; В.В. Субочев, д.ю.н., доцент; Н.И. Сухова, к.ю.н., доцент; Л.А. Тимофеев, д.ю.н., профессор; Д.С. Хижняк, к.ю.н., доцент; В.Д. Холоденко, к.ю.н., доцент; Е.Ю. Чмыхало, к.ю.н., доцент; Р.З. Юсупов, к.ю.н., доцент.

Редакционный совет:

Н.И. Матузов (председатель), д.ю.н., профессор; С.А. Белоусов, д.ю.н., доцент; Е.В. Вавилин, д.ю.н., профессор; А.И. Демидов, д.ф.н., профессор; И.А. Иванников, д.ю.н., профессор; А.Г. Лисицын-Светланов, д.ю.н., профессор, академик РАН; Н.И. Михайлов, д.ю.н., профессор; С.Б. Суровов, д.с.н., профессор; С.Н. Туманов, к.ю.н., доцент; Ю.Л. Шульженко, д.ю.н., профессор; Р.С. Байниязов, д.ю.н., профессор; Ю.А. Волошин, д.ю.н., профессор (Украина); Г.А. Василевич, д.ю.н., профессор (Республика Беларусь); Г. Робберс, доктор наук, профессор (Германия); Я. Зелински, доктор наук, профессор (Польша); С. Лю, д.ю.н., профессор (Китай).

Editorial board:

A.V. Malko (editor-in-chief), Doctor of Law, Professor; V.V. Nyrkov (deputy of editor-in-chief), Candidate of Law, Associate Professor; A.S. Anisimova (executive secretary); V.A. Abalduiev, Candidate of Law, Associate Professor; E.N. Abanina, Candidate of Law, Associate Professor; S.F. Afanasiev, Doctor of Law, Professor; V.A. Babakov, Candidate of Law, Associate Professor; N.A. Vlasenko, Doctor of Law, Professor; S.V. Voroshilova, Doctor of Law, Associate Professor; A.V. Golikova, Candidate of Law, Associate Professor; N.V. Isakov, Doctor of Law, Professor; E.V. Kobzeva, Candidate of Law, Associate Professor; N.N. Kovaleva, Doctor of Law, Associate Professor; A.V. Kolesnikov, Candidate of Law, Associate Professor; E.V. Kolesnikov, Doctor of Law, Professor; G.N. Komkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; I.N. Konovalov, Doctor of History, Professor; D.A. Lipinskiy, Doctor of Law, Professor; V.A. Ponomarenkov, Candidate of Law, Associate Professor; V.V. Popov, Doctor of Law, Professor; V.A. Rudkovskiy, Doctor of Law, Professor; A.Y. Salomatin, Doctor of Law, Doctor of History, Professor; A.Ju. Sokolov, Doctor of Law, Associate Professor; O.L. Soldatkina, Candidate of Law; V.V. Subochiev, Doctor of Law, Associate Professor; N.I. Sukhova, Candidate of Law, Associate Professor; L.A. Timofeev, Doctor of Law, Professor; D.S. Hizhnjak, Candidate of Law, Associate Professor; V.D. Holodenko, Candidate of Law, Associate Professor; E.Y. Chmyhalo, Candidate of Law, Associate Professor; R.Z. Yusupov, Candidate of Law, Associate Professor.

Editorial council:

N.I. Matuzov (chief), Doctor of Law, Professor; S.A. Belousov, Doctor of Law, Associate Professor; E.V. Vavilin, Doctor of Law, Professor; A.I. Demidov, Doctor of Philosophy, Professor; I.A. Ivannikov, Doctor of Law, Professor; A.G. Lisitsin-Svetlanov, Doctor of Law, Professor; N.A. Mihajlov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Starilov, Doctor of Law, Professor; S.B. Surovov, Doctor of Sociology, Professor; S.N. Tumanov, Candidate of Law, Associate Professor; Ju.L. Shul'zhenko, Doctor of Law, Professor; R.S. Bayniyazov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Voloshin, Doctor of Law, Professor (Ukraine); G.A. Vasilevich, Doctor of Law, Professor (The Republic of Belarus); G. Robbers, DR, Professor (Germany); J. Zielinski, Dr hab, Professor (Poland); S. Lyu, Doctor of Law, Professor (China).

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

<i>Малько А.В. (г. Саратов)</i>	
Правовая жизнь в современной России:	
основные тенденции развития	8
<i>Гриценко В.В. (Воронеж)</i>	
Доктрина информационной безопасности	
как политико-правовой документ стратегического планирования	
в сфере обеспечения национальной безопасности России	16
<i>Колесников Е.В., Сайбулаева С.И. (г. Саратов)</i>	
Проблема исполнения решений	
Конституционного Суда Российской Федерации	21
<i>Малько Е.А., Семикина С.А. (г. Саратов)</i>	
Судебная жизнь общества в условиях глобализации	26

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Бекмагамбетов А.Б. (Казахстан)</i>	
К вопросу о структуре политики противодействия преступности,	
связанной с торговлей людьми	34
<i>Липкина Н.Н. (Саратов)</i>	
Обязательство государства предотвратить нарушения прав человека:	
анализ правовых позиций Европейского суда по правам человека	40
<i>Волос А.А. (Саратов)</i>	
Вопросы методологии сравнительно-правового исследования	
принципов гражданского права	45
<i>Сухова Н.И., Акчурин Р.Р. (Саратов)</i>	
Действие права: процесс или свойство?	50
<i>Пономаренков В.А. (г. Самара)</i>	
Биология правового поведения	54
<i>Болгова В.В., Новопавловская Е.Е. (Самара)</i>	
Преодоление пробелов и коллизий	
информационного законодательства посредством механизмов	
конституционного судопроизводства	60
<i>Щербович И.А., Караев Р.Ш. (Пятигорск)</i>	
Анализ детерминантов	
низовой коррупционной преступности в России	69

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.П. ОГАРЁВА

<i>Сушкова Ю.Н.</i>	
Ранние письменные свидетельства	
о действии обычного права у мордвы	76

<i>Уздимаева Н.И.</i>	Инновационные учебные курсы в образовательных программах магистратуры по юриспруденции (на примере курса «Правовая самозащита: российские и международные стандарты»)	84
<i>Крысина Н.Р.</i>	Конституционный принцип обеспечения права на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном судопроизводстве	91
<i>Фомина Л.Ю.</i>	Публичность судебного разбирательства в правовых позициях Европейского суда по правам человека	96

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ —
ВЛАДИМИРСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ**

<i>Аверин А.В., Гроза Ю.А.</i>	Инквизиция, тайные свидетели и современность	103
<i>Картухин В.Ю., Чирикин В.А.</i>	Становление международного сотрудничества правоохранительных органов России в борьбе с политической преступностью: взгляд в историю	112
<i>Лачин А.А., Лачина Е.А.</i>	Специфика заключения концессионных соглашений в сфере жилищно-коммунального хозяйства	115
<i>Зин Н.В.</i>	Правовое регулирование взаимоотношений государства и Русской православной церкви в 1953–1958 годах	119
<i>Нескородов Б.Н.</i>	Проблемы юридической защиты институтов государственной власти в условиях информационной войны	124

Трибуна молодых ученых

<i>Агафонов И.С. (Саратов)</i>	Обязательство коммерческого кредита	129
<i>Кротов К.С. (Саратов)</i>	О взглядах на явление недобросовестной конкуренции в дореволюционный период российской истории	134
<i>Колязина А.В. (Саратов)</i>	Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемые органами государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере	139
<i>Яковлев М.В. (Санкт-Петербург)</i>	Профессиональная правовая культура военнослужащих войск национальной гвардии России как объект правового воздействия: теоретико-правовой анализ	143

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- Малько А.В. (г. Саратов), Саломатин А.Ю. (г. Пенза)*
Об опыте реализации образовательной программы
«Правовая политика в Российской Федерации и странах Евросоюза». . . 148

CONTENT

POLITICAL AND LEGAL LIFE OF MODERN SOCIETY

- Malko A.V. (Saratov)*
Legal life in modern Russia: main tendencies of development 8
- Gritsenko V.V. (Voronezh)*
The doctrine of information security as a political and legal instrument
of strategic planning in the field of Russian national security 16
- Kolesnikov E.V., Saybulaeva S.I. (Saratov)*
Problem of execution of decisions constitutional court
of the Russian Federation 21
- Malko E.A., Semikina S.A. (Saratov)*
Judicial life of society in the conditions of globalization 26

BRANCH PROBLEMS OF LEGAL POLICY

- Bekmagambetov A.B. (Kazakhstan)*
On the structure of combating crime policy connected
with trafficking in person 34
- Lipkina N.N. (Saratov)*
Obligation of a state to prevent violations of human rights:
analyze of the case-law of the European Court of human rights 40
- Volos A.A. (Saratov)*
Aspects of the methodology of comparative law research
of the civil law principles 45
- Suhova N.I., Akchurin R.R. (Saratov)*
Action of law: the process or property? 50
- Ponomarenkov V.A. (Samara)*
Biology legal behavior 54
- Bolgova V.V., Novopavlovskaya E.E. (Samara)*
Bridging the gaps and conflicts information legislation
through the mechanism of constitutional proceedings 60
- Scherbovich I.A., Karaev R.Sh. (Pyatigorsk)*
The analysis of determinants of local corruption crime in Russia 69

PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION – NATIONAL RESEARCH OGAREV MORDOVIA STATE UNIVERSITY

- Sushkova Iu.N.*
Early written documents about functioning
of the customary law of the Mordvins 76
-

<i>Uzdimaeva N.I.</i>	Innovative training in educational programs master in law (on the example of course “Legal self-protection: Russian and international standards”)	84
<i>Krysin N.R.</i>	The constitutional principle of ensuring the right to qualified legal advice in the Russian criminal legal proceedings	91
<i>Fomina L.Yu.</i>	Publicity of the trial in the legal position of the European Court of Human Rights	96

**PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF
THE RUSSIAN FEDERATION –
VLADIMIR BRANCH OF THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION**

<i>Averin A.V., Groza Y.A.</i>	Inquisition, secret witnesses and present	103
<i>Kartuhin V.Y., Chirikin V.A.</i>	Formation of international cooperation of law enforcement Russian authorities in the fight against political crime: a glimpse into history	112
<i>Lachin A.A., Lachina E.A.</i>	The specificity of the concession agreement in the sphere of housing and communal services	115
<i>Zin N.V.</i>	Legal regulation of the relationship between the state and the Russian Orthodox Church in 1953–1958	119
<i>Neskorodov B.N.</i>	Problems of legal protection of the institutions of state power in conditions of information war	124

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Agafonov I.S. (Saratov)</i>	Commercial loan liability	129
<i>Krotov K.S. (Saratov)</i>	About views on phenomenon of unfair competition in pre-revolutionary period of Russian history	134
<i>Kolyazina A.W. (Saratov)</i>	Measures of maintenance of manufacture on affairs about administrative offenses, applicable state control and supervision bodies in the sphere of housing and communal services	139
<i>Yakovlev M.V. (Saint-Petersburg)</i>	Professional legal culture of the soldier of national guard of Russia as object of legal influence: theoretical and legal analysis	143

**DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE
IN THE SPHERE OF LEGAL EDUCATION**

Malko A.V. (Saratov), Salomatin A.Y. (Penza)
About experience of realization of education programme
“Legal Policy in Russian Federation and EU countries” 148

• ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА •

А.В. Малько,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН

A.V. Malko,
Doctor of Law, Professor,
Honored worker of science
of Russian Federation,
Director of Saratov Branch of the Institute
of state and law RAS
i_gp@ssla.ru

Правовая жизнь в современной России: основные тенденции развития

Аннотация: в статье выделяются следующие основные тенденции развития современной российской правовой жизни: 1) заметное расширение общедозволительного типа правового регулирования и качественное изменение соотношения в нем запретов и дозволений, что связано с активизацией, прежде всего, правовой жизни личности и хозяйствующих субъектов; 2) повышение роли суда и судебного права, что связано с активизацией, в первую очередь, судебной правовой жизни; 3) частичное перемещение правовой жизни общества в виртуальное пространство по причине все более активного использования информационных технологий, что связано с активизацией, прежде всего, виртуальной правовой жизни; 4) углубление интеграции российской правовой системы с правовыми системами других стран в рамках Евразийского экономического союза, что связано с активизацией, прежде всего, наднациональной правовой жизни.

Ключевые слова: правовая жизнь общества и тенденции ее развития, правовая жизнь личности, судебная правовая жизнь, виртуальная правовая жизнь, наднациональная правовая жизнь.

Legal life in modern Russia: main tendencies of development

Abstract: in article the following main tendencies of development of modern Russian legal life are allocated: 1) noticeable expansion of obshchedozvolitelny type of legal regulation and high-quality change of a ratio in it of prohibitions and permissions that is connected with aktivization, first of all, of legal life of the personality and accounting entities; 2) increase in a role of court and the judicial right that is connected from aktivization, first of all, of judicial legal life; 3) partial moving of legal life of society to virtual space because of more and more active use of information technologies that is connected from aktivization, first of all, of virtual legal life; 4) deepening of integration of the Russian system of law with systems of law of other countries within the Eurasian Economic Union that is connected with aktivization, first of all, of supranational legal life.

Keywords: legal life of society and tendency of its development, legal life of the personality, judicial legal life, virtual legal life, supranational legal life.

Для глубокого исследования современной правовой жизни России большое значение имеет рассмотрение основных тенденций ее развития. Несомненно, они все больше «дают о себе знать», и задача юридической науки заключается в том, чтобы своевременно их выявлять и использовать при выстраивании правовой политики, призванной организовать данную разновидность жизнедеятельности.

Одной из важнейших тенденций развития правовой жизни современного российского общества выступает заметное расширение общедозволительного типа правового регулирования и качественное изменение соотношения в нем запретов и дозволений.

Так почему же здесь речь идет о дозволениях и запретах, сочетание которых определяет тот или иной тип правового регулирования?

С.С. Алексеев в свое время подчеркивал, что «в глубинах права существуют такие правовые явления, которые определяющим образом влияют на его содержание и структуру, на всю правовую систему. Это общие дозволения и общие запреты» [1, с. 3–4], которые «выступают в качестве своего рода активного центра, “передаточного механизма”, призванного принимать активные импульсы, сигналы от общественной жизни, ее духовных начал, а затем уже в виде общих регулятивных начал, воплощающих господствующие социальные ценности, как бы распространять их на все право и тем самым определять характер и направления правового регулирования общественных отношений» [2, с. 273].

Соотношение общих дозволений и общих запретов весьма существенно для состояния правовой жизни, ибо оно определяет доминирующий тип правового регулирования социальных связей. Отсюда, именно от этого будет зависеть и протекание правовой жизни, и ее основные характеристики.

Новое соотношение общих дозволений и общих запретов в постсоветской России изменило меру свободы, в первую очередь, для личности и хозяйствующих субъектов. Подобные изменения позволили установить систему прав человека и гражданина в Конституции РФ 1993 г. и соответствующих законах. И хотя они еще далеко не всегда полноценно обеспечены в нашей юридической действительности, сам факт их признания и закрепления уже является важным вкладом в эволюцию правовой жизни современного российского общества, ибо права человека есть «сердцевина» названной жизнедеятельности. Подобные изменения привели к переменам и в социально-экономической жизни общества, которая стала «требовать» легализации права частной собственности, восстановления свободы торговли как правомерного института, повышения роли договорного регулирования и т. п., что привело к воссозданию и постепенному расширению сферы частного права в самой правовой жизни. Были приняты Гражданский, Семейный, Трудовой кодексы и иное законодательство соответствующего блока.

В литературе в связи с этим верно отмечается, что одна из основных тенденций развития современной правовой действительности в России — расширение диспозитивности как определяющего начала правовой деятельности ее субъектов. Значительное увеличение «удельного веса» диспозитивных юридических средств связано с общей тенденцией либерализации и модернизации российской правовой системы, обусловленной глобализационными процессами. Актуализация общедозволительного типа правового регулирования, в свою очередь, существенно расширила возможности для правовой активности субъектов права [3, с. 121].

Нужно заметить, что данная тенденция связана прежде всего с повышением активности личности, предпринимателей и иных хозяйствующих структур, по сути с активизацией их правовой жизнедеятельности.

В современных условиях значительной актуализации правовых форм социальной активности возрастает потребность в правовых знаниях и активной гражданской позиции, позволяющих обеспечить реализацию интересов и защиту прав граждан. Если правовая деятельность позволяет гарантировать реализацию интересов, то у субъектов права возникает потребность в освоении навыков подобной деятельности. Граждане и организации имеют возможность проявлять свою правовую активность в самых различных областях жизнедеятельности российского общества, воспитывая в себе активную гражданскую позицию, что обеспечивается соответствующим законодательством. Например, трудно переоценить значение Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в редакции от 03.11.2015) [4], в лаконичной форме закрепляющего нормативную основу для реализации диспозитивного начала в вопросах самоопределения граждан в случае нарушения гражданских прав, защита которых может, по усмотрению самих граждан, обеспечиваться не только в порядке апелляции к юрисдикционным органам, но и на основе самозащиты прав путем обращения в любые государственные органы и органы местного самоуправления. Таким образом, включение в правовое регулирование механизмов саморегуляции, обуславливающих повышение самостоятельности и активности граждан и организаций как субъектов права выступает важнейшим вектором правовой политики Российской Федерации [3, с. 122].

Следовательно, такая тенденция развития правовой жизни современного российского общества, как расширение общедозволительного типа правового регулирования связана с активизацией, прежде всего, правовой жизни личности и хозяйствующих субъектов.

Еще одной тенденцией развития правовой жизни выступает повышение роли суда и судейского права в современном российском обществе. Суд все чаще воспринимается как справедливый арбитр по разрешению юридических споров. Достаточно проанализировать статистические данные, чтобы убедиться в том, что суд становится самым востребованным органом для разрешения возникающих конфликтов. Если в советский период по подобным поводам граждане обращались преимущественно в партийные органы и средства массовой информации, то сейчас приоритет в решении названных проблем они однозначно отдают суду. В последние годы весьма заметно увеличение количества поступивших в суд гражданских дел. Например, в 2016 г. прирост составил более 10 % — 15,92 млн против 13,94 млн дел, направленных в суды в 2014 г.; количество обращений граждан и организаций в судебные структуры возросло с 4646 в 2014 г. до 4998 в 2015 г.

Суд и судебные процедуры — одни из самых демократических и цивилизованных инструментов разрешения коллизий, и общество заинтересовано в их усовершенствовании.

Необходимость в ускорении судебной модернизации актуализируется дефектами глобализации и теми негативными социальными процессами, которые происходят в современном мире. Как показывают события последнего времени, во многих государствах, как и в Российской Федерации, нарастает расслоение в обществе, периодически наблюдается повышенное напряжение

и социальная нестабильность, остается высоким уровень правовой конфликтности. Причем для преодоления возникающих противоречий используются подчас самые разные способы и средства, иногда и явно не правовые [5–7].

Между тем в условиях формирования правового государства важно опираться в разрешении конфликтов, прежде всего, на суд. И по мере выстраивания такой государственности роль суда будет только расти. В связи с этим следует активнее выявлять и устранять имеющиеся проблемы в организации и функционировании органов правосудия, последовательно наращивать курс на обновление судебной деятельности [8, с. 356].

Такой модернизационный путь, естественно, невозможно пройти без доктринальной основы. Без четко разработанной стратегии перспективных преобразований задачу построения более качественного суда и повышения эффективности судебной защиты вряд ли можно осуществить. Поэтому вполне закономерно, что Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, выступая на VIII Всероссийском съезде судей, предложил на ближайшую перспективу реализовать «генеральный проект Справедливого Суда». Он же подчеркнул, что «XIX век был ознаменован ведущей ролью законодателя, XX век — исполнительной власти, а XXI столетие, очевидно, становится веком власти судебной» [9, с. 10].

И хотя доверие граждан к суду еще не такое высокое, как хотелось бы, в нынешней России выстраивается новая судебная система, отвечающая во многом общемировым стандартам. Значительно расширен объем ее юрисдикции, кардинально изменились параметры функционирования. Вследствие этого многократно увеличилось количество принимаемых судебных актов, заметно возросла их роль не только в механизме воздействия на социальные связи, но и в правовой жизни общества в целом. В настоящее время судебные органы, реализуя свои полномочия с помощью судебных актов, выполняют как правоохранительную и правозащитную, так и регулятивную функции. Судейское право занимает все более важную роль в упорядочении общественных отношений, выдвигает суд на «передние рубежи» осуществления правовой жизни российского общества.

Если роль суда и судейского права возрастает, то заметно активизируется и судебная жизнь. Последняя, по сути, становится одним из важнейших центров развития всей правовой жизнедеятельности общества.

Судебная жизнь — предельно широкая категория, охватывающая собой всю судебную сферу, причем как в историческом, так и в современном плане, как прошлое, так и настоящее судебной действительности. Естественно, подобная жизнедеятельность включает в себя и судебную систему. На наш взгляд, судебная жизнь есть особая форма правовой жизни, выражающаяся преимущественно в судебных актах и правоотношениях, характеризующая специфику и уровень судебно-правового развития общества, отношение субъектов к суду и степень удовлетворения их интересов.

Судебная жизнь — это нормальная форма существования суда, его функциональное состояние, соответствующее потребностям определенных субъектов права в той или иной судебной процедуре, в прояснении или разрешении конкретной юридической ситуации. В то же время — это и способность суда к дальнейшему существованию в условиях перманентной

критики его деятельности; это иски и возражения, обвинения и попытки самооправдания стороны, призванной к ответу, или взаимного обвинения сторон; это и судоговорение, в котором суду и участникам предстоит постигать суть дела, «очищать» факты существенные от привходящих, реалии от вымысла, исследовать доказательства и опровержения; это разрешение противоречия за противоречием [10, с. 65, 67–68].

Судебная жизнь невозможна без постоянно возникающих при этом судебных актов, статус которых в последние годы значительно повышается. Посредством принимаемых актов суды во многом устраняют либо нивелируют просчеты законодателя, реально смягчают его подчас негативное нормативное воздействие на социальные процессы, выражают свое мнение относительно сложившейся ситуации, которая привела стороны в зал судебных заседаний. Э.М. Мурадян верно подмечено, что «если суд не функционирует, его существование не оправдывает себя. Суд — не музей. Его ценность подтверждается и поддерживается востребованностью суда и приемлемостью судебных решений, прежде всего в оценке сторон» [10, с. 65].

Как было уже отмечено, судебная жизнь характеризует специфику и уровень судебно-правового развития общества. Говоря об этом, мы, прежде всего, имеем в виду динамику правовой культуры и правосознания. Анализируя данные категории в рамках характеристики судебной жизни, следует обратить внимание, во-первых, на правосознание и правовую культуру обычных граждан и, во-вторых, на правосознание и правовую культуру судей, ибо именно судьи и лица, участвующие в деле, являются субъектами судебной жизни общества.

Точно так же как при выстраивании правовой политики необходимо ориентироваться не столько на правовую систему общества, сколько на ее правовую жизнь, так и при формировании судебной политики исходить нужно из имеющихся судебно-правовых реалий, из самой судебной жизни. Дело в том, что судебная политика, с одной стороны, должна базироваться на действительных отношениях, протекающих в жизни процессах, учитывать их и реагировать соответствующим образом. С другой стороны, судебная политика призвана организовывать судебную жизнь общества, налаживая определенным способом судебную систему. Здесь четко просматриваются взаимные связи и взаимозависимости. Судебная политика должна содержать в себе выработанную стратегию и тактику развития судебной жизни, ориентиры (цели и средства) для нее. В свою очередь, судебная жизнь представляет собой одновременно истоки и сферу проявления судебной политики, выступает ее объектом.

Необходимость выстраивания судебной политики диктуется проблемами, прочно «прописавшимися» в судебной жизни общества. Например, такими, как отсутствие единой судебной практики, еще достаточно низкий процент доверия к суду со стороны субъектов права, коррупция, высокая степень неисполняемости судебных решений и т. д.

В практическом аспекте данная политика представляет собой разностороннюю деятельность многих субъектов, направленную на решение следующих задач: 1) оптимизацию правового регулирования обозначенной сферы; 2) повышение гарантированности механизмов судебной защиты; 3) улучшение сотрудничества государственных и негосударственных судебных

структур; 4) углубление взаимодействия внутригосударственных и международных судебных инстанций; 5) формирование судебного и судейского права, судебно-правовой культуры и т. д.

Кроме названных можно выделить и такие пути усовершенствования судебной системы, как углубление специализации судей и судов, повышение уровня транспарентности судебной деятельности, внедрение информационных технологий (автоматизированная система распределения дел, аудио- и видеопротоколирование судебных процессов, электронные документы, видео-конференц-связь, электронные базы данных и системы судопроизводства и т. д.).

Следовательно, такая тенденция развития правовой жизни современного российского общества, как усиление роли суда и судейского права связана с активизацией, прежде всего, судебной жизни.

Еще одной тенденцией развития правовой жизни современной России выступает частичное перемещение ее в виртуальное пространство по причине все более активного использования информационных технологий.

По сути, речь идет о том, что значительная часть правовой жизнедеятельности общества все больше смещается в особую, новую для права сферу — Интернет. Происходит расширение виртуального пространства, в рамках которого протекает, в том числе и определенная часть правовой жизни многих граждан. Об этом весьма красноречиво говорит заметный рост количества пользователей сети Интернет в России. Так, если в 2012 г. их было 58,8 млн человек, в 2014 г. — 72,7 млн человек, то в 2016 г. — уже 80,5 млн человек.

Органично «срастаясь» с общими тенденциями различных сфер социальной жизни, Интернет порождает возникновение новой искусственной реальности, которая является альтернативой реальной жизни. Это пространство конструируется человеком и постепенно замещает часть объективной действительности — возникает виртуальная реальность, существующая «здесь» и «сейчас» и имеющая свои законы времени и пространства, которая постоянно наполняется правовым содержанием [11, с. 9].

Как и в любой среде, в сети Интернет индивид имеет возможность осуществить широкий спектр действий, реализовать множество мотивов, удовлетворить определенные потребности. Человек сегодня «живет» в том числе и в Сети: общается, учится, развивается, совершает покупки, получает информацию, играет, читает и т. д. Интернет уже породил множество изменений в нашей жизни, меняется суть понятийного аппарата. В связи с этим виртуальную правовую жизнь можно определить как неструктурированную совокупность многообразных видов и форм деятельности людей, их коллективов в сфере действия права на информационном поле, характеризующую специфику и уровень существующей юридической действительности, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов в виртуальном пространстве [12, с. 430–432].

Информационные технологии, проникая в различные сферы правовой жизнедеятельности, во многом определяют ее течение. Так, реализуя с помощью информационных систем различные программы, связанные с электронным государством, электронным правительством, электронным правосудием и т. д., общество, увеличивая прозрачность деятельности

публичных органов, начинает жить по другим принципам и правилам. В частности, резко ускоряется время отклика и резко уменьшаются затраты на запрос. Если раньше на получение определенной информации (например, справки из того или иного органа) или на защиту своих интересов (так, жалобу на шумных соседей можно подать по Интернету) мы должны были затратить и время, и ресурсы, то в условиях информатизации общества мы можем сделать все это, не выходя из дома [13].

Специфика упорядочения виртуальной правовой жизни заключается в следующем. Во-первых, для механизма правового регулирования интернет-отношений характерно сочетание саморегулирования (в частности, в процессе развития Интернета его пользователи самостоятельно осуществляли контроль за своей деятельностью на основе неструктурированного массива правил, например «Норм пользования Сетью» [14, с. 22–25]) и нормативно-правового регулирования. Во-вторых, в силу того, что Интернет выступает глобальной сетью, для его урегулирования необходимы, прежде всего, нормы общего международного права, а уж затем и внутригосударственные правовые акты. В-третьих, механизм правового регулирования интернет-отношений самым тесным образом связан с техническими нормами и стандартами Сети.

Следовательно, такая тенденция развития правовой жизни современного российского общества, как частичное перемещение ее в виртуальное пространство по причине все более активного использования информационных технологий связана с активизацией, прежде всего, виртуальной правовой жизни.

Еще одной тенденцией развития правовой жизни выступает углубление интеграции российской правовой системы с правовыми системами других стран в рамках Евразийского экономического союза.

Глобализация меняет правовую жизнь общества, «призывает» различные страны к интеграции, ибо возникающие общие проблемы можно эффективно решать, лишь объединив имеющиеся усилия. Отсюда вполне обоснованно европейские страны в свое время создали Европейский Союз. Нечто подобное происходит и в Евразии: Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения и Кыргызстан образовали Евразийский экономический союз.

Иными словами, возникают интеграционные структуры, которые выступают неким ответом на глобальные вызовы времени. Появляется новый уровень правовой жизни — наднациональный, который, наряду с международной и национальной правовой жизнью, все больше заявляет о себе.

Интеграция в рамках Евразийского экономического союза, которая действует с 1 января 2015 г., просто элементарно выгодна. В частности, единый рынок становится одним из основных источников роста экономики объединившихся государств. Интеграция не только облегчает движение рабочей силы, капитала, товаров и услуг, но и приводит к улучшению жизни граждан и усиливает взаимопроникновение культур.

Вместе с тем, чтобы Евразийский экономический союз состоялся как эффективная структура, требуется соответствующая правовая политика в этой сфере со стороны всех государств — членов интеграции. Подобная политика должна быть направлена на то, чтобы совершенствовать правила поведения, на базе которых будет действовать данный союз.

Во-первых, необходимо общими усилиями разрабатывать такой доктринальный документ, как проект Концепции правовой политики в сфере Евразийского экономического союза. Его можно будет сделать на основе уже имеющегося проекта Концепции правовой политики в РФ, разработанного сотрудниками Саратовского филиала Института государства и права РАН и Саратовской государственной юридической академии [15]. В силу того, что доктрина должна идти впереди законодателя и правоприменителя, важно в названном документе дать характеристику современного состояния правовой жизни интегрируемых стран; рассмотреть общие положения, в частности систему понятий, которая будет использована в данном проекте; раскрыть содержание такой политики, обозначив ее цели и средства; показать ее основные направления и механизмы реализации; высказать предложения по формированию правовой системы Евразийского экономического союза и т. д. Другими словами, следует определить приоритеты политико-юридических «ходов», попытаться выстроить алгоритм соответствующих организационно-правовых мер, направленных на эффективное обеспечение обозначенных интеграционных процессов. Во-вторых, подобная политика требуется и для того, чтобы избежать тех ошибок, которые были совершены при создании Европейского Союза. Например, важно обеспечить интеграцию в реальном секторе экономики на принципах равенства [16, с. 9].

Фундаментом правовой системы Евразийского экономического союза должны стать договорные и нормативные акты, определяющие ориентиры наднациональной правовой жизнедеятельности объединившихся государств.

Следовательно, такая тенденция развития правовой жизни, как углубление правовой интеграции (что находит свое проявление в более тесном взаимодействии российской правовой системы с правовыми системами других стран в рамках Евразийского экономического союза) связана с активизацией, прежде всего, наднациональной правовой жизни.

Список литературы:

1. Алексеев, С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1989. — 288 с.
2. Алексеев, С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. — М.: НОРМА, 2001. — 752 с.
3. Валиев, Р.Г. Правовая деятельность в Российской Федерации // Основные характеристики российской правовой действительности / под ред. Ю.С. Решетова. — Казань: Казанский гос. университет, 2010. — 172 с.
4. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федеральный закон РФ от 02.05.2006 № 59-ФЗ (в ред. от 03.11.2015) // Российская газета. — 2015. — 6 нояб.
5. Морозов, О. Охлореволюция. Возможна ли она в России? // Российская газета. — 2011. — 25 марта.
6. Дунаевский, И. Грозит ли Обаме «чернокожий майдан»? // Российская газета. — 2014. — 28 нояб.
7. Морозов, О. Охлореволюция. 2 // Российская газета. — 2016. — 1 июня.
8. Малько, А.В. Формирование концептуальных основ построения справедливого суда / А.В. Малько, В.А. Терехин // Судебная реформа в России на рубеже XX–XXI веков / под ред. В.А. Терехина. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 376 с.

-
9. Выступление Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина на VIII Всероссийском съезде судей // Российская юстиция. — 2013. — № 2. — С. 5–10.
10. Мурадян, Э.М. Судебное право / Э.М. Мурадян. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. — 575 с.
11. Малько, А.В. Механизм правового регулирования интернет-отношений: понятие и специфика / А.В. Малько, А.С. Анисимова // Правовая политика и правовая жизнь. — 2016. — № 2. — С. 8–13.
12. Солдаткина, О.Л. Виртуальная правовая жизнь общества / О.Л. Солдаткина, А.С. Анисимова // Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики / под ред. А.В. Малько. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 486 с.
13. Куликов, В. Пропишут штрафную // Российская газета. — 2015. — 29 янв.
14. Наумов, В.Б. Организационно-правовые аспекты саморегулирования в российском сегменте сети Интернет: пределы и возможности // Ассоциация документальной электросвязи. — 2003. — № 10. — С. 19–25.
15. Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А.В. Малько. — М.: Дело, 2008. — 40 с.
16. Малько, А.В. Правовая политика — категория XXI века и ее роль в евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 4. — С. 8–13.

В.В. Гриценко,

*доктор юридических наук, профессор
кафедры административного
и муниципального права Воронежского
государственного университета*

V.V. Gritsenko,

*Doctor of Law, Professor, Voronezh State
University
vvgritsenko@mail.ru*

Доктрина информационной безопасности как политико-правовой документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности России

Аннотация: в статье рассматриваются основные положения Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646. Проводится сравнительно-правовой анализ положений данной Доктрины с ранее действующей Доктриной информационной безопасности, утвержденной Указом Президента от 09.09.2000 № Пр-1895. Аргументируется, что новая Доктрина информационной безопасности представляет собой политико-правовой документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности России, определяющий доктринальные понятия, национальные интересы в информационной сфере; основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности; стратегические цели, основные направления и организационные основы обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: правовая доктрина, доктрина информационной безопасности, информационная сфера, информационная безопасность, политико-правовой документ, стратегическое планирование, обеспечение информационной безопасности.

The doctrine of information security as a political and legal instrument of strategic planning in the field of Russian national security

Abstract: the article deals with the basic provisions of the Doctrine of the Russian Federation Information Security, approved by Presidential Decree of 05.12.2016, № 646. Conducts comparative analysis of the legal provisions of the Doctrine of the previously existing Information Security Doctrine, approved by

Presidential Decree of 09.09.2000, № Pr-1895. It is argued that the new doctrine of information security is a political and legal document of strategic planning in the sphere of ensuring the national security of Russia, which determines: the doctrinal concepts, national interests in the information sphere; basic information threats and the state of information security; strategic objectives, guidelines and organizational principles of maintenance of information security.

Keywords: *legal doctrine, the doctrine of information security, information sphere, information security, political and legal document, strategic planning, maintenance of information safety.*

Термин «доктрина» имеет многоаспектный характер. Философский энциклопедический словарь определяет доктрину (лат. *doctrina* — учение) как систематическое, политическое, идеологическое или философское учение, концепцию, совокупность принципов. Данный термин часто употребляется при обозначении взглядов с оттенком схоластичности и догматизма [1, с. 142]. В советском энциклопедическом словаре под доктриной понимается учение, научная и философская теория, система, руководящий теоретический или политический принцип [2, с. 404]. Согласно толковому словарю русского языка доктрина — это учение, научная концепция (обычно о философской, политической, идеологической теории) [3, с. 172].

Одним из видов доктрины является правовая доктрина, которая в настоящее время в различных вариациях стремительно прокладывает дорогу в правовую жизнь. Последняя представляет собой форму социальной жизни, выражающуюся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующую специфику и уровень правового развития общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов. Правовая жизнь связана с юридическими правилами поведения (предписаниями) и соответствующими юридическими последствиями [4].

Правовая доктрина — это особая форма права, состоящая из трудов выдающихся ученых-юристов или общепризнанных правовых учений, на которые можно с одобрения государства ссылаться в процессе применения правовых норм [5]. Это один из самых древних способов закрепления правовых норм и, несмотря на то что официально она не признается источником российского права, доктрина играет важную роль при вынесении правоприменителями конкретных юридических решений.

В настоящее время в России существует семь правовых доктрин. Пять из них утверждены Указами Президента Российской Федерации: Доктрина развития российской науки [6]; Морская доктрина Российской Федерации [7]; Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [8]; Военная доктрина Российской Федерации [9]; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [10].

Отношение современных ученых к такой палитре доктрин неоднозначно. Например, С.В. Бошко считает, что доктрины «засоряют пространство неясными произведениями» [11, с. 77]. В какой-то степени с этим утверждением можно согласиться, т. к. основные положения доктрин носят декларативный, абстрактный характер (общеизвестно, что даже нормы законов не всегда выполняются и являются «мертвыми»). Примером не совсем «удачной» доктрины является Доктрина информационной безопасности Российской

Федерации, утвержденная Указом Президента от 09.09.2000 № Пр-1895 (далее — Доктрина-2000), с момента принятия которой прошло 16 лет. За это время изменился многополярный мир, правовой мир [12], Россия находится в иных экономических, политических, социальных, правовых и других условиях: военные действия в Украине, Сирии, финансовые санкции, информационные войны, новые вызовы не обошли наше государство стороной, Россия оказалась в центре негативных событий. Поэтому Президент Российской Федерации утвердил новую Доктрину информационной безопасности (далее Доктрина-2016), состоящую из пяти разделов.

Однако, несмотря на то что Доктрина-2000 включает меньшее количество разделов, по объему содержания она превышает Доктрину-2016 почти в три раза (т. е. новая доктрина занимает по объему третью часть от старой).

Таким образом, Доктрина-2016 представляет собой более компактный вариант, однако и она (так же как и Доктрина-2000) перенасыщена сложными терминами, определения которых неизвестны науке и не раскрываются в ее положениях.

Следует также отметить негативный характер положений рассматриваемых доктрин. М. Чудесов указывает, что в Доктрине-2016 38 статей [13], однако положения нельзя назвать статьями, т. к. сама доктрина — это не нормативный правовой акт. Г. Клименко считает, что доктрина — это обозначение целей, в частности для Правительства РФ, исполнительной власти это программа, которая не может ни ухудшить, ни улучшить положение в стране [14]. По мнению А. Колесникова, Доктрина-2000 совсем не отвечала вызовам времени, Доктрина-2016 «лучше, но все равно тоже устаревшая», т. к. «все равно не всем [вызовам] отвечает» [14].

К достоинствам Доктрины-2016 можно отнести закрепление во втором пункте восьми ее положений, таких как: национальные интересы в информационной сфере; информационная угроза; информационная безопасность; обеспечение информационной безопасности; силы обеспечения информационной безопасности; средства обеспечения информационной безопасности; системы обеспечения информационной безопасности, информационной инфраструктуры.

Таким образом, в Доктрине-2016 предпринята попытка дать определение лишь отдельным «основным» положениям.

Доктрина-2016 является правовой категорией, т. к. «красной нитью» по всему документу проходит связь его положений с правом, с нормами права, что подтверждается следующими факторами:

— во-первых, согласно п. 4 Доктрины ее правовую базу составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства РФ;

— во-вторых, своим рождением Доктрина обязана Президенту РФ, т. к. утверждена его указом;

— в-третьих, она выступает в качестве фундамента развития общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности;

— в-четвертых, она является основой для принятия управленческих решений, поскольку, определяя основные задачи, прежде всего для органов исполнительной власти, указывает на разработку системы мероприятий в информационной сфере. Необходимо эффективное государственное управление в информационной сфере, которое невозможно осуществить без деятельности органов исполнительной власти, потому что эта доктрина нужна для принятия управленческих решений и развития норм права в указанной области. Об этом свидетельствует и п. 6 Доктрины-2016, а также термин «силы обеспечения информационной безопасности», под которыми понимаются государственные органы, подразделения и должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, уполномоченные на решение в соответствии с законодательством Российской Федерации задач по обеспечению информационной безопасности.

Рассматриваемая Доктрина-2016 представляет собой и политическую категорию, т. к. в ее тексте в различной интерпретации неоднократно используются термины «государственная политика», «политическая стабильность», «военная политика» и т. д.

Так, например, согласно п. 29 Доктрины-2016 к основным направлениям обеспечения информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного партнерства относится защита суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве посредством осуществления самостоятельной и независимой политики, направленной на реализацию национальных интересов в информационной сфере.

Доктрина-2016 — это документ стратегического планирования, о чем свидетельствует следующее:

— во-первых, в вышеуказанных определениях термина «доктрина» традиционно присутствуют синонимы «концепция», «научная концепция», «концептуальный характер»;

— во-вторых, в п. 5 Доктрины четко указывается, что она является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором развиваются положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 [15], а также других документов стратегического планирования в указанной сфере;

— в-третьих, п. 20 Доктрины закрепляется, что стратегической целью обеспечения информационной безопасности в области обороны страны является защита жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, связанных с применением информационных технологий в военно-политических целях, противоречащих международному праву, в том числе в целях осуществления враждебных действий и актов агрессии, направленных на подрыв суверенитета, нарушение территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности и стратегической стабильности.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что Доктрина информационной безопасности представляет собой политико-правовой документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной

безопасности России, разработанный Советом Безопасности Российской Федерации, утвержденный Указом Президента РФ, определяющий: доктринальные понятия, национальные интересы в информационной сфере; основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности; стратегические цели, основные направления и организационные основы обеспечения информационной безопасности.

Список литературы:

1. Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 576 с.
 2. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. — 4-е изд., М.: Сов. энциклопедия, 1988. — 1600 с.
 3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: А ТЕМП, 2004. — 944 с.
 4. Словарь юридических терминов: Правовая доктрина // Официальный сайт проекта Justicemaker. — URL: <http://justicemaker.ru/view-termin.php?id=1054> (дата обращения: 03.01.2017).
 5. Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. — URL: http://big_law.academic.ru/1036/Правовая_доктрина (дата обращения: 04.01.2017).
 6. О доктрине развития российской науки : Указ Президента РФ от 13.06.1996 № 884 (в ред. от 23.02.2006) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25, ст. 3005.
 7. Морская доктрина Российской Федерации : утв. Президентом РФ 26.07.2015. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 8. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 5, ст. 502.
 9. Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976 // Российская газета. — 2014. — 30 дек.
 10. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 50, ст. 7074.
 11. Бошко, С.В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. — 2003. — № 12. — С. 70–79.
 12. Бекишиева, С.Р. Категория «правовой мир»: постановка проблемы // Право и политика. — 2016. — № 9. — С. 1111–1116.
 13. Чудесов, М. Прогрессивный взгляд // Газета.Ru. — URL: https://www.gazeta.ru/tech/2016/12/22_a_10444385.shtml (дата обращения: 03.01.2017).
 14. Новая доктрина информационной безопасности РФ: борьба с вчерашними угрозами? // Официальный сайт bbcussian.com. — URL: <http://www.bbc.com/russian/features-38225725> (дата обращения: 03.01.2017).
 15. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 1, ч. 2, ст. 212.
-

Е.В. Колесников,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и международного права Саратовской
государственной юридической академии

С.И. Сайбулаева,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры правового обеспечения
управления Дагестанского
государственного университета

E.V. Kolesnikov,
Doctor of Law, Professor of the
Department of Constitutional and
International Law of the Saratov State
Law Academy
k_kmp@ssla.ru

S.A. Saybulaeva,
Candidate of Legal Sciences, associate
Professor of the Department of Legal
support of management,
Daghestan state University
saysa@bk.ru

Проблема исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации

Аннотация: в статье рассматривается проблема исполнения решений Конституционного Суда РФ, которая является актуальной ввиду отсутствия закрепленного законодательно механизма реализации решений федерального органа конституционного контроля. Обосновывается необходимость принятия федерального закона о порядке исполнения решений Конституционного Суда РФ. Приведены новые аргументы в пользу его принятия.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, правовое демократическое государство, Конституционный Суд России, верховенство закона, исполнение решений Конституционного Суда, права человека и гражданина.

Problem of execution of decisions constitutional court of the Russian Federation

Abstract: in article the problem of execution of solutions of the Constitutional Court of the Russian Federation which is urgent in view of lack of the mechanism of implementation of decisions of federal body of the constitutional control fixed legislatively is considered. Need of adoption of the federal law on an order of execution of solutions of the Constitutional Court of the Russian Federation is proved. New arguments for benefit of its acceptance are adduced.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, constitutional democratic state, Constitutional Court of Russia, rule of law, execution of solutions of the Constitutional Court, human right and citizen.

Актуальность проблемы реализации решений Конституционного Суда РФ очевидна. Исполнение решений данного Суда относится к стадии конституционного судопроизводства в силу того, что он может и должен контролировать осуществление собственных актов, анализировать причины их неисполнения. В законодательстве предусмотрена обязанность государственных органов и должностных лиц по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией РФ 1993 г. в связи с решением федерального органа конституционного контроля. Так, Правительство РФ не позднее шести месяцев после опубликования решения Конституционного Суда вносит в Государственную Думу проект нового федерального конституционного или федерального закона, или ряд взаимосвязанных проектов законов либо законопроект о внесении изменений в закон, признанный Конституционным Судом России неконституционным в отдельной его части [1].

На исключительно важную роль исполнительного производства неоднократно обращал внимание сам Конституционный Суд РФ [2; 3]. Данная позиция полностью согласуется с положениями общепризнанных международно-правовых актов — Всеобщей декларации прав человека, принятой 10.12.1948 (ст. 8), и Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (п. 1 ст. 6) в их интерпретации Европейским судом по правам человека [4]. Он в своей практике также исходит из понимания исполнения судебного решения как неотъемлемого элемента права на правосудие и признает, что его нарушение может приобрести форму игнорирования или несвоевременного исполнения решения. Право на судебную защиту стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства допускала, чтобы судебное решение, вступившее в законную силу и обязательное к исполнению, оставалось недействующим в отношении одной стороны в ущерб ее интересам; исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемый элемент судебного процесса [5; 6].

Более того, если учитывать специфику решений Конституционного Суда РФ, а именно их влияние на всю отечественную правовую систему, то можно утверждать, что полное, последовательное и своевременное их осуществление гарантирует верховенство закона и его единообразное применение на всей государственной территории России. Отметим также, что верховенство закона можно рассматривать как ведущий формально-юридический признак правового государства и как конституционный принцип, положенный в основу демократического строительства [7, с. 90].

Обозначенная проблема не теряет актуальности уже длительное время. Практика неисполнения данных решений приводит к тому, что существенно страдает авторитет не только Конституционного Суда РФ как одного из важнейших институтов государства, но и всей Российской Федерации.

В литературе назывались причины, по которым решения конституционных судов не получают должного применения: проявления правового нигилизма; медлительность правотворческой работы; субъективно-консервативная позиция государственных структур, не желающих менять правоприменительную практику; неясность в понимании правовых позиций; слабое информирование о принятых актах данных судов; нормативная и практическая незавершенность механизма правореализации. Имеют значение и противоречивые процессы во взаимоотношениях федерального центра и регионов, и несовершенство самих анализируемых судебных актов — в частности, усложненное изложение их содержания, затрудняющее понимание исполнителями [8, с. 2; 9, с. 25]. По вескому суждению К.А. Сасова, по всей видимости, совокупность указанных факторов привела к тому, что Конституционный Суд РФ перестали воспринимать как строгого контролера, отменяющего противоправный документ [10, с. 4]. Однако следует также отметить и такой негативный фактор, как отсутствие ответственности за игнорирование решений органов конституционного правосудия. Совершенно недопустимы сомнения в обязательности актов конституционных судов, обоснованные якобы тем, что таковые не ориентированы на «принудительное исполнение» [11, с. 355–358]. Подобное утверждение неприемлемо, т. к. обязательность

судебных актов предполагает создание надлежащего, эффективного, сжатого по срокам и реально действующего организационно-правового механизма осуществления подобных решений. К сожалению, положения федерального законодательства, предусматривающие ответственность за неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решений конституционных судов действуют не в полной мере.

Конституционный Суд РФ дважды в год направляет в Государственную Думу, Совет Федерации Федерального Собрания, Правительство России, Министерство юстиции РФ актуализированный Перечень решений этого высокого Суда, предполагающих изменение федерального регулирования. Все содержащиеся в нем решения (о признании норм не соответствующими Конституции РФ, о признании норм соответствующими Конституции России в выявленном конституционно-правовом смысле с указанием на необходимость внесения надлежащих изменений в правовое регулирование) подлежат учету федеральным законодателем. В этом перечне фиксируются соответствующие позиции Аппарата Правительства РФ, Минюста России и Секретариата Конституционного Суда о состоянии исполнения решений, имеющих разногласия по вопросу их реализации [12]. Конституционный Суд РФ ожидает соответствующих предусмотренных законодательством действий, т. к. сам не располагает принудительными средствами для их выполнения. В своих решениях он неоднократно подчеркивал общеобязательный характер рассматриваемых актов, неисполнение которых означало бы игнорирование требований Конституции РФ и базового Федерального конституционного закона 1994 г.

Примечательно, что проблема неисполнения решений отечественных конституционных судов неоднократно обсуждалась на различных совещаниях, в том числе и международных [13, с. 46; 14, с. 26–27; 15]. В настоящее время механизм исполнения актов Конституционного Суда РФ усовершенствован [16], и количество их решений, оставшихся по тем или иным причинам без какой-либо реакции законодателя, снижается. Однако цельного, системного подхода еще не выработано, и проблема сбалансированного и оперативного внесения изменений в законы и иные нормативные акты, признанные неконституционными, остается по-прежнему весьма острой [17, с. 5].

Так, за 2011 г. Конституционным Судом РФ принято 30 постановлений. Из них 21 постановление и 2 определения требуют осуществления дополнительного правового регулирования на основании содержащихся в резолютивной части прямых предписаний в адрес законодателя. При этом в 2011 г. было реализовано 15 решений этого Суда, в том числе 13 постановлений. Кроме того, отмечается увеличение числа обращений с жалобами на неисполнение решений этого Суда [18, с. 5–6, 21].

В то же время необходимо отметить некоторую положительную динамику. Всего в 2015 г. было принято 13 федеральных законов во исполнение данных решений (в предыдущие годы эти показатели были выше). Для сравнения: в 2013 и 2014 гг. принято по 20 (наибольшее число за последние годы) нормативных правовых актов, направленных на исполнение анализируемых судебных постановлений, в 2011 и 2012 гг. — 15 и 17 федеральных законов соответственно. По вопросу исполнения еще 9 решений даны необходимые поручения

Правительства РФ, на основании которых ведется работа в соответствующих федеральных органах государственной власти. В настоящее время, по сведениям Секретариата Конституционного Суда, федеральным законодателем не исполнено 45 постановлений Суда о признании нормативных положений не соответствующими российской Конституции, а также о признании нормативных положений соответствующими Конституции РФ в выявленном Судом смысле. Количество неисполненных постановлений за 2014 г. составило 5, 2013 г. — 1; 2012 г. — 1; 2011 г. — 2; 2010 г. — 3; 2008 г. — 2 [12].

Очевидно, что недостаточно связывать данный механизм с формально-юридической отменой признанного неконституционным положения. Существует необходимость выработки новых правоположений и их закрепления в законодательстве в связи с признанием оспоренных актов не соответствующими Конституции или с выявлением их конституционного смысла. И в той ситуации, когда Суд воздерживается от точных характеристик предполагаемых изменений в законодательство, его решения могут использоваться для установления параметров нового правового регулирования [19, с. 7]. Исполнение должно выражаться, прежде всего, в более детальном урегулировании отношений, связанных с повсеместным признанием неконституционных норм и норм, им аналогичных, утративших силу, и их повсеместным неприменением, устранением положений с неконституционным содержанием. Существует точка зрения об отсутствии необходимости принятия специального закона для установления четкого механизма исполнения решений этих судов [20, с. 29]. С этим утверждением согласиться нельзя. Необходимость подготовки крупного специального законодательного акта обусловлена тем, что на практике решения Конституционного Суда РФ, конституционных (уставных) судов субъектов нередко игнорируются органами исполнительной и законодательной власти, судами, другими организациями, которым они непосредственно адресованы. В Российской Федерации существует необходимость принятия специальных законов, как предусматривающих ответственность лиц, виновных в неисполнении решений конституционных судов, так и регулирующих механизм их исполнения.

Кардинально решить этот вопрос мог бы специальный закон о порядке исполнения решений Конституционного Суда, один из вариантов которого готовился в начале 90-х гг. XX в. Еще 1 апреля 1992 г. Верховный Совет России принял в первом чтении Закон об обеспечении и исполнении решений Конституционного Суда и направил его на доработку. Позднее, когда эта проблема перестала быть сугубо юридической, она обсуждалась на нескольких съездах народных депутатов. Согласно постановлению VIII внеочередного съезда народных депутатов от 11.03.1993 должен был быть издан закон о механизме выполнения решений Конституционного Суда и об ответственности за их невыполнение [21, с. 15]. Однако этого сделано не было. В связи с вышеизложенным заслуживает внимания опыт Конституционного суда Австрии, учрежденного в 1922 г. Выполнение актов старейшего органа конституционного контроля в Европе возложено на обычные суды и на Президента Республики (ст. 146 Федерального конституционного закона Австрии от 01.10.1920). Исполнение решений Конституционного суда производится уполномоченными по указанию главы австрийского государства

органами Федерации или земель, а в исключительных случаях — с привлечением федеральной армии [22, с. 86].

Конституционный Суд РФ оказывает существенное влияние на совершенствование законодательства и на правоприменительную практику. Поэтому эффективно и своевременно выполнять его решения должны все органы публичной власти, должностные лица и общественные организации.

Список литературы:

1. О Конституционном Суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон РФ № 1-ФКЗ от 12.07.1994 (с посл. изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 13, ст. 1447; 2015. — № 24, ст. 3362; № 51, ст. 7229.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2005. — № 30, ч. 2, ст. 3199.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2008 № 734-О-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2009. — № 5, ст. 678.
4. Азаров, А. Защита прав человека: международные и российские механизмы / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. — М.: Моск. школа прав человека, 2000. — 392 с.
5. Постановление Европейского суда по правам человека от 07.05.2002 по делу «Бурдов (Burdov) против России» // Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда по правам человека за 2002 год.
6. Постановление Европейского суда по правам человека от 18.11.2004 по делу «Вассерман (Wasserman) против России» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2005. — № 6.
7. Колесников, Е.В. Становление демократического правового государства в Российской Федерации и принцип верховенства закона // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2013. — № 4. — С. 90–94.
8. Информация Конституционного Суда РФ об исполнении решений Конституционного Суда РФ : утв. Решением Конституционного Суда РФ от 21.04.2009 // Журнал конституционного правосудия. — 2009. — № 4. — С. 2.
9. Игнатов, А.В. Механизм лишения юридической силы нормативных правовых актов, аналогичных признанным неконституционными // Государственная власть и местное самоуправление. — 2007. — № 8. — С. 25–28.
10. Сасов, К.А. О причинах неисполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Налоговед. — 2007. — № 7. — С. 5–9.
11. Бойков, А.Д. Опасность негативного правотворчества // Библиотека криминалиста. — 2012. — № 2. — С. 355–383.
12. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда РФ, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2015 году. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/ReportKS2015.aspx> (дата обращения: 25.10.2016).
13. О первой Всемирной конференции по конституционному правосудию (Кейптаун, 22–24 января 2009 г.) // Журнал конституционного правосудия. — 2009. — № 1.
14. Станских, С.Н. Семинар ОБСЕ по человеческому измерению «Конституционное правосудие» // Журнал конституционного правосудия. — 2010. — № 2. — С. 25–37.
15. Бережная, Н.Н. За Конституцию — к ответу. Интервью с А. Александровым и В. Зорькиным // Эж-ЮРИСТ. — 2009. — № 26.
16. О внесении изменения в ст. 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федеральный конституционный закон РФ № 1-ФКЗ от 05.04.2013. — URL: (дата обращения: 14.06.2016).

-
17. Князев, С.Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. — 2013. — № 12. — С. 5–13.
18. Байрамов, С.В. Исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации как форма реализации конституционного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 27 с.
19. Кальяк, А.М. Некоторые вопросы исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. — 2007. — № 7. — С. 7–10.
20. Чепурнова, Н.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как образец юридической гармонии // Российская юстиция. — 2001. — № 10. — С. 28–29.
21. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. — 1992. — № 18, ст. 970; 1993. — № 12, ст. 438; Сборник постановлений Верховного Совета Российской Федерации. — М., 1992. — Вып. 12.
22. Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. — 816 с.

Е.А. Малько,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и
процесса Саратовского национального
исследовательского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского*

С.А. Семикина,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии*

Е.А. Malko,

*Candidate of Law, Associate Professor
Saratov State University
elena16.87@mail.ru*

S.A. Semikina,

*Candidate of Law, Associate Professor
Saratov State Law Academy
svetlanasemikina@rambler.ru*

Судебная жизнь общества в условиях глобализации

Аннотация: актуальность статьи обусловлена постоянным реформированием судебной системы, что приводит к влиянию на развитие судебной жизни современного общества как одной из форм правовой жизни. Судебная жизнь формируется на основе сложившихся в обществе социальных процессов, зависит от его ментальности и представлений, которые непосредственно отражаются на всей судебной системе. Авторы статьи, в контексте последних тенденций развития гражданского и арбитражного процессуального законодательства, отмечают такие изменения, как введение упрощенного производства в гражданском процессе, внедрение элементов электронного правосудия в ГПК и АПК РФ, введение нового института отказа в принятии искового заявления арбитражным судом и др.

Ключевые слова: правовая жизнь, судебная жизнь, судебная реформа, цивилистическое судопроизводство, процессуальное законодательство, суд.

Judicial life of society in the conditions of globalization

Abstract: the relevance of the article is due to the constant reform of the judicial system, which leads to the influence on the development of the judicial life of modern society as a form of legal life. Judicial life is formed on the basis of social processes that have developed in society, depends on its mentality and perceptions, which are directly reflected in the entire judicial system. The authors of the article in the context of the latest development trends in civil and arbitration procedural legislation note such changes as the

introduction of simplified production in the civil process, the introduction of elements of electronic justice in the CCP and the AIC of the Russian Federation, the introduction of a new institution of refusal to accept the statement of claim by the arbitration court and other.

Keywords: *legal life, judicial life, judicial reform, civil legal proceedings, procedural legislation, court.*

В юридической науке нередко отмечается, что правовая жизнь — сложное правовое явление. Она способна характеризовать существующую юридическую действительность, а именно, отражать ее реальность и особенности. Кроме этого правовая жизнь тесно взаимосвязана с социально-экономической и политической жизнью, т. к. они оказывают воздействие друг на друга. А.В. Малько справедливо отмечает, что на течение правовой жизни влияет множество различных факторов: финансово-экономические, материально-организованные, партийно-политические, культурно-идеологические, социально-классовые, технико-информационные, духовно-научные, природно-географические и т. д. [1, с. 56].

Как известно, такая категория, как «правовая жизнь», отличается многогранностью и многообразием форм. В контексте этого важно отметить, что правовая жизнь может проявляться в такой особой форме, как судебная жизнь.

Понятие «судебная жизнь» широкое, оно включает в себя всю судебную сферу, при этом отражая прошлые и современные тенденции судебной действительности.

Судебная жизнь берет свое начало из правовой культуры, правосознания населения. Более того, судебная жизнь формируется на основе сложившихся в обществе социальных процессов, зависит от его ментальности и представлений, которые непосредственно влияют на развитие всей судебной системы.

Э.М. Мурадян полагает, что судебная жизнь «вписывается» в жизнь общества и человека. Судебная жизнь — это проверка жизнеспособности суда, его способности сохранять свой тонус, развиваться, совершенствоваться. Судебная жизнь, как и жизнь человека и социума, это и проверка на жизнестойкость, т. е. способность сопротивляться неблагоприятным обстоятельствам, выдерживать перемены, реконструкции и переустройства [2, с. 64–64]. Судебной жизни, так же как и правовой, свойственно меняться, реагировать на различные перемены, реформы.

Следует признать, что процесс развития законодательства переплетается с процессом развития судебной жизни, что обусловлено неразрывной связью судебной реформы и судебной жизни.

В связи с этим следует проанализировать актуальные изменения в сфере цивилистического судопроизводства в России. Среди них можно выделить учреждение единого Верховного Суда РФ в целях единообразия судебной практики, принятие Кодекса административного судопроизводства РФ [3], который регулирует порядок рассмотрения и разрешения Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции, мировыми судьями административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и

обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий, в том числе, введение упрощенного производства и усовершенствование примирительных процедур, внедрение элементов электронного правосудия и др.

Говоря о последних изменениях в области гражданского судопроизводства, стоит обратить внимание на введение упрощенного производства в ГПК РФ в 2016 г. В соответствии со ст. 232.1 ГПК РФ дела в порядке упрощенного производства рассматриваются судом по общим правилам искового производства, предусмотренным Кодексом, с соответствующими особенностями. Так, в порядке упрощенного производства подлежат рассмотрению дела:

1) по исковым заявлениям о взыскании денежных средств или об истребовании имущества, если цена иска не превышает ста тысяч рублей, кроме дел, рассматриваемых в порядке приказного производства (ст. 122 и ч. 3 ст. 125 ГПК РФ);

2) по исковым заявлениям о признании права собственности, если цена иска не превышает ста тысяч рублей;

3) по исковым заявлениям, основанным на представленных истцом документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются, и (или) на документах, подтверждающих задолженность по договору, кроме дел, рассматриваемых в порядке приказного производства.

По ходатайству стороны при согласии другой стороны или по инициативе суда при согласии сторон судья при подготовке дела к рассмотрению может вынести определение о рассмотрении в порядке упрощенного производства иных дел, если не имеется обстоятельств, указанных в ч. 4 ст. 232.2.

Не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства дела:

- 1) возникающие из административных правоотношений;
- 2) связанные с государственной тайной;
- 3) по спорам, затрагивающим права детей;
- 4) особого производства.

Как справедливо отмечает Е.С. Смагина, критерии отнесения дел к рассматриваемым в упрощенных процедурах — не единственная правоприменительная проблема нового упрощенного производства. Стремление к единообразию упрощенных процедур в ГПК РФ и АПК РФ не в полной мере сказалось на заимствовании зарекомендовавших себя на практике норм АПК РФ о порядке упрощенного производства.

Основной особенностью порядка упрощенного производства является рассмотрение дела без проведения очного слушания, вызова лиц, участвующих в деле, на основании письменных доказательств, представленных ими. Соответственно, сохранение основных гарантий судебной защиты заинтересованным лицам и основ состязательности процесса в рамках упрощенного производства в первую очередь связано с установлением доступного порядка представления доказательств по делу и ознакомлением с доказательствами противоположной стороны.

Согласно статье 232.3 ГПК РФ суд выносит определение о принятии искового заявления к производству, в котором указывает на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, или определение о переходе к рас-

смотрению дела в порядке упрощенного производства и устанавливает срок для представления сторонами в суд, рассматривающий дело, и направления ими друг другу доказательств и возражений относительно предъявленных требований, который должен составлять не менее 15 дней со дня вынесения соответствующего определения. В определениях суд может предложить сторонам урегулировать спор самостоятельно, указав на возможность примирения.

В этих определениях суд устанавливает также срок, в течение которого стороны вправе представить в суд, рассматривающий дело, и направить друг другу дополнительно документы, содержащие объяснения по существу заявленных требований и возражений в обоснование своей позиции, который должен составлять не менее 30 дней со дня вынесения соответствующего определения. Такие документы не должны содержать ссылки на доказательства, которые не были представлены в указанный срок. Период между датой окончания срока представления доказательств и возражений и датой окончания срока представления иных документов должен составлять не менее 15 дней.

Аналогичные сроки установлены и ч. 3 ст. 228 АПК РФ. При этом в АПК РФ, в отличие от ГПК РФ, обнаруживается более жесткий подход к принятию доказательств, поступивших за пределами этих сроков, что представляется обоснованным с точки зрения основных целей упрощенного производства. Согласно ч. 4 ст. 232.3 ГПК РФ, если доказательства и иные документы поступили в суд до принятия решения по делу, но по истечении установленных судом сроков, суд принимает эти доказательства и иные документы при условии, что сроки их представления пропущены по уважительным причинам. Для сравнения: ч. 4 ст. 228 АПК РФ устанавливает, что, если отзыв на исковое заявление, отзыв на заявление, доказательства и иные документы поступили в суд по истечении установленного арбитражным судом срока, они не рассматриваются арбитражным судом и возвращаются лицам, которыми они были поданы, за исключением случая, если эти лица обосновали невозможность представления указанных документов в установленный судом срок по причинам, не зависящим от них. О возвращении указанных документов арбитражный суд выносит определение.

Тем самым, по верному суждению Е.С. Смагиной, несомненным преимуществом правового регулирования порядка упрощенного производства в арбитражном процессе, оправдывающим его необходимость и обеспечивающим соблюдение всех принципов процесса в его ходе, является применение информационных технологий на этой стадии процесса. Для ознакомления сторон с материалами дела (всеми вынесенными судом актами и представленными процессуальными документами, доказательствами) в информационной системе суда организуется закрытый кластер, куда в течение трех дней выкладываются указанные материалы. В первом же определении о переходе к рассмотрению дела в порядке упрощенного производства арбитражный суд указывает данные, необходимые для идентификации сторон, в целях доступа к материалам дела в электронном виде. При этом и само исковое заявление, и все иные документы, доказательства могут быть поданы в суд как в традиционном (бумажном), так и в электронном виде. Лица, участвующие в деле, имеют простую и доступную возможность ознакомления с материалами дела,

обеспечивающую реальную состязательность сторон, раскрытие доказательств, представление дополнительных материалов и возражений не «вслепую», а на основе уже имеющихся в деле доказательств [4].

В связи с этим в ГПК РФ раскрывается процедура рассмотрения дел в порядке упрощенного производства, которое «на деле» представляется больше как усложненное, начиная с подачи искового заявления.

На наш взгляд, упрощенное производство должно носить именно адаптированный характер для лиц, участвующих в деле, не усложняя весь ход процедуры, в отличие от других видов производств.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что нормативное регулирование упрощенного производства в гражданском процессе имеет достаточно рамочный характер и нуждается в существенной детализации, согласовании с иными действующими институтами гражданского процесса с целью создания прочных основ для правоприменения, повышения гарантий судебной защиты [4].

Между тем среди позитивных тенденций развития гражданского судопроизводства можно выделить введение с 1 января 2017 г. элементов электронного правосудия в гражданском процессе, а именно предоставление в суд общей юрисдикции в электронном варианте заявлений и документов, прилагаемых к ним в соответствии с Приказом Судебного департамента при ВС РФ от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [5].

В соответствии с новым положением документы в электронном виде подаются через личный кабинет пользователя, созданный в разделе «Подача процессуальных документов в электронном виде» официального сайта суда, который расположен на интернет-портале ГАС «Правосудие» (www.sudrf.ru) в сети Интернет. Выделяют два способа авторизации в личном кабинете: подтвержденная учетная запись физического лица ЕСИА или усиленная квалифицированная электронная подпись пользователя. Если документы подает представитель, он должен приложить документ, подтверждающий полномочия. Подобные положения уже успешно применяются в АПК РФ и позволяют в настоящее время представлять в суды процессуальные документы в электронном виде, а затем и рассматривать с помощью средств видео-конференц-связи, протоколируя с помощью систем аудиозаписи.

Вышесказанное нововведение подтверждает, что законодатель стремится снова создать единообразные условия применения АПК РФ и ГПК РФ с целью развития концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». Безусловно, активное введение элементов электронного правосудия в процесс рассмотрения гражданских дел может иметь как положительные, так и отрицательные стороны. Так, возникает целый ряд теоретических и практических проблем, связанных с недостаточной проработкой нормативной основы их применения, необходимостью дополнительного технического оснащения судов, отсутствием необходимых технических знаний у отдельных участников процесса, в том числе у самих судей, и т. д. В то же время электронный документооборот и использование систем видео-конференц-связи позволяет повысить уровень доступности правосудия (личная явка в суд в некоторых случаях является

затруднительной, поскольку один суд может обслуживать большую территорию) и значительно сократить сроки рассмотрения дел (почтовые отправления могут задерживаться или вообще не доходить до адресата) [6].

Кроме того, изменения и нововведения в арбитражное процессуальное законодательство способствуют дальнейшей унификации процессуальных норм и процедур судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также оптимизации судебной нагрузки.

Во-первых, с 1 июня 2016 г. арбитражные суды выносят частные определения (ст. 188.1 АПК РФ) по следующим основаниям, связанным с нарушением законности, допущенным со стороны государственного органа, органа местного самоуправления; иного органа и (или) организации, наделенные публичными полномочиями; должностного лица; адвоката; субъекта профессиональной деятельности. Последствием вынесения частного определения является возникновение у соответствующих субъектов обязанности сообщить суду о принятых мерах в месячный срок. В случае же неисполнения определения предусмотрена административная ответственность (в виде штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей (ст. 17.4 КоАП РФ)).

С учетом практики применения аналогичной нормы ГПК РФ (ст. 226), арбитражные суды используют институт частных определений, например, в случаях систематического нарушения закона одним и тем же органом государственной власти, субъектом (неисполнение запроса суда) пресечения недобросовестных действий представителя стороны.

Во-вторых, с 1 января 2017 г. в АПК РФ внесены изменения, предусматривающие вынесение решений и определений арбитражными судами в электронном виде. Эти поправки связаны с возможностью направления в арбитражные суды электронных документов, появлением электронных судебных актов в арбитражном процессе и возможностью рассмотрения ходатайств, поданных через Интернет.

В статье 15 АПК РФ предусматривается возможность принятия арбитражными судами и Верховным Судом РФ судебных актов в электронном виде, за исключением тех, в которых содержатся сведения, относящиеся к государственной тайне. Такой документ должен быть заверен усиленной квалифицированной подписью судьи или всех судей, которые его вынесли. Кроме того, при таком способе вынесения судебного акта он обязательно должен быть продублирован на бумаге.

Аналогичные требования закреплены в ст. 169 АПК РФ к судебным решениям, а в ст. 184 АПК РФ — к определениям. Кроме того, ст. 186 АПК РФ определяет порядок направления определений, вынесенных в электронной форме. В частности, их следует публиковать на сайте суда в Интернете, но если стороны по делу хотят получить определение другим способом, они должны подавать соответствующие ходатайства. В ст. 177 АПК РФ предусмотрено размещение электронных решений в сети Интернет на официальном сайте арбитражного суда. Статья 176 АПК РФ регламентирует порядок оглашения электронного решения. В соответствии с ним при выполнении резолютивной части решения в форме электронного документа дополнительно выполняется экземпляр данной резолютивной части решения на бумажном носителе, который также приобщается к делу.

Статья 265.1 АПК РФ определяет порядок электронных ходатайств о приостановлении исполнения судебных актов арбитражным судом апелляционной инстанции, а ст. 283 АПК РФ — аналогичный порядок для кассационной инстанции. В ст. 291.6 АПК РФ и 308.4 АПК РФ закреплён порядок подачи ходатайств в электронной форме в Верховный Суд РФ. Порядок заполнения формы на сайтах арбитражных судов установил ВС РФ [7].

В-третьих, в АПК РФ введен новый институт отказа в принятии искового заявления арбитражным судом. Отсутствие в АПК РФ соответствующей нормы приводило к тому, что производство по заявлениям, не подлежащим рассмотрению в арбитражных судах, прекращалось судом только при рассмотрении дела (ст. 150 АПК РФ).

В связи с этим в АПК РФ была введена новая ст. 127.1, которая позволяет использовать этот институт в целях оптимизации судебного процесса, ускорения решения соответствующих процессуальных вопросов на этапе подачи искового заявления в суд, что в итоге будет способствовать снижению судебной нагрузки в арбитражных судах и положительным образом скажется на качестве [8].

В АПК РФ предусмотрен ряд оснований, по которым судья отказывает в принятии искового заявления: если оно не подлежит рассмотрению и разрешению в арбитражном суде, имеется вступивший в законную силу принятый по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям судебный акт арбитражного суда, суда общей юрисдикции или компетентного суда иностранного государства, за исключением случаев, когда арбитражный суд отказал в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, а также определение о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон или определение об отказе в принятии искового заявления.

Кроме того, арбитражный суд может отказать в принятии искового заявления, если есть ставшее обязательным для сторон и принятое по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решение третейского суда, за исключением случаев, если суд отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда либо если арбитражный суд отменил указанное решение.

В-четвертых, следующей новеллой в АПК РФ является введение обязательного досудебного порядка урегулирования спора. Обращение в арбитражный суд возможно только по истечении 30 календарных дней со дня направления претензии другой стороне спора. При этом необходимо учитывать, что иной срок и (или) порядок могут быть установлены в законе или договоре.

В АПК РФ говорится, что в отношении следующих категорий дел досудебное урегулирование не предусматривается: а) об установлении фактов, имеющих юридическое значение; б) о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок; в) о несостоятельности (банкротстве); г) о корпоративных спорах; д) о спорах о защите прав и законных интересов

группы лиц; е) о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования; ж) об оспаривании решений третейских судов; з) в спорах, вытекающих из публичных правоотношений, досудебный порядок применяется только при наличии прямого указания федерального закона.

Несоблюдение досудебного порядка влечет возвращение искового заявления либо оставление его без рассмотрения (до и после принятия заявления к производству — соответственно).

Таким образом, мы наблюдаем существенные изменения в сфере современного цивилистического производства в целом. Основные тенденции данного судопроизводства демонстрируют развитие судебной жизни общества сквозь призму судебной реформы.

Список литературы:

1. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. — 528 с.
2. Мурадян, Э.М. Судебное право / Э.М. Мурадян. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. — 575 с.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2015. — № 10, ст. 1391.
4. Смагина, Е.С. Проблемы упрощенного производства в гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 9. — С. 57–63.
5. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа : приказ Судебного департамента при ВС РФ от 27.12.2016 № 251 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Алексеев, А.А. Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. — 2016. — № 2. — С. 12–16.
7. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа : утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 46-П. — URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=11149 (дата обращения: 15.03.2017).
8. URL: <https://pravo.ru/news/view/136666/> (дата обращения: 15.03.2017).

• ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ •

А.Б. Бекмагамбетов,
кандидат юридических наук,
заместитель директора по науке
Костанайского филиала Челябинского
государственного университета
(Казахстан),
докторант Российского университета
дружбы народов

A.B. Bekmagambetov,
candidate of law,
deputy director for science of Kostanay
Branch of Chelyabinsk State University
(Kazakhstan), doctoral candidate of the
Russian Peoples' Friendship University

К вопросу о структуре политики противодействия преступности, связанной с торговлей людьми

Аннотация: проблема противодействия преступности, связанной с торговлей людьми, остается малоизученной, что является серьезным пробелом в уголовно-правовой доктрине и в целом в системе уголовной политологии. В статье предлагается подготовленная с использованием общенаучных и частнонаучных методов научного анализа теоретико-прикладного круга источников теоретическая модель структуры политики противодействия преступности, связанной с торговлей людьми. На предметно-функциональном (отраслевом) уровне показана взаимосвязь с другими подсистемами антикриминальной (уголовной) политики, а на глобальном генетическом уровне — с правовой, в том числе правотворческой и правоохранительной политикой. Отмечается продуктивность разработки теоретической модели политики противодействия преступности, связанной с торговлей людьми, в контексте концепции невиско-волжской научной школы Д.А. Шестакова. В этом случае гармонично сочетаются структуры уголовной политики и единого законодательства о противодействии преступности.

Ключевые слова: правовая политика; политика противодействия преступности, связанной с торговлей людьми.

On the structure of combating crime policy connected with trafficking in person

Abstract: the article is devoted to the analysis of the structure of combating crime policy connected with trafficking in person. This aspect is little-studied in the legal literature and according to the author it is a serious gap in the criminal law doctrine and in the system of the criminal political science. To fill this gap a theoretical model of structure of combating crime policy connected with trafficking in person is presented in the article. This model is based on the usage of the general scientific and scientific methods of scientific analysis of various theoretical and practical sources. The relationship with other subsystems of the anti-criminal (penal) policy is showed on object-functional (sectoral) level, and the relationships with a legal, including law-making and law enforcement policies are shown on the global genetic level. The author noted the productivity of development theoretical model policy of combating crime, connected with trafficking in person, in context of conception Nevis-Volga Shestakov D.A. scientific school, as in this case the harmoniously combined structures of legal policy and unified legislation on combating crime.

Keywords: legal policy; combating crime policy, crime connected with trafficking in person.

Правовая политика в сфере противодействия преступности, связанной с торговлей людьми, на наш взгляд, не только объективно обусловлена, но также имеет перспективы для системного оформления и практического воплощения.

В свете наших исследовательских задач весьма интересен опыт разработки Саратовским филиалом Института государства и права Российской академии наук под руководством А.В. Малько проектов: Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. [1], Концепции правотворческой политики в Российской Федерации [2], Концепции правоохранительной политики в Российской Федерации [3]. В Республике Казахстан аналогом вышеназванных документов является утвержденная указом главы государства Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 гг. [4]

Как известно, «под правовой политикой понимается целенаправленная планомерная деятельность государства в сфере социальных отношений, сущность которой заключается в выработке и практической реализации правовых идей и целей стратегического характера» [1, с. 5]. На глобальном генетическом уровне правовая политика выступает прародителем уголовной (антикриминальной) политики, что подразумевает сбалансированное сочетание исходных универсальных и уникальных признаков и свойств.

По мнению А.Э. Жалинского, уголовная политика «обязательно имеет как общие черты, присущие политике как социальной реальности и разрабатываемые в политологии и смежных дисциплинах, так и специфические черты, отражающие собственную ее природу и назначение» [5, с. 68]. К примеру, их объединяет то, что в отношении определения понятия и правовой политики, и уголовной политики существует как минимум два подхода и, соответственно, смысловых акцента (расширительный и ограничительный). Как отмечают С.А. Комаров и Г.М. Азнагулова, если в первом смысле свойство «правовая» выступает в качестве существенного атрибута политики, то во втором она обозначает область применения [6, с. 8–9].

По мнению Н.А. Лопашенко, существует три вида толкования уголовной политики: широкое, среднее, узкое. «Классическое узкое толкование, — отмечает автор, — (и единственно верное, исходя из буквального смысла, на мой взгляд) дано В.Н. Кудрявцевым: “Под уголовной политикой понимается та часть государственной политики в области борьбы с преступностью, которая осуществляется средствами и методами уголовного права”» [7, с. 13]. Следуя за такой логикой, нетрудно заметить отождествление уголовной и уголовно-правовой политики, что, на наш взгляд, не совсем обоснованно и не очень продуктивно.

Нам более импонирует позиция М.М. Бабаева и Ю.А. Пудовочкина, являющихся, как и большинство специалистов, сторонниками только широкой трактовки исследуемой категории, в соответствии с которой она предстает в качестве системы, включающей в себя комплекс взаимосвязанных, но вместе с тем относительно автономных подсистем: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, криминологическую, пенитенциарную, оперативно-розыскную политику [8, с. 11]. И.М. Клейменов расширяет этот перечень за счет административно-правовой политики [9, с. 96], что вызывает возражение, ведь уголовная политика направлена на противодействие преступлениям, а не административным правонарушениям.

Л.Д. Гаухман и С.В. Максимов полагают, что по *структуре* уголовная политика, представляя часть социальной политики и являясь многокомпонентной системой, состоит из уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики, которым соответствуют самостоятельные отрасли законодательства [10, с. 57]. Аналогичную позицию занимает С.В. Баринов [11, с. 26].

Таким образом, налицо четкое проявление дуализма в части узкой и широкой трактовки теперь уже понятия структуры уголовной политики.

В то же время из правовой политики вытекают: правотворческая и правоохранительная политика, т. е. мы имеем дело с разветвленной, постоянно эволюционирующей конструкцией. Это выражается в образовании новых правовых институтов, отраслей законодательства и, в конечном итоге, новых разновидностей правовой политики. У каждого из них свой круг целей, задач, объектов, субъектов, средств (инструментарий) и методов реализации. Это актуализирует вопросы унификации понятийно-категориального аппарата, соотношения и разграничения их между собой, а также с другими смежными понятиями. Все это обуславливает необходимость системного компаративного, структурно-функционального анализа трендов развития правовой политики и ее разновидностей. При этом, по справедливому мнению М.М. Бабаева и Ю.А. Пудовочкина, уголовная политика «всегда рассматривается как целостность, единая структура, включающая в себя ряд подструктур» [8, с. 13].

Поиск адекватных мер реагирования на глобальные вызовы и угрозы криминального характера (организованная преступность, терроризм, торговля людьми и др.) подтверждает необходимость создания концепции политики противодействия преступности, связанной с торговлей людьми, как составной части уголовной политики [12, с. 43]. На целесообразность выделения противодействия торговле людьми как одного из направлений уголовной политики впервые указал, пожалуй, К.А. Волков [13, с. 34–36]. Однако данный аспект не нашел своего дальнейшего развития, что является серьезным пробелом в праве. В связи с этим нами предпринята попытка теоретической разработки модели политики противодействия преступности, связанной с торговлей людьми. Следует отметить, что торговля людьми — не уголовно-правовое, а криминологическое понятие, состоящее из значительного ряда взаимосвязанных деяний [14, с. 89–94].

Торговля людьми С.В. Максимовым, Л.Д. Гаухманом, Н.В. Валуйсковым рассматривается в рамках одного из восьми специальных тематических направлений уголовно-правовой политики борьбы с преступлениями против личности [15, с. 191–194].

Сложный многоплановый феномен уголовной политики, подсистемой (тематическим направлением) которой является политика противодействия торговле людьми, может иметь различное терминологическое обозначение. Политика противодействия преступности, связанной с торговлей людьми, так же как и уголовная политика, носит сложносоставной характер и включает уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, криминологическую, криминалистическую подсистемы. Они имеют отнесенную автономию, горизонтальные (внутренние) и вертикальные

(внешние) взаимообратные связи. Применительно к этому мы солидарны с И.М. Клейменовым в том, что «деятельность каждого элемента уголовно-политической системы без взаимодействия с другими не имеет смысла, только во взаимоотношении, взаимодействии всех подсистем — взаимосодействии — появляется возможность получения социально полезного результата» [9, с. 96].

Политика противодействия преступности, связанной с торговлей людьми, так же как и схожие с ней антикоррупционная, антинаркотическая, анти-террористическая, антиэкстремистская политика, по своей природе является межотраслевым и междисциплинарным институтом. Важно не смешивать две системы относительно автономных, хотя и генетически родственных координат: общеправовой (фундаментальный) подход и специальный (профильный) подход, имеющие свои понятийно-категориальные аппараты, набор компонентов и взаимных связей.

В рамках первого подхода родовым понятием выступает правовая политика, которая подразделяется на правотворческую и правоохранительную. Они олицетворяют определенные функции государства и в сквозном порядке охватывают всю правовую систему, в том числе многообразие существующих отраслей. В рамках второго подхода родовым понятием выступает антикриминальная (уголовная) политика, виды которой названы выше. Элементы (виды) двух систем классификации могут пересекаться (и пересекаются), как круги Эйлера, но важно знать их соотношение между собой. В связи с этим А.В. Малько справедливо отмечает, что недопустимо отождествление понятий «правоохранительная политика» и «уголовная политика» [3, с. 6]. Первое, как представляется, шире, поскольку речь идет об основополагающих универсальных положениях теории государства и права, а именно, о функциях государства и права. Одним из ярких примеров могут послужить размышления А.В. Малько о целесообразности трансформации антинаркотической политики в антинаркотическую функцию государства [16, с. 37].

Торговля людьми среди глобальных криминальных вызовов — зло, не меньшее, чем наркотизм, терроризм или коррупция, поскольку характеризуется повышенной вредоносностью и общественной опасностью. Более того, в контексте глобализации преступности очевидна необходимость выработки адекватной системы мер противодействия в отношении этого вида деликта с использованием потенциала правотворческой и правоохранительной политики.

Правотворческая политика в сфере противодействия преступности, связанной с торговлей людьми, должна быть выражена, в первую очередь, в разработке и совершенствовании законодательного инструментария: общеправового и узкопрофильного (отраслевого) характера. Этому виду политики корреспондируют подсистемы криминологической, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной политики.

Правоохранительная политика проявляется в реализации комплекса мер по выявлению, пресечению, предупреждению преступности, связанной с торговлей людьми. С этой разновидностью политики коррелируют подсистемы криминологическая, в том числе виктимологическая, уголовно-процессуальная, оперативно-розыскная, уголовно-исполнительная политика.

В ракурсе нашей проблематики отметим, что в стране создана определенная база для формирования политики противодействия преступности, связанной с торговлей людьми, намечен комплексный и системный подход. Все это реализуется в Плане мероприятий Правительства Республики Казахстан по профилактике, предотвращению и борьбе с преступлениями, связанными с торговлей людьми, на 2015–2017 гг., утвержденном Постановлением Правительства Республики Казахстан от 28.01.2015 № 23 [17, с. 211–222]. В ходе исполнения предыдущих трех планов был реализован комплекс мер законодательного, просветительско-информационного, профилактического, реабилитационного (оказание социальной, правовой, медицинской, психологической помощи) характера. Наиболее крупные за последние пять лет достижения: принятие в 2012 г. пакета поправок в Трудовой кодекс РК, Уголовный кодекс РК, Уголовно-процессуальный кодекс РК, а также соответствующего нормативного постановления Верховного суда РК по делам о торговле людьми. В 2014 г. главой государства подписаны новые Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы. Комиссией по правам человека при Президенте РК разработан и обнародован ряд специальных докладов, в 2015–2016 гг. Верховным судом была обобщена судебная практика за 2013–2015 гг., а также утвержден Стандарт оказания специальных социальных услуг жертвам торговли людьми, т. е. сделан акцент на виктимологическую политику.

Методологической и идейно-теоретической основой для оформления политики противодействия преступности, связанной с торговлей людьми, могут послужить все вышеназванные Концепции правовой, правотворческой, правоохранительной и, наконец, уголовно-правовой политики Российской Федерации, а также обширные наработки в сфере уголовной политологии и криминологии, особенно в области «криминологии закона» (Д.А. Шестаков) и «сравнительной криминологии» (И.М. Клейменов).

Так, Д.А. Шестаков отмечает: «А если пофантазировать о развитии законодательства, то вслед за криминологическим правом, возникающим рядом с уголовным правом и постепенно теснящим его, простирается дорога к законодательному воплощению пронизанного едиными принципами права противодействия преступности» [18, с. 80]. Сама модель единого законодательства о противодействии преступности — универсальной нормативно-правовой основы уголовной политики — включает два уровня. На верхней позиции — Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о преступности, а на нижней — кодекс предупреждения преступлений и мер безопасности, уголовный, уголовно-процессуальный, уголовно-исполнительный кодексы. Данная конструкция органично сочетается со структурой уголовной политики, позволяет состыковать и синхронизировать научно-экспертную деятельность широкого круга специалистов в сфере противодействия преступности в целом, в том числе связанной с торговлей людьми. Применяя формулу (теоретическую модель) Д.А. Шестакова, мы находим еще один аргумент в пользу необходимости скорейшей разработки и принятия в Республике Казахстан базового закона о противодействии преступности, связанной с торговлей людьми.

Список литературы:

1. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 года / под ред. А.В. Малько. — Саратов: СГАП, 2010. — 49 с.
2. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект) / разраб. А.В. Малько, А.П.Мазуренко. — М.: МГЭИ, 2011. — 34 с.
3. Концепция правоохранительной политики в Российской Федерации (проект) / под ред. А.В. Малько. — Саратов: СГАП, 2012. — 32 с.
4. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858> (дата обращения: 24.01.2017).
5. Жалинский, А.Э. Избранные труды : в 4 т. Т. 3: Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право / А.Э. Жалинский. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. — 619 с.
6. Комаров, С.А. Правовая политика: понятие, роль и обеспечение в правовой системе общества / С.А. Комаров, Г.М. Азнагулова // Правовая политика и правовая жизнь. — 2012. — № 3. — 150 с.
7. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — 608 с.
8. Проблемы российской уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — М.: Проспект, 2014. — 296 с.
9. Клейменов, И.М. Сравнительная криминология / И.М. Клейменов. — М.: Норма : ИНФРА-М, 2014. — 368 с.
10. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сборник очерков / под ред. В.В. Лунеева. — М.: Юрайт, 2010. — 779 с.
11. Баринов, С.В. Современная уголовно-правовая политика в сфере обеспечения неприкосновенности // Российский следователь. — 2016. — № 12. — С. 25–30.
12. Бекмагамбетов, А.Б. Политика противодействия торговле людьми: теоретические, нормативные основы, проблемы совершенствования инструментария и повышения эффективности // Право и его реализация в XXI веке : сборник науч. трудов (по материалам Междунар. науч.-практ. конференции, посвящ. 80-летию Саратовской гос. юрид. академии, Саратов, 29–30 сентября 2011 г.) : в 2 ч. / под общ. ред. С.Н. Туманова. — Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2011. — Ч. 2. — 492 с.
13. Волков, К.А. Противодействие торговле людьми как направление современной уголовной политики // Российский следователь. — 2006. — № 2. — С. 34–36.
14. Бекмагамбетов, А.Б. О соотношении понятий «преступления, связанные с торговлей людьми» и «преступность, связанная с торговлей людьми» // Россия в XXI веке: экономические, правовые и социально-культурные перспективы развития : материалы XI Междунар. науч.-практ. конференции / отв. ред. М.П. Журавлев. — М.: РУДН, 2016. — 238 с.
15. Мониторинг уголовной политики России / под общ. ред. С.В. Максимова. — М.: Институт государства и права РАН, 2015. — 482 с.
16. Малько, А.В. От антинаркотической политики к антинаркотической функции современного Российского государства и гражданского общества // Правовая политика и правовая жизнь. — 2011. — № 2.
17. Сборник международных и национальных документов по борьбе с торговлей людьми. — Алматы: Миссия Международной организации по миграции в Республике Казахстан, 2015. — 234 с.
18. Шестаков, Д.А. Введение в криминологию закона. 2-е изд., испр. и доп. / Д.А. Шестаков; предисл. Г.Н. Горшенкова. — СПб.: Юридический центр, 2015. — 92 с.

Н.Н. Липкина,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра европейского права и
сравнительного правоведения
Саратовской государственной
юридической академии

N.N. Lipkina,
Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy
k_eurolaw@ssla.ru

Обязательство государства предотвратить нарушения прав человека: анализ правовых позиций Европейского суда по правам человека

Аннотация: актуальность статьи обусловлена особой ролью международного обязательства по предотвращению нарушения прав и свобод человека в деле эффективной реализации государством—участником своих обязательств по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Цель статьи — выявить и проанализировать основные правовые позиции Европейского суда по правам человека, касающиеся вопросов установления содержания и пределов обязательства по предотвращению нарушения прав и свобод человека, а также выявить роль эффективной реализации такого обязательства в деле защиты прав человека в рамках системы обеспечения и защиты прав человека, предусмотренной Конвенцией. Поставленные задачи были реализованы при помощи общенаучных (диалектический, системный, метод анализа и синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Автор делает выводы о том, что обязательство предотвратить нарушения прав и свобод человека направлено на обеспечение как общей, так и индивидуальной превенции таких нарушений. И в случае общей, и в случае индивидуальной превенции, как свидетельствует анализ правовых позиций Европейского Суда по правам человека, при определении пределов возлагаемого на государство обязательства предотвратить нарушения прав и свобод человека должен соблюдаться принцип соразмерности.

Ключевые слова: права человека; превентивные меры; обязательство предотвратить нарушения прав человека; Европейский суд по правам человека.

Obligation of a state to prevent violations of human rights: analyze of the case-law of the European Court of human rights

Abstract: topicality of the article is based on the special role played by the international obligation to prevent violations of human rights in the process of effective implementation by the Contracting Party its obligations under the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950. The purpose of the article is to identify and analyze the basic case-law of the European Court of Human Rights concerning the issues of establishing of a content and limits of the obligation of the Contracting Parties to prevent violations of human rights, and to identify the role of effective implementation of such obligation for ensuring and protecting human rights within system of the protection of human rights and fundamental freedoms, provided by the Convention. Tasks were implemented using general scientific (dialectical, system, method of analysis and synthesis) and specific scientific methods (legal, comparative). The author draws conclusions that the obligation to prevent violations of human rights is aimed to provide both general and individual prevention of such violations. Both in the case of general and in the case of individual prevention, as evidenced by the analysis of the case-law of the European Court of Human Rights, while establishing the limits of Contracting State' obligation to prevent violations of human rights the observance of principle of proportionality shall be guaranteed.

Keywords: human rights; preventive measures; obligation to prevent human rights violations; European Court of Human Rights.

Общее обязательство государств — участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция) обеспечить каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свобо-

ды, признанные в Конвенции, закрепленное в ст. 1, толкуется Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ) как включающее, в частности, обязательства принять меры по недопущению нарушений, пресечь нарушение и восстановить нарушенное право. В особом мнении по делу «*Fabris v. France*» судья Пинто де Албукерке уточнил данное общее обязательство государств — участников Конвенции: это обязательство действовать эффективно, незамедлительно и на предупреждение в целях обеспечения каждого прав и свобод по Конвенции [1, р. 29].

Анализ правовых позиций ЕСПЧ позволяет выделить два вида превенции нарушений прав человека, закрепленных в Конвенции, — общую и индивидуальную. Первая направлена на создание материальной, социальной и правовой основы и иных необходимых условий, препятствующих совершению нарушений гарантированных прав и свобод человека; вторая имеет целью предотвратить совершение конкретных случаев нарушений.

В рамках общей превенции в системе обеспечения и защиты прав человека, предусмотренной Конвенцией, можно выделить, в частности, такие сферы реализации обязательства по предотвращению нарушения гарантированных прав и свобод, как принятие необходимых законодательных, административных и иных мер, направленных на обеспечение эффективной реализации прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в частности, принятие общих мер по исполнению постановлений ЕСПЧ (в том числе принятие мер по устранению структурных проблем во внутригосударственной правовой системе, выявленных в пилотных постановлениях ЕСПЧ).

В рамках индивидуальной превенции можно выделить следующие сферы: 1) реализация позитивных обязательств по принятию превентивных мер, направленных на предупреждение конкретных нарушений прав и свобод, гарантированных Конвенцией; 2) должное реагирование (пресечение и наказание) на любые случаи нарушения гарантированных Конвенцией прав и свобод человека.

Обязательство принять необходимые законодательные, административные и иные меры по реализации гарантированных прав и свобод человека является одним из видов позитивных обязательств государств — участников Конвенции. Например, в отношении права на жизнь по ст. 2 Конвенции государство обязано, в частности, закрепить на законодательном уровне ответственность за нарушение права на жизнь [2, § 86]; создать эффективную систему правоохранительных органов, способную предотвратить незаконное лишение жизни [3, § 57]. В отношении права на уважение частной и семейной жизни ЕСПЧ указал, что каждое договаривающееся государство должно обеспечить себя адекватным и достаточным правовым арсеналом для обеспечения реализации позитивных обязательств, налагаемых на него ст. 8 Конвенции [4, § 117]. Принятие государством необходимых законодательных, административных и иных мер является ключевым условием общей превенции нарушений прав и свобод, поскольку только посредством принятия подобных мер могут быть в полном объеме реализованы принцип верховенства права, такой критерий правомерности вмешательства в гарантированные Конвенцией права и свободы, как соблюдение принципа

законности, а также создана материальная основа, необходимая для эффективной реализации прав и свобод. Значимость принятия подобных мер в деле превенции нарушений гарантированных прав и свобод подтверждается, в частности, тем, что в рамках системы обеспечения и защиты прав человека, предусмотренной Конвенцией, существует право обжаловать внутригосударственное законодательство в ЕСПЧ *in abstracto* (в отсутствие его индивидуального применения). Так, в отношении межгосударственных жалоб ЕСПЧ отметил, что Конвенция позволяет договаривающемуся государству требовать соблюдения обязательств по Конвенции без необходимости обоснования интереса, вытекающего, например, из того факта, что обжалуемая им мера причинила вред одному из его собственных граждан [5, § 239]. Аналогично и при подаче индивидуальной жалобы заявитель имеет право утверждать, что внутригосударственный закон сам по себе (в условиях отсутствия индивидуального его применения к нему) нарушает его права и свободы, хотя и в исключительных случаях, если он подвергается риску быть непосредственно затронутым этим законом [6, § 42; 7, § 44; 8, § 90].

При этом принятие необходимых законодательных, административных и иных мер (общих мер) может потребоваться от государства – участника и при исполнении им постановлений ЕСПЧ, в том числе и вынесенных в рамках процедуры пилотных постановлений [9, с. 122]. Сам факт наличия международных механизмов обеспечения и защиты прав человека, в частности, международных судов по правам человека имеет большое значение в деле превенции нарушений прав и свобод человека, гарантированных на международном уровне [10]. Каждое установленное такими органами нарушение прав человека должно рассматриваться как основание возникновения у государства – нарушителя обязанности принять меры по недопущению повторения подобных нарушений впредь.

Показательна в этом отношении и практика ЕСПЧ. В значительной мере цель превенции нарушений прав человека в рамках системы обеспечения и защиты прав человека, предусмотренной Конвенцией, достигается посредством процедуры исполнения постановлений ЕСПЧ. В праве Совета Европы и практике ЕСПЧ традиционно признается обязанность государств – участников принять в порядке исполнения постановлений ЕСПЧ общие меры, направленные на предотвращение повторения нарушений. Как отметил сам ЕСПЧ в постановлении по делу «*Fabris v. France*», цель принятия общих мер в связи с постановлениями ЕСПЧ заключается в том, что государство обязано предотвратить, с тщательностью, дальнейшие нарушения, схожие с теми, которые были установлены ЕСПЧ [1, § 75].

К индивидуальной превенции в первую очередь относится сфера реализации государством – участником позитивных обязательств по принятию превентивных мер, направленных на предотвращение конкретных случаев нарушений гарантированных прав и свобод. Многие позитивные обязательства государств – участников, выводимые ЕСПЧ из содержания ст. 1 Конвенции, взятой совместно с иной статьей Конвенции, гарантирующей то или иное право или свободу, направлены именно на недопущение совершения их нарушений. ЕСПЧ неоднократно признавал нарушением Конвенции невы-

полнение государством—ответчиком позитивных обязательств по принятию превентивных мер по многим статьям Конвенции.

Так, по ст. 2 Конвенции традиционной в практике ЕСПЧ является правовая позиция, установившая наличие позитивного обязательства государства — участника принять превентивные оперативные меры по защите лица, чья жизнь подвергается риску в результате преступления, совершаемого иным лицом, или даже риску причинения ущерба самому себе [11, § 109]. При этом значимость позитивного обязательства государства предпринять превентивные меры по ст. 2 Конвенции подтверждается и тем, что в отдельных случаях вопрос о его соблюдении государством является одним из ключевых в деле, и ответ на него выносится ЕСПЧ непосредственно в резолютивную часть постановления. Так, в резолютивной части постановления по делу «*Mastromatteo v. Italy*» ЕСПЧ отдельным пунктом установил отсутствие нарушения ст. 2 Конвенции в отношении превентивных мер [12].

ЕСПЧ также неоднократно указывал, что ст. 1 Конвенции, взятая совместно со ст. 3 Конвенции, запрещающей пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, налагает на государство — участника позитивные обязательства по обеспечению того, чтобы лица, находящиеся по его юрисдикцией, были защищены от всех форм обращения, запрещенного ст. 3 Конвенции, в том числе в тех случаях, когда такое обращение исходит от частных лиц [13, § 40]. При этом в число таких позитивных обязательств, по мнению ЕСПЧ, должно включаться, в частности, обязательство принять разумные меры по предотвращению запрещенного ст. 3 Конвенцией обращения, о котором власти знали или должны были знать [13, § 40].

По аналогии с правовыми позициями по ст. 2 и 3 Конвенции ЕСПЧ вывел из ст. 4 Конвенции, запрещающей рабство и принудительный труд, возникающее при определенных обстоятельствах обязательство государства — участника принять оперативные меры по защите жертв или потенциальных жертв торговли людьми [14, § 286].

Подобные же позитивные обязательства по предотвращению нарушений ЕСПЧ отмечал также по ст. 8 Конвенции, гарантирующей право на уважение частной и семейной жизни, а также ст. 11 Конвенции, гарантирующей свободу собраний и объединений. Так, в постановлении по делу «*Georgel and Georgeta Stoicescu v. Romania*» ЕСПЧ отметил, что на государство — участника Конвенции возлагается позитивное обязательство предотвратить нарушения физической и психической неприкосновенности лица, осуществляемые другими лицами, если власти знали или должны были знать об этих нарушениях [15, § 49]. В постановлении по делу «*Giuliani and Gaggio v. Italy*» ЕСПЧ подчеркнул, что по ст. 11 Конвенции государство — участники несут обязательство по принятию превентивных мер по обеспечению безопасности мирных собраний, например таких, как наличие в местах проведения мирных собраний служб оказания первой помощи [16, § 251].

ЕСПЧ сформулировал также ряд правовых позиций, имеющих ключевое значение для установления объема обязательства по предотвращению нарушения гарантированных Конвенцией прав и свобод. Как отметил ЕСПЧ в постановлении по делу «*Eremiášvá and Pechová v. The Czech Republic*», обязательство

предотвратить не должно пониматься как возлагающее на государство – участника невыполнимое и несоразмерное бремя: во-первых, обязательство принять превентивные меры возникает, если государство знало или должно было знать о рисках нарушения прав человека; во-вторых, государство обязано принять такие превентивные меры, которые разумно ожидаются от государства в целях предотвращения рисков нарушения прав человека [11, § 110].

Еще одной важной сферой индивидуальной превенции нарушений прав и свобод, гарантированных Конвенцией, является сфера реагирования государства – участника на случаи их нарушений. Так, в отношении права на жизнь ЕСПЧ неоднократно указывал, что скорый и эффективный ответ властей в расследовании использования смертоносной силы важен в поддержании уверенности общественности в приверженности властей верховенству права и в предотвращении их соучастия в неправомерных деяниях или терпимости к ним [11, § 131].

Существенное значение в целях превенции имеет не только сам факт реагирования властей на правонарушение, но и соразмерность (адекватная строгость) наказания нарушителя. Так, например, в постановлении по делу «Austrianu v. Romania» ЕСПЧ отметил, что наказание в виде наложения штрафа в размере 30 долларов США за нарушение ст. 3 Конвенции, запрещающей пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, не имеет надлежащего сдерживающего эффекта для предотвращения нарушений в будущем [17, § 74].

Подводя итог, можно отметить, что обязательство государства – участника предотвратить нарушения гарантированных Конвенцией прав и свобод человека является неотъемлемой составной частью его общего, закрепленного в ст. 1 Конвенции, обязательства обеспечить всем, находящимся под его юрисдикцией, права и свободы, гарантированные Конвенцией. Анализ правовых позиций ЕСПЧ позволяет сделать вывод о том, что, являясь общим по своему характеру, обязательство предотвратить пронизывает все сферы реализации Конвенции в государстве – участнике и направлено как на обеспечение общей превенции нарушений прав и свобод человека, гарантированных Конвенцией, посредством принятия, в частности, необходимых законодательных, административных и иных мер, направленных на обеспечение эффективной реализации прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в том числе и общих мер по исполнению постановлений ЕСПЧ; так и на обеспечение индивидуальной превенции, посредством, в частности, реализации позитивных обязательств по принятию превентивных мер, направленных на предупреждение конкретных нарушений прав и свобод, гарантированных Конвенцией, а также должного реагирования (пресечение и наказание) на любые случаи нарушения гарантированных Конвенцией прав и свобод человека. При этом обязательство предотвратить нарушения прав человека, гарантированных Конвенцией, является обязательством действия, а не результата, от государства – участника требуется действовать с должной тщательностью при его реализации.

Список литературы:

1. *Fabris v. France* (GC), no. 16574/08. 2013. 7 February.
2. *Zakici v. Turkey*, no. 23657/94. 1999. 8 July.

-
3. Nikolova and Velichkova v. Bulgaria, no. 7888/03. 2007. 20 December.
 4. Furman v. Slovenia and Austria, no. 16608/09. 2015. 5 February.
 5. Ireland v. The United Kingdom, no. 5310/71. 1978. 18 January.
 6. Johnston and Others v. Ireland (Plenary), no. 9697/82. 1986. 18 December.
 7. Open Door and Dublin Well Woman v. Ireland (Plenary), no. 14234/88; 14235/88. 1992. 29 October.
 8. Religionsgemeinschaft Der Zeugen Jehovas and Others v. Austria, no. 40825/98. 2008. 31 July.
 9. Красиков, Д.В. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в сфере прав человека в контексте принципа субсидиарности / Д.В. Красиков, Н.Н. Липкина. — Саратов : Саратовская гос. юридическая академия, 2014. — 186 с.
 10. Drzemczewski, A. The prevention of human rights violations: monitoring mechanisms of the Council of Europe // Documentação e Direito Comparado. — 2000. — № 81/82.
 11. Eremiášová and Pechová v. The Czech Republic, no. 23944/04. 2012. 16 February.
 12. Mastromatteo v. Italy, no. 37703/97. 2002. 24 October.
 13. Mudric v. The Republic of Moldova, no. 74839/10. 2013. 16 July.
 14. Rantsev v. Cyprus and Russia, no. 25965/04. 2010. 7 January.
 15. Georgel and Georgeta Stoicescu v. Romania, no. 9718/03. 2011. 26 July.
 16. Giuliani and Gaggio v. Italy, no. 23458/02. 2011. 24 March.
 17. Austrianu v. Romania, no. 16117/02. 2013. 12 February.

А.А. Волос,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры гражданского
и международного частного права
Саратовской государственной
юридической академии

A.A. Volos,
Candidate of Law, Lecturer
Saratov state law academy
volos_alexey@zakon.ru

Вопросы методологии сравнительно-правового исследования принципов гражданского права

Аннотация: актуальность статьи заключается в том, что сравнительно-правовой метод достаточно часто применяется при изучении принципов российского гражданского права, что уже само по себе вынуждает создать единое представление о методологических основах таких исследований. Целью статьи является рассмотрение некоторых наиболее общих и важнейших проблем методологии сравнительно-правового исследования принципов гражданского права. Автором делается вывод о важности сравнительно-правового метода при изучении принципов гражданского права. При его использовании необходимо учитывать, во-первых, особенности терминологического характера, связанные с применением термина «принцип» за рубежом; во-вторых, сложность самой категории «принцип», которая может быть закреплена в законодательстве разных стран, но иметь при этом различную смысловую, ценностную, нормативно-правовую направленность; в-третьих, целевое назначение сравнительно-правового исследования в целом, направленность которого должна заключаться в первую очередь в глубоком понимании принципов российского гражданского права.

Ключевые слова: принципы гражданского права, цивилистическая методология, сравнительно-правовое исследование.

Aspects of the methodology of comparative law research of the civil law principles

Abstract: the relevance of the article is connecting with the role of the comparative law method, which is often used in researching of the civil law principles. That is the reason to make universal view of the methodological foundations of such research. The purpose of the article is the researching some of the most

common and most important aspects of the methodology of comparative law research of civil law principles. The author concludes that the comparative law method is important for the study civil law principles. But when it is used by researcher in order to know several aspects. At the first there are some features to use the term «principle» in foreign countries. At the second it is difficult to understand the concept «principle» in the country because it is necessary to learn meaning, values, legal basic of the principle. At the third it is necessary to understand that the main purpose of the comparative law research is study Russian civil law principles.

Keywords: civil law principles, methodology of civil research, comparative law research.

В настоящее время интерес к принципам гражданского права вызван осознанием того уникального значения, которое несут в себе принципы, определяя в конечном итоге все институты и нормы гражданского права.

При изучении принципов гражданского права, генезиса представлений о них следует обратиться к зарубежному опыту, который как с теоретической, так и с практической точек зрения наглядно иллюстрирует значимость правовых принципов. Дело в том, что современные интеграционные процессы, происходящие во всем мире, затронули и отечественное гражданское право. Подобная тенденция наблюдается и применительно к его основным началам.

При этом особая роль предоставляется принципам не только на национальном уровне. «Общие принципы права» имеют особое значение для наднациональных и международных правовых систем. Наиболее яркий пример предлагает нам международное публичное право, согласно которому один из его источников — «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». Как отмечают отдельные авторы, в отсутствие четких положений в договорах между различными государствами этот источник имеет большое практическое значение [1, с. 305–332].

Предварительно необходимо сделать некоторые замечания терминологического характера. Категория «принцип» в иностранной юридической науке понимается по-разному, причем часто не в том смысле, который подразумевается отечественными исследователями. Причины такой терминологической разрозненности носят, в первую очередь, объективный характер: различия норм законодательства разных стран; неодинаковое использование в теории и на практике одного и того же термина; сложности, возникающие при переводе. Еще один момент методологического характера: доктрина принципов права формируется в зарубежной юридической науке на основе различных подходов к пониманию права (позитивизм, школа естественного права, интегративный подход и т. п.) [2]. Следовательно, представления о принципах гражданского права в различных научных исследованиях могут отличаться.

По нашему мнению, определение, является ли то или иное гражданско-правовое явление принципом, должно проводиться не на основе его указания в качестве основного начала гражданского законодательства и не путем соответствия тому или иному определению. Принцип, прежде всего, должен являться основополагающим началом по своей сущности. При этом любой принцип находит свое отражение в совокупности гражданско-правовых норм; обосновывается и применяется судебной практикой по группе дел; рассчитан на многократное использование; его смысл и содержание вытекает из положений Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права.

Краткий анализ зарубежной юридической литературы показал, что категория «принцип» используется в иностранной цивилистике в трех сходных, но не одинаковых значениях.

Во-первых, «принцип» может выступать в качестве наименования основополагающего правового акта той или иной отрасли законодательного регулирования. Так, важнейший источник частного права Китая носит название Общие принципы гражданского права Китайской Народной Республики [3]. При этом анализ данного документа с очевидностью показывает, что в нем установлены не только общие принципы, такие как принцип равенства статуса участников гражданских отношений (ст. 3), но и положения, которые российской правовой наукой к принципам не относятся (в частности, правовой статус граждан и юридических лиц, права и обязанности субъектов, ответственность). При этом анализ комментариев, предложенных различными учеными применительно к Общим принципам гражданского права Китайской Народной Республики, подтверждает предложенную нами мысль [4].

Термин «принцип» нередко используется в наименовании международных актов. Один из наиболее известных и ярких примеров: Принципы европейского договорного права. Зарубежные авторы, которые подробно анализировали данный документ, раскрывая при этом его содержание, выделяли в качестве общих положений, им установленных, свободу договора, обязанность действовать добросовестно, правила о честности и сотрудничестве [5]. Между тем помимо общих положений Принципами европейского договорного права определены правила заключения, исполнения, установления условий соглашений сторон, их права и обязанности, ответственность и др. [5] Получается, что «принципами» сугубо в том понимании, которое вкладывается нами в данный термин, являются лишь первые основные положения.

Во-вторых, под принципами в зарубежной юридической науке могут пониматься взятые в совокупности общие положения какой-либо отрасли законодательного регулирования. При этом данный термин активно используется в качестве наименования учебных курсов, изучаемых студентами, а также практикующими юристами. Среди примеров можно выделить известные учебники по договорному праву [6], корпоративному праву [7]. Тем самым, человек, читающий такую книгу, изучает не фундаментальные принципы, а общие положения отрасли регулирования в целом.

В-третьих, термин «принцип» в ряде случаев понимается в иностранной науке в признанном нами значении, т. е. в качестве фундаментального, основополагающего начала. Например, в одной из работ сделан вывод, что основу построения договорного права и способы регулирования соответствующих отношений Израильского права составляют два принципа: свободы договора и добросовестности [8, с. 5].

При этом следует признать, что в последнем значении категория «принцип» используется в зарубежной научной литературе нечасто. Обычно авторы называют его «фундаментальным положением», «важнейшей нормой» и т. п. Подобный факт следует иметь в виду при анализе зарубежной литературы и судебной практики. В настоящем исследовании в связи с поставленной задачей изучения принципов как основополагающих начал, отвечающих

установленным нами признакам, необходимо использовать опыт зарубежных стран по изучению принципов именно в том значении, которое используется нами. Сказанное связано с тем, что настоящее исследование направлено на изучение категорий, отвечающих по сути требованиям принципа, а не простому применению к ним слова «принцип».

Отметим, что ряд работ зарубежных авторов, исследующих правовые принципы в анализируемом нами аспекте, выделяются актуальностью проблематики и глубиной проработки материала. Так, одно из исследований было непосредственно посвящено изучению понятия и сущности принципа права, его связи с правовыми нормами и ценностями. Установлено, что принципы — это базовые нормы, которые представляют собой общее мнение о том, каким должно быть общество. Далее автор объясняет лингвистическое значение слова «принцип» путем перечисления различных его синонимов, каждый из которых в той или иной степени позволяет понять его сущность (фундаментальная истина, всеобъемлющий закон, доктрина, из которой другие выводы являются производными, общая истина, аксиома, руководящий закон поведения, совокупность моральных или этических норм или судебных решений и т. п.) [9, с. 109–110].

Очевидным и правильным является и следующее утверждение: правовые принципы почти одинаковы во всех правовых системах мира, что показывает истинный характер принципа как универсальной правовой сентенции, ведь, в конце концов, человеческое представление о справедливости является универсальным [9, с. 112].

Последний вывод представляется важнейшим с методологической точки зрения в плане исследования принципов гражданского права. По большому счету, в большинстве стран мира перечень цивилистических начал, основополагающих положений частного права не так уж разнообразен: равенство сторон, свобода договора, неприкосновенность частной собственности, свобода завещания, гарантия судебной защиты прав и некоторые другие. Наверное, из сказанного есть только одно исключение. В разных странах мира традиционно разнообразны представления о принципе добросовестности, который был признан не во всех государствах и не во все периоды истории. Однако и здесь ситуация изменяется. Яркий пример: введение данного принципа в российское законодательство путем прямого указания в ст. 1 ГК РФ.

Между тем конкретное отражение того или иного принципа в законодательстве, его определенные проявления в правовых нормах, правоприменительное значение в разных государствах отличаются, причем нередко весьма существенно. Связано это может быть с различными объективными или субъективными факторами, а иногда и просто с несовершенством законодательства той или иной страны.

Например, свобода договора — один из фундаментальных принципов гражданского права большинства государств мира. При этом его сущность, конкретное отражение в праве того или иного государства, возможные пределы и ограничения могут существенно отличаться. Пределы свободы договора часто основаны на специфических для конкретной страны обычаях, традициях и т. п. Так, ст. 188 Гражданского кодекса Йеменской Республики установила,

что соглашение не имеет силы, если оно нарушает религиозную мораль и общественный порядок, которые являются неразделимыми в исламском шариате. В данной стране реальное действие анализируемого принципа осложнено особым «значением в обязательственных отношениях норм обычного права, шариата и судебной практики» [10, с. 2–3]. Например, не допускается включение в соглашение сторон условий о получении ростовщической прибыли.

В связи со сказанным актуальной задачей современной цивилистической науки в области изучения принципов гражданского права становится сопоставление начал разных правовых систем. Данная исследовательская работа должна включать в себя не просто установление факта существования принципа в том или ином государстве. Скорее всего, такая работа приведет к заключению о том, что такой-то принцип в гражданском праве такого-то государства имеет место быть, но конкретные выводы при этом получить будет сложно.

Важно проследить тенденции развития того или иного принципа в зарубежном государстве, установить его нормативно-правовую основу, правоприменительное значение и только после этого сделать вывод о соответствии или несоответствии принципам гражданского права и цивилистическим началам других государств.

Проводя исследовательскую работу по сопоставлению принципов гражданского права различных правовых систем, важно понимать и целевое назначение сравнительно-правового исследования в целом. Его кратко изложил Е.А. Суханов, подчеркнув, что в данном случае речь должна идти исключительно об изучении российского, а не зарубежного гражданского права. Зарубежные аналоги отечественных конструкций полезны лишь в той мере, в какой они позволяют понять российское право. При этом важно не допустить «ошибочного представления о якобы заведомо большей эффективности любых иностранных правил и конструкций и чрезмерно критического отношения к собственному правопорядку» [11, с. 463].

По нашему мнению, в определенной мере международное право и зарубежное законодательство оказывает влияние на понимание практически любого гражданско-правового принципа. Другое дело, что принципы сами по себе являются основой российского права и могут быть таковыми только в том случае, если в полной мере вписываются в отечественные социально-экономические отношения. Иностранное право, разумеется, не может оказывать решающего воздействия на процесс формирования права в России. Безусловно, обращение к нему способно помочь разрешить какие-либо частные проблемы теории и практики, предложить пути совершенствования законодательства. Между тем главной задачей сравнительно-правового исследования видится более глубокое понимание отечественного права, что касается в том числе и принципов гражданского права России.

Список литературы:

1. Drobnig, U. General Principles of European Contract Law // Petar Sarcevic & Paul Volken eds., International Sale of Goods: Dubrovnik Lectures, Oceana. — 1986. — Ch. 9. — P. 305–332.
2. Корнев, В.Н. Принципы права в зарубежной правовой доктрине: природа, назначение и функции // Государство и право. — 2016. — № 11. — С. 59–67.

3. General Principles of the Civil Law of the People's Republic of China. — URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Law/2007-12/12/content_1383941.htm (дата обращения: 18.10.2016).
4. Tong Rou. The general principles of civil law of the PRC: its birth, characteristics, and role // Law and contemporary problems. — 1989. — Vol. 52, № 2. — P. 151–175.
5. DiMatteo, Larry A. Contract Talk: Reviewing the Historical and Practical Significance of the Principles of European Contract Law // Harvard International Law Journal. — 2002. — Summer.
6. Hillman, Robert A. Principles of Contract Law: Concise Hornbook Series. — Thomson-West, 2004. — 379 p.
7. Griffin, S. Company Law. Fundamental Principles. Fourth edition. — England, 2006. — 479 p.
8. Yovel, J. Israeli Contract Law: An Overview / J. Yovel, I. Shacham // The International Contract Manual (Thomson Reuters, 2014). — P. 1–13.
9. Jordan, D. Legal Principles, Legal Values and Legal Norms: are they the same or different? // Academicus. International Scientific Journal. — 2010. — July. — P. 109–115.
10. Аль Шабути Новаль Саив М. Свобода договора по гражданскому законодательству Йеменской Республики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Аль Шабути Новаль Саив М. — М., 2002. — 23 с.
11. Суханов, Е.А. О преподавании гражданского права в современных условиях // Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008–2012 гг. — М.: Статут, 2013. — 494 с.

Н.И. Сухова,

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории государства и
права Саратовской государственной
юридической академии*

Р.Р. Акчурин,

*магистрант кафедры теории
государства и права Саратовской
государственной юридической академии*

N.I. Suhova,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov State Law Academy
sukhova777@yandex.ru*

R.R. Akchurin,

*undergraduate of department of the theory
of the state and right
Saratov state legal academy*

Действие права: процесс или свойство?

Аннотация: в статье анализируются различные взгляды на дефиницию категории «действие права». Отмечается наличие неопределенности в отношении представленной категории. Предлагается ряд положений, имеющих значение для выяснения сущностного в действии права, среди которых выделяются следующие: уточнение содержания действия права по сравнению с категорией «действие»; действие права есть проявление социальной силы права; действие права есть результат его активности. На основании проведенного исследования предлагается определение действия права, а также обосновывается, что само действие выступает свойством права.

Ключевые слова: право, действие, действие права, общественные отношения, сила права.

Action of law: the process or property?

Abstract: article is devoted to a research of category «action of the right». The author analyzes different views on this definition. Existence of uncertainty concerning the presented category is noted. A number of provisions which have essential value for clarification of the right intrinsic in operation, from which the following is distinguished is offered: specification of content of action of the right on comparison by category

«action»; action of the right is manifestation of social force of the right; action of the right is result of his activity. On the basis of the conducted research definition of «action of the right» is offered, and also is proved that action acts as property of the right.

Keywords: *the right, action, action of the right, the public relations, force it is right.*

Право имеет смысл и ценность для личности, общества и государства, если оно действует. Бездействие права не способствует реализации поставленных задач по развитию и обеспечению отношений, участниками которых являются различные социальные общности, в том числе и государство, затормаживает процесс развития самого права и ведет к формированию пласта «мертвой» формально-определенной нормативной материи.

В научной литературе термин «действие права», а также многое, что с ним связано, однозначно не определен. Исследователями, в зависимости от того, какую в первую очередь задачу они решают, в содержание указанного понятия вкладывается различное значение, что порождает дополнительные трудности при определении сущностно-содержательных характеристик действия права.

Развернутое определение понятия действия права впервые было предложено С.С. Алексеевым. По его мнению, под действием права следует понимать «пути и формы влияния права на общественные отношения, а также способы реализации юридических норм в практической деятельности людей и общественных образований» [1]. Это определение в целом разделяется другими авторами, в частности, действие права стали связывать с фактическими результатами, вытекающими из целей права, а также различными факторами, обеспечивающими перевод правовых предписаний в поведение их адресатов [2].

Названный подход к пониманию действия права, бесспорно, заслуживает внимания, разработки и применения в дальнейших исследованиях. Вместе с тем нельзя не заметить, что в его рамках акцент делается, главным образом, на содержательных компонентах понятия действия права. Под действием права признаются и формы влияния права, и способы осуществления правовых предписаний, и фактические результаты реализации права. Все это, так или иначе, действительно характеризует действие права, однако его специфика в сравнении, скажем, с иными социальными регуляторами ярко не выявляется.

Интересно понимание действия права, данное И. Вагнером. По его мнению, это свойство права вызывать действия фактическим поступком объекта правовой нормы, в результате чего реализуются цели правовой нормы. Данное понятие охватывает своим содержанием соответствующий правовым нормам поступок, а также социальный результат воздействия права [3].

Учитывая сказанное и принимая во внимание наработки названных авторов, полагаем, что для выяснения сущностного в действии права принципиально важно обратить внимание на ряд положений.

1. Исходным следует считать уточнение содержания действия права в сравнении с общедиалектической категорией «действие».

Понятие «действие» в его философском значении трактуется как «бытие», «функционирование» и т. п. В этом смысле от действия права необходимо отличать правовые действия. Действие права представляет собой непрерывный процесс сменяющих друг друга правовых действий — от возникновения

нормы до ее воплощения в юридической практике. Правовые действия в данном случае являются сущностно-содержательной характеристикой действия права, но полностью к нему не сводятся.

Познание категории действия права предполагает ее теоретическое осмысление в аспекте парных категорий «возможность» и «действительность». Если действительность есть осуществленная сущность права, то возможность есть сущность права «в себе». Действие права в определенном смысле охватывает и то и другое [4]. По мнению Д.А. Керимова, изначально правовая возможность появляется как предпосылка формирования правового установления (правотворчество), которая выступает первой стадией превращения возможности в действительность, поскольку вслед за этим наступает период действия самого права, регулирование соответствующего общественного отношения (правореализация) [5].

Однако такой подход отображает только один аспект действия права — переход сформированной правовой возможности в правовую действительность. Вместе с тем действие права не ограничивается этим процессом, оно охватывает и правообразовательные процессы, и то, что уже стало достоянием действительности, но еще не юридической практикой. Действие права в этом плане можно обозначить как совокупность реализуемых и реализованных правовых возможностей, как то, что вошло в практику, так и то, что потенциально может войти в нее, оказывая определенное влияние на духовную область правовой жизни, прежде всего, на восприятие права его адресатами.

Поэтому назначение рассматриваемой категории состоит в том, чтобы отобразить движение права на всех участках социально-правовой действительности: как в сфере правообразования, так и в сфере осуществления права.

2. Действие права есть проявление социальной силы права. Это проявление его собственной энергии вовне, выражающейся в активности права, в его обязательности и юридической силе по отношению к лицам, находящимся в зоне правового воздействия и, вследствие этого, а также своих потребностей поступающим согласно праву.

Из сказанного следует, что в одной из форм своего выражения действие права есть проявление его обязательности. Сила права, безусловно, в обязательности его предписаний, обеспечиваемой государством и выступающей условием, предпосылкой мощи права. В то же время она не может быть сведена только к ней [6]. В связи с этим в обязательности права принципиально важно различать две стороны: во-первых, объективную, указывающую на то, что обязательность норм коренится в ценностно-переработанной и осмысленной объективной информации, и обязательность правовых норм не вытекает из государства как такового; во-вторых, субъективную, связанную с тем, что обязательность в определенной мере зависит от государства, ибо «государство определяет охват юридически должного, его всеобщность» [7], содействует реализации обязательности. Если эти две стороны совпадают, то нормы права будут действовать или, во всяком случае, вероятность их действия достаточно высока.

Основываясь на различии обязательности права в объективном и субъективном значении, можно сделать вывод о том, что право действует не только потому, что его поддерживает государство, но, главным образом, вследствие

присущих праву объективных характеристик, дающих ему внутреннюю силу, источник самодвижения.

Сила права заключена в обеспечении добросовестного исполнения обязательств и, соответственно, в реальности действий правопользователей. Только в этом случае право способно выступать системой социальной регуляции в обществе, средством интеграции и сплочения взаимодействующих в нем участников отношений, мощным побудителем распространения их конструктивных и экспектативных действий.

3. Действие права есть результат его активности (самодвижения). Право обладает собственными (внутренними) источниками воздействия на общественную жизнь, социальную деятельность, и с этой точки зрения правомерно вести речь о самодвижении права. Иначе говоря, способность права оказывать реальное организационное и регулятивное воздействие на поведение и деятельность людей, в определенном смысле управлять их активностью свидетельствует о том, что оно в этом смысле представляет собой концентрированную энергию людей или общественную энергию.

По мнению Р. Йеринга, право «играет активную роль в общественной жизни — оно есть как бы организованная активность общества, превращающаяся в оковы права, из бессвязной и неопределенной в связную и точно определенную в своем действии». «...Право есть сама общественная энергия, направленная на обеспечение жизненных условий общества и закономерно движущаяся через диалектику потребностей, интересов, целей» [8, с. 11].

Наличие у права свойства активности обусловлено его социальным происхождением, тем, что оно вырастает из социальной активности, концентрирующей в себе интересы, потребности, мотивы людей. Свойство активности раскрывает право со стороны темпа, направленности, интенсивности возбужденной им активности, характера и сфер ее распространения в обществе. Отсюда следует, что активность права — это сущностное, исходное свойство, внутренний источник его самодвижения и в то же время — интегративная характеристика реальности действия права. Она характеризует, с одной стороны, потенциал права, а с другой — правовое свойство в самих общественных отношениях. Право существует постольку, поскольку оно действует, оказывает воздействие на участников правового общения, проявляет активность в общественной среде.

Обобщая изложенное, можно сделать следующий вывод: поскольку активность является свойством, присущим праву, постольку и его действие как одну из важнейших форм проявления активности следует признать обязательной характеристикой права. В этом смысле право и может быть только активным, действующим: «Что не осуществляется, то не может быть признано правом» [9]. Получается, что действие права является сущностно-содержательной стороной права, его свойством.

С учетом сказанного действие права — обусловленное социально-экономическими условиями, потребностями и интересами людей свойство (способность) права в определенной среде оказывать идейно-мотивационное воздействие на личность, общности людей и вследствие этого обеспечивать соответственно социально-значимым целям, принципам и предписаниям правомерный характер деятельности и поступков.

Список литературы:

1. Алексеев, С.С. Общая теория социалистического права / С.С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1982. — Т. 1. — 361 с.
2. Правоприменение в Советском государстве. — М.: Юрид. лит., 1985. — 304 с.
3. Wagner, I. Theoretische Probleme der Rechtsverwir — Klichung und Rechtswirkung // Staat ung Recht. — 1982. — № 5.
4. Гойман, В.И. Действие права. Методологический анализ. — М.: Академия МВД РФ, 1992. — 182 с.
5. Керимов, Д.А. Философские проблемы права / Д.А. Керимов. — М.: Мысль, 1972. — 472 с.
6. Ильин, И.А. Понятие права и силы // Вопросы философии и психологии. — 1910. — Кн. 101.
7. Бабаев, В.К. Понятие юридической нормы // Нормы советского права. — Саратов, 1988. — С. 85–86.
8. Гредескул, Н.А. Современные вопросы права / Н.А. Гредескул. — Харьков: Изд. книжн. маг. П.А. Брейтигама, 1906. — 53 с.
9. Ренненкампф, Н.К. Юридическая энциклопедия / Н.К. Ренненкампф. — Киев: Т-во печ. дела и торг. И.Н. Кушнерев и Ко в Москве. — Киев. отд-ние, 1889. — 293 с.

В.А. Пономаренков,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и
арбитражного процесса
Самарского государственного
экономического университета

V.A. Ponomarenkov,

Candidate of Law, Associate professor,
department of civil and arbitration process
Samara State University of Economics
2770402@mail.ru

Биология правового поведения

Аннотация: в статье отмечается, что правовое поведение основывается на сопоставлении индивидуальных представлений о должном с реальным поведением. Все формы поведения предполагают использование сознания (разума) как продукта рефлекторной работы мозга человека, который выступает в качестве основного управляющего устройства организма, производящего мысли и определяющего поведение людей путем динамического воздействия, восприятия и преобразования внешней среды в умственные образы, накапливаемые в памяти, а также в команды, посылаемые телу. Достижения современной науки позволяют по-другому взглянуть на механизмы формирования правового поведения, подвергая сомнению традиционные представления о том, как человек принимает решение.

Правовое поведение отражает сложную когнитивную систему взаимодействия субъектов правовой жизни общества; механизмов, форм и средств приспособления человека к социальным и иным условиям своего существования; совокупность поступков и действий индивида или группы в обществе и т. д.

Ключевые слова: правовое поведение, юридическая ответственность, правонарушение, стереотипы поведения, биологическая программа поведения.

Legal behavior biology

Abstract: the article notes that the legal behavior is based on the comparison of individual ideas about the proper with the real (actual) behavior. All behaviors involve the use of consciousness (mind) as a product of the reflex operation of the human brain, which acts as the main control of the body unit, generating thought and determined, by the behavior of the people, by the dynamic impact of perception and transformation of the environment in mental images accumulated in the memory, as well as commands sent by the body.

It is stated that legal behavior reflects a complex cognitive system of action and interaction of subjects of the legal life of society; mechanisms, forms and means of human adaptation to social, climatic and other conditions of their existence and others.

Keywords: legal behavior, legal liability, offense patterns of behavior, the biological behavior of the program.

Юридическая наука призвана выдвигать и реализовывать правовые идеи, основанные на достижениях современных фундаментальных и прикладных исследований, отражающих прогрессивные изменения в механизме и способе регулирования общества.

Поведение человека в обществе выступает одной из важнейших социальных характеристик личности. Оно выражается через взаимозависимую и взаимно обуславливающую совокупность поведенческих процессов, предпочтений и установок, связанных с удовлетворением физических, духовных и социальных потребностей человека, возникающих как реакция на происходящие события в окружающей социальной, природной и техногенной среде.

Внешне поведение человека выражается в разнообразных суждениях, оценках и действиях (бездействии) индивида и отражает его представление о внутреннем и реальном (практическом) его состоянии в социуме.

Традиционно человек для достижения поставленных целей и реализации жизненных задач использует два типа социального поведения: естественный и ритуальный.

Первый тип поведения, как правило, носит индивидуально-значимый и эгоцентричный характер, направленный на достижение конкретных целей. В связи с этим перед человеком не возникает вопроса о соответствии целей и средств своего поведения: «цель оправдывается средствами». Такой тип поведения носит естественный характер, поскольку направлен на обеспечение жизненных потребностей человека.

В современном обществе эгоцентрическое поведение подлежит «запрещению», поскольку основывается на особых социальных нормах, описывающих обыденное поведение («конвенциях») [1, с. 267–268], отделяющих социальный порядок от непредсказуемости (хаоса) [2, с. 585] в системе взаимных уступок друг другу.

Социальные конвенции предполагают, что каждый человек знает правила поведения и знает о правилах других лиц, поэтому подразумевает адекватное отношение к аналогичным ситуациям. Тем самым процессы конвенционализации в какой-то мере подменяют механизмы социального и правового принуждения внутренними паттернами, т. е. некими схематическими чувственными образами и понятиями, которые в определенный, одномоментный процесс восприятия и мышления выявляют закономерности, характерные для природной среды и человеческого общества.

Второй тип поведения отражает систему «ритуальных» (неестественных) взаимодействий, устанавливающих в обществе определенные границы, систему ограничений (этикет, церемонии, право и др.). С развитием общества данный тип поведения настолько вошел в жизнь человека, что сегодня люди порой не замечают ритуальных взаимодействий.

«Ритуальное» поведение обеспечивает стабильность социальной системы, в рамках которой человек обеспечивает устойчивость социальных структур и их взаимодействие. Именно благодаря данному типу поведения человек достигает социальной стабильности, поддерживает свой социальный статус и реализует привычный набор социально-ролевых программ.

Общество заинтересовано в сохранении «ритуального» характера поведения, но при этом не в силах отменить «естественное» эгоцентричное по-

ведение (которое по своим целям часто бывает вполне адекватным, но неразборчивым в средствах) и поэтому оказывается более предпочтительным для человека. Общество стремится перевести «натуральное» поведение в те или иные формы ритуального поведения, например, через процессы адаптации и социализации применяя механизмы социального контроля, наказания и др..

В современном обществе, как правило, преобладают смешанные формы поведения, которые объединяют как ритуальное, так и естественное поведение. Эти формы в той или иной степени подвергаются правовому регулированию, как, например, родительское поведение по отношению к своему потомству; агрессивное поведение (от вербальных оскорблений до массового уничтожения людей во время войны) и др.

Часто поведение носит стереотипный характер, в основе которого лежит схематизированная программа поведения субъекта как представителя устойчивой социальной общности (например, этноса). В каждой человеческой общности или группе имеются типовые программы, направленные на усреднение поведения, поскольку неконтролируемое поведение может привести к конфликту внутри данной общности. Поведение человека подчиняется нескольким программам, поскольку он одновременно является членом нескольких социальных групп. Стереотипы программируют поведение, и оно не нуждается в мотивации, ибо самым главным доказательством в пользу данного способа действия служит ссылка на «закон предков». Стереотипы реализуются в конкретных традициях, обычаях, способах воспитания, оскорбления, наказания и т. д. При этом в роли регулятора выступают такие элементы, как стыд, страх, вина, честь и т. п.

Содержание стереотипов поведения определяется несколькими группами факторов:

- 1) сформированными в ходе исторического развития особенностями устойчивой социальной группы (напр., этноса), закрепленными в обыденном сознании народа социальными ценностями, традиционной культурой и т. п.;
- 2) экономическими, социальными и политическими условиями развития этноса, сформировавшимися на данный момент;
- 3) особенностями исторического взаимодействия и взаимопроникновения контактов с другими социальными общностями.

Одним из стереотипных элементов, влияющих на поведение, выступает образ жизни (т. е. направление, порядок, способ существования) и реальное поведение человека, регулируемое социальными нормами.

Кроме того, раскрывая содержание данного термина, в него включают как производство материальных благ, так и иные стороны общественного существования: политику, культуру, идеологию, систему ценностных ориентаций. Образ жизни фактически синтезирует всю практическую деятельность людей, которая определяется различными сторонами общественных отношений. С учетом приведенных положений образ жизни можно определить как систему социально обусловленных признаков, характеризующих деятельность личности, социальной группы, общества в определенных производственно-экономических, социально-этнических, историко-культурных и иных условиях.

Поведение конкретной личности в большей степени определяется «мысленными программами поведения» («сценариями»), которых, как правило, бывает несколько. Реализация того или иного сценария происходит на основе взаимодействия субъекта и окружающей (социальной, природно-климатической, техногенной и иной) среды. При этом поведение обусловлено социально-ролевой структурой общества, отражающей статусные ожидания индивида и сформированные в обществе стандарты взаимоотношений, что позволяет прогнозировать возможные варианты действий других субъектов.

В результате социального взаимодействия проявляются разные черты социального поведения человека, которые в зависимости от ролевых ожиданий субъектов, имеющих разный статус, поддерживаются либо отрицаются как самими субъектами, так и обществом.

Сам человек определяет свое поведение на основе внутренних социальных регуляторов, связанных с осознанием возможного принуждения со стороны иных субъектов и сформированными морально-нравственными принципами личности, закрепленными в его сознании, определенным уровнем общей культуры поведения и правовыми традициями общества.

Оценка поведения, как социально полезного, так и социально опасного (вредного) для общества и государства, осуществляется на бытовом (одобряемое/неодобряемое) и/или юридическом (правомерное/противоправное) уровне. Оценка поведения на юридическом уровне влечет наступление позитивной или негативной юридической ответственности. Другое поведение социально и юридически индифферентно и поэтому не нуждается в правовом опосредовании.

В юридической литературе имеет место устойчивое мнение о том, что правовое поведение — это вид социального поведения лица, носящий сознательно-волевой характер, урегулированный правовыми нормами и влекущий юридические последствия [3, с. 448–481]. Правовое поведение основывается (формируется) на сопоставлении индивидуальных представлений о должном («эталонном») с реальным (фактическим) поведением. В свою очередь, общество дает тому или иному поведению субъектов соответствующую социально-правовую оценку.

В соответствии с принятыми правилами юридическая ответственность наступает за такое поведение, которое соответствует двум общим условиям:

1) наличие «свободы воли» индивида (деяние совершается индивидом без внешнего принуждения со стороны иных лиц, по доброй воле, т. е. человек властвует над своими действиями и решениями);

2) у субъекта имеется возможность выбора того или иного варианта поведения.

В юридической литературе, говоря о правонарушениях как об одной из негативных форм правового поведения, указывают, что они подразделяются по признаку их социальной опасности (вредности) на преступления и проступки (административные, дисциплинарные, гражданско-правовые и др.) и характеризуются следующими признаками:

— это деяние, т. е. акт поведения субъекта (действие или бездействие), запрещенное правом (противоправность);

— наличие виновности (деяние, совершенное лицом, способным осознавать свои поступки) и общественной опасности (деяние, причиняющее материальный, физический, моральный вред обществу или отдельным индивидам);

— наступление за совершение правонарушения юридической ответственности [4, с. 257].

Все формы поведения предполагают использование сознания (разума) как продукта рефлекторной работы мозга человека, который выступает в качестве основного управляющего устройства организма, производящего мысли и определяющего поведение людей путем динамического воздействия, восприятия и преобразования внешней среды в умственные образы, накапливаемые в памяти, а также в команды, посылаемые телу. Однако во всех ли случаях данное утверждение верно?

Достижения современной науки позволяют по-другому взглянуть на механизмы формирования правового поведения, подвергая сомнению традиционные представления о том, как человек принимает решение.

Именно мозг человека подготавливает предстоящее движение (действие) до того, как принимается осознанное решение его совершения. При этом основу правового поведения формирует «принятие решения», сопряженное с оценкой рисков и поощрений («наград») и связанное с выбором способа действия (бездействия) и реализацией наиболее «выгодного» варианта.

Все варианты правового поведения проходят под контролем мозга. Однако во всех ли случаях соблюдается правило «свободы воли»?

Результаты исследований в области нейробиологии ставят под сомнение традиционное отношение к процессу принятия решения и формирования поведения как к сугубо рациональному элементу.

Рассмотрим типичную ситуацию. При расследовании дорожно-транспортного происшествия одним из ключевых вопросов, подлежащих разрешению экспертом, является вопрос о том, имел ли водитель транспортного средства возможность избежать столкновения, если бы применил экстренное торможение в конкретный момент. Ответ на данный вопрос представляется весьма тривиальным, с учетом скорости движения транспортного средства в данных условиях к моменту торможения; удаленности транспортного средства от места столкновения и т. д.

Тем не менее возникают следующие вопросы: «Какова была реакция головного мозга на сложившуюся ситуацию?»; «Каков был двигательный отклик на мозговой сигнал?». Ответы на них могут кардинальным образом изменить выводы по делу.

Это связано с тем, что решения и действия человека определяются нейробиологическими механизмами работы головного мозга, непосредственно им не осознаваемыми. В мозге человека происходит очень быстрый (доли секунды), но многоэтапный процесс обработки получаемой информации:

- восприятие визуальной информации;
- интерпретация полученной информации;
- производство двигательного отклика.

Данный механизм принятия решения и совершения действия идет вразрез с концепцией «свободы воли», в соответствии с которой люди вольны сами определять свои действия.

В процессе принятия решения задействованы две нейронные системы мозга: одна — оценивающая риски иощрения, вторая — сеть, состоящая из дорсолатеральной префронтальной коры и передней части поясной извилины, которые вместе выполняют важную роль в когнитивном контроле, т. е. в задачах типа выявления ошибок, сосредоточенности или переключения внимания [5, с. 104–105].

Принятие решения и реальное поведение (действие) человека возникает из динамического взаимодействия мозга с телом и внешней средой. Это взаимодействие запускает или останавливает действия определенных биологических программ поведения человека. А поскольку нейронная активность в премоторной коре нарастает постепенно, но в весьма малые временные промежутки (за доли секунды до совершения действия), то в повседневной жизни она воспринимается как одномоментный процесс и не контролируется сознанием.

Весьма интересен механизм работы головного мозга, связанный с запоминанием и последующим воспроизведением произошедшего события (свидетельских показаниях очевидцев). Фредерик Бартлетт по этому поводу отмечал, что точность воспроизводства является редким исключением и не составляет правила. Память человека на событие представляет собой смесь информации, зашифрованной в то время, когда оно произошло, и умозаключения, основанного на знании, ожиданиях, убеждениях и отношениях, а поскольку процессы восприятия и совершения определенного действия человеком тесно взаимосвязаны с процессом «симуляции», то у человека создается чувство, что он делает «осознанный» выбор.

Кроме того, Ф. Бартлетт доказал, что при запоминании воспринятое подвергается упрощению, схематизации и обобщению. В памяти же остается только часть произошедшего события и связанный с ним эмоциональный фон. Всякое воспоминание зависит от индивидуальных особенностей личности, включенных в ее актуальный опыт и общую систему знаний [6].

Воспоминания очевидцев (свидетелей) не дают полной и правдоподобной картины произошедшего, поэтому возникают серьезные сомнения в надежности свидетельских показаний и целесообразности их использования в качестве доказательств. Экспериментальным путем было установлено, что на воспоминания человека можно влиять, формируя в сознании нужную картину произошедшего.

Как видим, правовое поведение отражает сложную когнитивную систему действия и взаимодействия субъектов правовой жизни общества; механизмов, форм и средств, приспособления человека к социальным, климатическим и иным условиям своего существования; совокупность поступков и действий индивида или группы в обществе и т. д.

Отдаленные от абстракций ментальные образы ума взаимосвязаны с событиями, происходившими в жизни человека. Поведение человека и их последствия влияют на восприятие людей, поэтому процесс симуляции играет в этом одну из важнейших ролей. Однако данное положение коренным образом меняет современные представления юридической науки о природе правового поведения, «свободе воли», ответственности и пр.

Жизненно необходимый минимальный набор врожденных программ, которыми наделен человек как биологическое существо, одинаков у всех людей. В то же время поведенческие различия в определенной степени зависят от

качеств, которые были получены в процессе социализации в ходе культурного и социально-психологического развития. Тем не менее понимание биологических механизмов воздействия на формирование правового поведения остается весьма актуальным и перспективным для научных исследований.

Таким образом, в настоящее время возникла необходимость переосмысления базовых общетеоретических и специальных подходов, обуславливающих необходимость научного обоснования, апробирования и внедрения новых (в том числе нейробиологических) методов и методик юридического познания, доказывания и доказательств, используемых в юридической практике.

Список литературы:

1. Остром, Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром. — М.: Мысль, 2011. — 447 с.
2. Isaac, R.M. Communication and Free-Riding Behavior: The Voluntary Contribution Mechanism / R.M. Isaac, J. Walker. — Economic Inquiry. — 1988. — 585 с.
3. Ковалева, Е.Л. Юридически значимое поведение, правонарушения, юридическая ответственность // Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. В.М. Сырых. — М.: Эксмо, 2008. — 526 с.
4. Комаров, С.А. Теория государства и права / С.А. Комаров, А.В. Малько. — М.: Норма, 2004. — 283 с.
5. Мохеб, К. Мозг человека. 50 идей, о которых нужно знать : пер. с англ. / К. Мохеб. — М.: Фантом Пресс, 2015. — 208 с.
6. Broadbent, D.E. Sir Frederic Bartlett: an appreciation // Bulletin of the British Psychological Society. — 1970. — V. 23.

В.В. Болгова,

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и
философии права
Самарского государственного
экономического университета*

Е.Е. Новопавловская,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин
Белгородского юридического института
МВД России им. И.Д. Путилина*

V.V. Bolgova,

*Doctor of Law, Professor, Head of the
Department of Theory and Philosophy of
Law, Samara State Economic University*

E.E. Novopavlovskaya,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
State and Legal Disciplines of the Belgorod
Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation named
after I.D. Putilina*

Преодоление пробелов и коллизий информационного законодательства посредством механизмов конституционного судопроизводства

Аннотация: актуальность заявленной в статье проблемы обусловлена тем, что информация в настоящее время рассматривается как одно из значимых благ, обеспечивающих экономическую и социальную активность человека. В условиях развития информационно-коммуникационных технологий границы для распространения информации фактически отсутствуют, в связи с чем повышаются угрозы как государственной, так и личной безопасности. Современные государства стремятся к соз-

данию системы правового регулирования информационных отношений, одной из основ которой является фиксация конституционного права граждан на информацию. Используя принципы анализа практики Конституционного Суда РФ, авторы статьи выявляют систему таких препятствий и основные формы правового реагирования на них, формируют прогноз относительно развития системы правового регулирования информационных отношений.

Ключевые слова: свобода массовой информации, средства массовой информации, информатизация, информационное право, конституционная жалоба, конституционное судопроизводство, законодательный дефект.

Bridging the gaps and conflicts information legislation through the mechanism of constitutional proceedings

Abstract: the urgency of the stated in the article the problem stems from the fact that information is now regarded as one of the significant benefits that provide both economic and social activity of man. With the development of information and communication technologies for disseminating information are virtually no boundaries, and therefore increases the risk of both public and personal safety. Under these conditions, modern states are making efforts to establish a system of legal regulation of information relations, one of the pillars of which is the fixing of the constitutional right of citizens to information. Using the principles of analysis of the practice of the Constitutional Court, the authors reveal the system of obstacles and basic forms of legal response to them, form a forecast for the development of the system of legal regulation of information relations.

Keywords: freedom of the media, the media, information, information law, the constitutional complaint, the constitutional proceedings, legislative defect.

В современной ситуации выражения «информационное общество», «информационное право» все чаще воспринимаются как устойчивые, не требующие дополнительных пояснений [1–3]. Помимо формирования понятия можно говорить и о том, что информационное общество становится предметом эмпирического и экономического анализа [4; 5]. Например, «Информационное общество» — один из разделов государственной статистики.

Сегодня государство достаточно активно регулирует общественные отношения, возникающие в этой области, связывая необходимость вмешательства с проблемой защиты как общественной безопасности, так и прав личности [1]. Одним из средств подобной регламентации является конституционное право на информацию, которое в рамках настоящей работы будет рассмотрено нами с учетом правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации (далее — КС РФ). В связи с этим представляется уместным дать ответы на следующие вопросы:

1. Какие аспекты права на информацию оспаривались заявителями в порядке конституционного судопроизводства?
2. Какие законодательные дефекты в области регламентации права на информацию были действительно выявлены КС РФ?
3. Какие наиболее значимые правовые позиции в данной области были сформулированы КС РФ?
4. Какую реакцию законодателей и правоприменителей вызывали постановления КС РФ, в которых положения нормативных правовых актов, регламентирующих порядок распространения информации и обращения с ней, были признаны неконституционными?

5. По каким направлениям под влиянием практики конституционного судопроизводства было скорректировано законодательство в области информационного права?

Часть 4 ст. 29 Конституции РФ фиксирует право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» трактует дефиницию «информация» как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [3]. Данному праву корреспондируют иные конституционно-правовые нормы, в частности, касающиеся неприкосновенности частной жизни, права на личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ) [2]. Сквозь призму решений Конституционного Суда Российской Федерации и сформулированных в них правовых позиций обозначенные права тезисно выглядят следующим образом:

— частная жизнь — это область жизнедеятельности человека, относящаяся к отдельному лицу (Определение КС РФ от 26.01.2010 № 158-О-О);

— в понятие «частная жизнь» входит личная, семейная жизнь человека, его трудовая деятельность, состояние здоровья и пр.;

— само лицо вправе определить набор тех сведений, которые, по его мнению, относятся к его частной жизни и, следовательно, должны оставаться в тайне (Постановление КС РФ от 16.06.2015 № 15-П, Определение КС РФ от 28.06.2012 № 1253-О);

— сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается (Постановления КС РФ от 17.12.2015 № 33-П, от 16.06.2015 № 15-П, Определение КС РФ от 06.10.2015 № 2443-О). По справедливому замечанию КС РФ, данное требование распространяется на любую информацию вне зависимости от ее места и способа производства, порядка передачи и распространения. Это правило касается и сведений, размещаемых в Интернете, что объяснимо, поскольку сегодня население весьма активно прибегает к использованию различных интернет-ресурсов. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2015 г. 74,1 % от общей численности населения страны возрастной группы от 15 до 72 лет, проживающего в городской местности, активно пользуется Интернетом в течение последних трех месяцев. При этом лишь 18,3 % жителей городской местности в возрасте от 15 до 72 лет никогда не использовали Интернет. Относительно распространения информации посредством сети Интернет КС РФ указал на необходимость законодательной корректировки в части введения в правовое регулирование дополнительных гарантий защиты чести, достоинства и деловой репутации (Постановление КС РФ от 09.07.2013 № 18-П);

— каждый имеет право на защиту чести и доброго имени при распространении иными лицами порочащих сведений. Как указал Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», сведения относятся к категории порочащих, если в них содержатся «утверждения о нарушении гражданином

или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица» (п. 7). КС РФ, подчеркнув многоаспектность содержания понятия «порочащие сведения», заметил, что отсутствие в ст. 152 Гражданского кодекса РФ его легальной трактовки вовсе не случайно и обусловлено разнообразием фактических обстоятельств. Подобная неопределенность правового регулирования преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (Определения КС РФ от 19.03.2009 № 231-О-О, от 21.02.2008 № 120-О-О). КС РФ также подчеркнул, что несмотря ни на какие обстоятельства должна быть обеспечена реальная и эффективная защищенность прав и интересов лица, честь, достоинство и доброе имя которого были нарушены и ущемлены в связи с распространением негативной информации, не соответствующей действительности (Постановление КС РФ от 09.07.2013 № 18-П, Определения КС РФ от 22.01.2014 № 12-О, от 01.03.2010 № 323-О-О);

— частная жизнь не подлежит контролю со стороны общества и государства при условии, что ее характер правомерен. Осуществлять контроль за содержанием и распространением информации о себе, а также препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера — право каждого человека (Определение КС РФ от 28.06.2012 № 1253-О) и др.

В правоотношениях, реализация которых связана с правом на информацию, законодатель возлагает на органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также их должностных лиц обязанность обеспечить каждому человеку возможность ознакомления с документами и материалами, которые непосредственно затрагивают его права и свободы. Однако ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации допускает и возможность исключения из этого правила, что подтверждает конструкция «если иное не предусмотрено законом». Распространяется ли такая обязанность представителей публичной власти и на сферу уголовно-правовую? Данный вопрос подлежал рассмотрению в связи с оспариванием конституционности норм, регулирующих оперативно-розыскную деятельность. Что весьма показательным, в качестве предмета разбирательства выступали не только положения законов (например, об особенностях осуществления оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении судьи — Постановление КС РФ от 09.06.2011 № 12-П), но и подзаконных актов (например, в Определении КС РФ от 15.07.2008 № 460-О-О — п. 13 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд). В частности, каждому должен быть предоставлен доступ к соответствующей информации при возбуждении, расследовании уголовного дела, а также рассмотрении его в суде. КС РФ не раз отмечал, что в силу прямого действия ч. 2 ст. 24 Конституции РФ государство должно создать условия, обеспечивающие реализацию каждому

заинтересованному лицу право знакомиться с протоколами следственных действий, подавать на них замечания, возможность обжалования в судебном порядке постановления следователя, нарушающие права и свободы личности. Между тем КС РФ неоднократно подчеркивал тот факт, что выбор формы и порядка ознакомления с необходимыми материалами в подобного рода случаях является прерогативой следователя, прокурора и суда. При их избрании учитываются пределы, которые исключают опасность разглашения тайны следствия (Определения КС РФ от 06.10.2015 № 2443-О, от 23.09.2010 № 1128-О-О, от 20.02.2007 № 146-О-О). Предоставление следователю права давать согласие на предание гласности данным предварительного расследования имеет определенную цель — защита публичных интересов, а также частных интересов участников уголовного судопроизводства, достижение так называемого баланса таких интересов, когда государство осуществляет исполнение своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению их различными способами и методами, включая правосудие (Определение КС РФ от 06.10.2015 № 2443-О).

Вовсе не безусловно и право, закрепленное в ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации. Законодатель идет по пути закрепления видов информации, распространение которых подлежит ограничению, в том числе: а) сведения, содержащие государственную тайну; б) сведения о частной жизни; в) конфиденциальные сведения, которые связаны со служебной, коммерческой, профессиональной и иной деятельностью. В частности, специальным законом установлен перечень сведений, составляющих государственную тайну. Это сведения в строго определенных сферах (в области военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности). Подобное ограничение обусловлено тем, что их распространение может нанести ущерб национальной безопасности государства. Однако, как неоднократно отмечал КС РФ, в исключительных случаях и в особом порядке сведения, составляющие государственную тайну, могут быть рассекречены. Например, это допустимо на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (Постановление КС РФ от 06.11.2014 № 27-П). В отношении лиц, имеющих доступ к государственной тайне, установлены определенные запреты и ограничения, регламентация которых неоднократно вызывала неудовлетворенность граждан. В частности, речь идет об ограничении свободного выезда за пределы Российской Федерации. По мнению заявителя, направившего в 2012 г. обращение в КС РФ, указавшего на необходимость признания неконституционными ряда положений Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (подп. 1 ст. 15) и Закона Российской Федерации «О государственной тайне» (ст. 24), такое правовое регулирование приводит к необоснованному ограничению лиц, имеющих доступ к государственной тайне и осведомленных о сведениях особой важности или совершенно секретных сведениях (Постановление КС РФ от 07.06.2012 № 14-П). КС РФ не согласился с позицией заявителя, констатируя конституционность исследуемых законоположений. Обосновывая свое решение, КС РФ отметил следующее:

— такие ограничения свободы выезда за пределы российской территории являются временными;

— они применяются только в определенных случаях и не связаны только с формальными основаниями;

— обязательному выяснению для принятия решения об их применении подлежат различные обстоятельства, например: а) характер конкретной информации, к которой гражданин имеет доступ при осуществлении своей профессиональной деятельности; б) степень секретности данной информации и др.

КС РФ также неоднократно указывал, что ограничение права на свободу информации федеральным законом допускается только при соблюдении определенных принципов, в том числе принципа юридического равенства (Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О). Более того, по мнению КС РФ, на законодателя лежит обязанность не только определить средства и способы защиты охраняемой законом тайны. Он должен использовать только те из них, которые в конкретных правоприменительных случаях исключали бы любую возможность несоразмерного ограничения конституционных прав и свобод личности (Определение КС РФ от 07.11.2008 № 1029-О-П).

В целом блоке решений КС РФ исследовались вопросы обеспечения доступа к информации о деятельности органов государственных органов и органов местного самоуправления. КС РФ подчеркивал:

— в правовом, демократическом государстве должны быть созданы такие условия, которые обеспечивают максимальную информационную открытость органов публичной власти всех уровней для граждан и иных субъектов гражданского общества (Определение КС РФ от 08.12.2011 № 1624-О-О);

— однако законодатель определяет перечень сведений и официальных документов, относящихся к информации ограниченного доступа;

— в предоставлении заявителю информации о деятельности органа государственных органов, органа местного самоуправления может быть отказано также при соблюдении следующих условий: а) запрашиваемая официальная информация не связана с защитой прав пользователя информацией, который направил запрос; б) в запросе ставится вопрос о проведении анализа деятельности органа власти и управления либо о проведении иной аналитической работы. Как отметил КС РФ в ответ на поступившее в 2016 г. обращение о проверке конституционности положения п. 6 ч. 1 ст. 20 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», оценочный характер используемых в названном Законе понятий не означает неопределенность содержания правовых норм. Правовое регулирование подобного рода обусловлено разнообразием фактических обстоятельств, что делает невозможным на законодательном уровне установление их исчерпывающего перечня (Определение КС РФ от 26.04.2016 № 918-О). КС РФ также подчеркнул, что он уже не раз обращал внимание на данный факт (например, Определение КС РФ от 17.07.2014 № 1807-О).

Помимо вышеперечисленных аспектов права на информацию заявители в порядке конституционного судопроизводства оспаривали конституционность регулирования вопроса о соотношении права на свободные выборы и свободы слова и информации. Такие решения КС РФ с определенной долей условности могут быть отнесены к отдельной группе. Вот лишь некоторые правовые позиции КС РФ в обозначенном направлении:

— государство должно обеспечить реальность свободных выборов, что возможно только при условии обеспечения свободы политической дискуссии, создании надлежащих условий для свободного обмена мнениями (Определение КС РФ от 29.01.2015 № 224-О);

— обеспечению реальной свободы выборов способствуют различные обстоятельства: а) прерогатива федерального законодателя по определению порядка и условий информационного обеспечения выборов; б) гарантированность гражданам реального права на получение и распространение информации в ходе избирательного процесса и свободы выражения мнений (Постановление КС РФ от 30.10.2003 № 15-П, Определение КС РФ от 19.05.2009 № 842-О-О). Касаться такая информация должна не только назначения и проведения выборов (т. е. процедурных правил), но и участвующих в выборах кандидатов на выборные должности. В целях максимально полного информирования избирателей о кандидатах законодатель вправе использовать различные необходимые правовые средства, включая те, которые: а) направлены на выявление в отношении кандидатов на выборные публичные должности характеристик их имущественного положения и имущественного положения членов их семьи; б) определяют юридические последствия наличия достоверно подтвержденных соответствующих обстоятельств в зависимости от их характера. Такое информирование призвано способствовать обеспечению свободного доступа избирателей к информации о кандидатах и, в конечном счете, формированию осознанного электорального волеизъявления избирателей и подлинности выборов (Определение КС РФ от 15.09.2016 № 1742-О);

— законодатель обязан обеспечивать баланс конституционно установленных ценностей, не допуская неравенства и несоразмерных ограничений института выборов и конституционного права на информацию (Определение КС РФ от 19.05.2009 № 842-О-О).

Свобода выборов обеспечивается в том числе и посредством гарантирования на конституционном уровне свободы массовой информации и установления запрета цензуры (ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации). Свобода массовой информации, как неоднократно указывал КС РФ, относится к числу отраслевых принципов (Определение КС РФ от 17.07.2012 № 1335-О). Под средствами массовой информации понимаются периодические печатные издания, радио-, теле- и видеопрограммы, кинохроника, часто воздействующие на огромную аудиторию. Они являются наиболее действенной формой осуществления обозначенных выше прав.

Детализация названных конституционных положений предусмотрена различными нормативными правовыми актами, к основным из которых относится Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой инфор-

мации» (в ред. от 03.07.2016) [6]. Мониторинг практики конституционного судопроизводства по обращениям, в которых заявители указывали на дефекты регулирования информационных правоотношений, позволил констатировать, что предмет рассмотрения дел в КС РФ составляли положения не только Закона РФ «О средствах массовой информации» (Определения КС РФ от 28.01.2016 № 102-О, от 25.09.2014 № 1928-О, от 09.11.2010 № 1483-О-О, от 01.03.2010 № 323-О-О). Значительный удельный вес в общем числе обращений в КС РФ по вопросам информационного права имеют обращения по вопросам применения следующих правовых актов, регламентирующих порядок распространения информации и обращения с ней:

— Федерального закона «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации» (Постановление КС РФ от 22.11.2000 № 14-П);

— Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Определение КС РФ от 17.07.2014 № 1759-О);

— Федерального закона «О персональных данных» (Определение КС РФ от 24.03.2015 № 699-О);

— Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (Определение КС РФ от 24.12.2013 № 2066-О, Определение КС РФ от 08.12.2011 № 1624-О-О);

— Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (Определения КС РФ от 29.05.2012 № 976-О, от 08.12.2011 № 1624-О-О) и др.

Можно признать, что нередко нормы названных выше законов подвергались оценке конституционности одновременно с нормами иных отраслей права, включая конституционное и административное (Определение КС РФ от 24.11.2016 № 2525-О), гражданское (Определение КС РФ от 23.06.2016 № 1230-О), уголовно-процессуальное (Определения КС РФ от 25.09.2014 № 1928-О, от 17.07.2012 № 1335-О) и др.

Заявители высказывали неудовлетворенность регулированием вопросов информационного права подзаконными правовыми актами, например, Положением о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, утвержденным Постановлением Правительства РФ № 1233 (Определения КС РФ от 15.04.2008 № 287-О-О, от 11.07.2006 № 269-О), и др.

Таким образом, констатируем, что в ходе осуществления нормоконтрольной деятельности КС РФ выявляет различного рода законодательные дефекты, среди них:

— пробельность правотворческого регулирования — формальное отсутствие регламентации общественных отношений, которые должны быть урегулированы правом исходя из требований защиты конституционных ценностей и реализации конституционных принципов, например, в случаях отсутствия нормативно установленных правозащитных механизмов, которые позволяют своевременно отстаивать основополагающие права [1]. Это имеет место при таких обстоятельствах, когда, например, введенные правоограничения не

подкрепляется установлением для соответствующих законоположений переходных положений, когда не учитываются особенности развития отдельных правоотношений во времени (отсутствуют сокращенные сроки обжалования и рассмотрения дел) и др. [7];

— неопределенность регулирования, по мнению КС РФ, означает размытость терминологии в нормативных правовых актах, нечеткость право-реализационных механизмов, дефекты темпоральности, которые нарушают принципы действия правовых норм во времени, и иные недостатки нормотворчества;

— несогласованность регулирования, включающая в себя дефекты нормотворчества, которые вызваны недостатками юридико-технического характера, в результате чего возникают противоречия между нормами одной отрасли либо нормами, имеющими различную отраслевую принадлежность [3].

Анализ деятельности КС РФ показывает, что его правовые позиции оказывают существенное влияние на развитие не только конституционного законодательства, но и иных сфер правового регулирования. Множество решений КС РФ, вынесенных по обращениям, в которых заявители оспаривали конституционность регулирования информационных правоотношений, стали основой для существенной модернизации практики правового регулирования.

Список литературы:

1. Бачило, И.Л. Исчерпаны ли конституционные основы развития информационного общества и информационного права // Государство и право. — 2013. — № 12. — С. 95–108.
2. Лопатин, В.Н. Проблемы и перспективы кодификации законодательства в сфере информационного права и интеллектуальной собственности // Информационное право. — 2014. — № 3. — С. 4–10.
3. Паршуков, М.И. Несовершенство понятийного аппарата как проблема преподавания учебной дисциплины «Информационное право» // Информационное право. — 2015. — № 2. — С. 37–39.
4. Зазаева, Н.Б. Свобода слова и печати в пространстве массовых коммуникаций информационного общества: конфликт интерпретаций // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2015. — № 3. — С. 54–59.
5. Кожуханов, Н.М. Направления развития информационного законодательства // Закон и право. — 2015. — № 8. — С. 139–141.
6. О средствах массовой информации : закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (в ред. от 03.07.2016) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 7, ст. 300.
7. Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016) [Электронный ресурс] // Конституционный Суд РФ : официальный сайт. — URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 04.07.2016).

И.А. Щербович,
кандидат юридических наук, доцент,
директор филиала Российского
экономического университета
им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске

Р.Ш. Караев,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права, филиал Российского
экономического университета
им. Г.В. Плеханова в г. Пятигорске

I.A. Scherbovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Director of the Pyatigorsk branch of
Plekhanov Russian University of Economics
pyatigorsk@rea.ru

R.Sh. Karaev,
Candidate of Law,
Associate Professor at the Department
of the theory and history of state and
law, The Pyatigorsk branch of Plekhanov
Russian University of Economics
karaev73@mail.ru

Анализ детерминантов низовой коррупционной преступности в России

Аннотация: актуальность статьи выражается в том, что масштабы распространения низовой коррупционной преступности становятся угрозой социально-экономического развития и политической безопасности нашего общества и государства. Цель статьи — выявление детерминирующих механизмов, влияющих на распространение низовой коррупционной преступности, а также факторов и условий возникновения и развития коррупционных деяний. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза), частнонаучных (статистический) и частноправовых (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Авторы делают выводы, что детерминанты низовой коррупционной преступности, являясь сложным механизмом, обладают латентностью, что вызывает трудности в реализации на практике разработанных механизмов противодействия ей. Выявлено, что низовая коррупционная преступность имеет масштабное распространение и влияет на все сферы жизнедеятельности человека, где «взятничество» остается одним из распространенных видов преступлений коррупционной направленности.

Ключевые слова: низовая коррупция, национальная безопасность, государственные и муниципальные служащие; население; политический нигилизм, подкуп, вседозволенность властных структур, профилактика.

The analysis of determinants of local corruption crime in Russia

Abstract: the urgency of issue consist of the fact that distribution of local corruption crime become threat of social and economic development and political safety of our society and state. The main purpose of article is identification of the determining mechanisms influencing distribution of local corruption crime, and also factors and conditions of emergence and development of corruption acts. Implementation of the tasks has been reached by means of general scientific (dialectic, the analysis, synthesis), the private scientific (statistical) and private-law (legallistic, comparative and legal) methods. Authors have drawn conclusions that determinants of local corruption crime, which is the difficult mechanism, have latency that causes difficulties in practice realization. It is revealed that local corruption crime has large-scale distribution and influences all spheres of activity where «bribery» remains to one of widespread corruption types.

Keywords: local corruption, national security, public and municipal servants; population; political nihilism, bribery, permissiveness of power structures, prevention.

Коррупционная преступность — отнюдь не новое явление в жизни современного общества. Ее различные проявления имеют сложный, комплексный характер, что препятствует модернизации всех систем государства, а масштаб распространения данных преступлений представляет реальную угрозу для

национальной безопасности и стратегических интересов страны. В связи с этим выявление детерминирующих механизмов возникновения и распространения коррупционной преступности выступает приоритетной линией политической системы, т. к. моральное разложение власти в современных условиях возрастания экономической нестабильности в сочетании с внешними и внутренними факторами, приводящими к размыванию незыблемых конституционных принципов, таких как социальная справедливость, равенство всех перед законом, существенно дискредитирует легитимную власть и подрывает народное доверие к ней.

Реальные шаги, предпринятые государством в сфере противодействия коррупционной преступности на современном этапе, становятся более очевидными обществу.

Во-первых, динамику развития, роста коррупционной преступности можно выразить количественным показателем. К примеру, статистические данные содержатся в документах статистической отчетности правоохранительных органов о состоянии коррупционной преступности. Так, МВД России в ежемесячных отчетах указывает количество преступлений коррупционной направленности. Согласно статистике судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2012 г. по основным коррупционным статьям осуждено 6014 человек, в 2013 г. — 8014 человек, в 2014 г. — 10 784 человек, в 2015 г. — 11 499 человек [1]. Анализируя данную статистику, отмечаем, что, с одной стороны, имеется динамика роста числа осужденных за коррупционные преступления, следовательно, можно полагать, что раскрываемость таких преступлений увеличилась. С другой стороны, если в 2012 г. для статистической отчетности собирались лишь сведения о взяточничестве, то в дальнейшем к статистике добавили факты мошенничества, коммерческого подкупа, присвоения и растраты вверенного имущества и т. д., но все же, согласно официальной информации статистической отчетности, практически половину уголовных дел анализируемой категории составили преступления, предусмотренные ст. 290, 291, 291.1. и 191.2. УК РФ, а по итогам 2016 г. количество преступлений, предусмотренных данными статьями, увеличилось по сравнению с 2015 г., в частности, по ст. 190 УК РФ — на 19,7 %, ст. 291 УК РФ — на 4,4 %, и на 89,9 % больше выявлено фактов посредничества о взяточничестве [2].

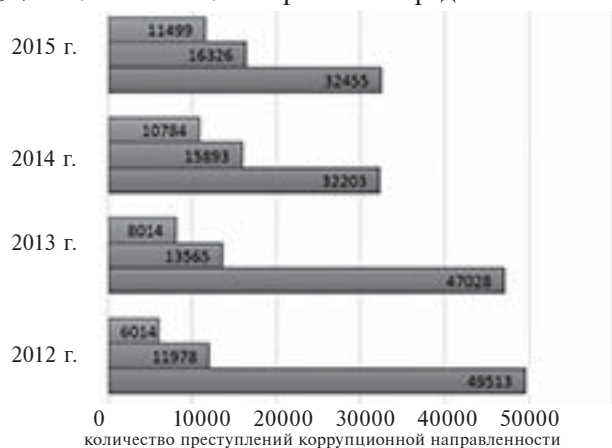

Рис. 1. Сводный анализ выявленных коррупционных преступлений за 2012–2015 гг.

Следовательно, взяточничество остается одним из распространенных видов преступлений коррупционной направленности, где взяточником в основном выступает служащий низших рангов.

На основании сводного анализа выявленных коррупционных преступлений за 2012–2015 гг. (рис. 1) [1; 2] определено, что к уголовной ответственности привлекается небольшая их доля, еще меньшая часть действительно подвергается осуждению. Следовательно, из-за высокой степени латентности данных преступлений основная их масса остается нераскрытой, а значит, не наказуемой.

Во-вторых, для формирования списка статистической отчетности Генпрокуратурой РФ и МВД России был разработан новый, более расширенный перечень преступлений коррупционной направленности [3].

На сегодняшний день всплеск коррупционных преступлений связан с причинами и условиями, создающими почву для их процветания. К ним следует отнести:

- неэффективную рыночную конкуренцию. К примеру, по данным доклада Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Глобальная конкурентоспособность 2016–2017», Российская Федерация по индексу глобальной конкурентоспособности поднялась в рейтинге на две позиции — с 45 до 43 места из 138 государств, однако, по мнению докладчиков, воспользоваться своими конкурентными преимуществами России мешают низкая эффективность работы государственных институтов, недостаточный инновационный потенциал, слабая развитость финансового рынка и дефицит доверия инвесторов к финансовой системе [4];

- возрастание политического нигилизма населения, выраженного в отчуждении большей части населения от власти и управленческих процессов, что создает зависимость граждан от чиновников. К примеру, явка на выборы в Государственную Думу VII созыва 18 сентября 2016 г. составила всего 47,88 % от общего числа избирателей [5], что свидетельствует о снижении политической активности населения, поскольку официальная явка на выборы в Государственную Думу России в 2011 г. составила 60,21 % (в ЦИК отметили, что это на 4,5 % выше показателя 2003 г.) [6], а явка избирателей на выборы президента РФ в 2012 г. по России — 65,3 % [7];

- рекламно-популистский характер мер государственной политики в области противодействия коррупции. В законодательстве установлена возможность создания специальных органов по координации деятельности в области противодействия коррупции, но вместе с тем они должны комплектоваться из тех же представителей федеральных и региональных органов государственной власти и иных лиц. В итоге получается замкнутый круг, в котором сами потенциальные коррупционеры из рядов чиновничества должны бороться с коррупцией. К примеру, в состав Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции в 2013 г. был включен А.В. Улюкаев — министр экономического развития РФ, которому в настоящее время вменяется вымогательство взятки на сумму два миллиона долларов у компании «Роснефть» [8];

- отсутствие эффективных действенных политических механизмов, обеспечивающих лишение полномочий государственных и муниципальных служащих, уличенных в коррупционных действиях. Например, законодательно

закреплен иммунитет от уголовного преследования определенных субъектов политической деятельности и некоторых представителей правоохранительных органов;

- наличие множества пробелов в российской законодательной системе, к примеру, не закрепление самого понятия «коррупционное преступление», не выработанная регламентация налогообложения государственных служащих;

- неэффективную судебную систему, позволяющую осуществлять субъективную трактовку нормативных актов и принимать неадекватные меры наказания за коррупционные сделки, наличие возможности влиять на судебные решения, затягивание рассмотрения дел судами;

- низкую социальную защищенность граждан. К примеру, по данным официальной статистики, за чертой бедности находится примерно 15 % населения России, а в опасной близости от нее еще около 10 % [9];

- наличие многовековых традиций мздоимства и лихоимства на государственной службе в России, проявляющихся в психологической готовности значительной части населения совершать подкуп государственных и муниципальных чиновников для совершения как законных, так и незаконных деяний, в то же время создающих в обществе стереотип о том, что большинство чиновников коррупционно порочны и пытаются скрыть свои доходы и имущество.

Так, на вопрос: «Почему Вы считаете, что доходы чиновников не соответствуют их налоговым декларациям?» корреспонденты дали следующие ответы:

- думаю, что чиновники переводят основные доходы на своих родственников, выводят свою собственность за границу (58 %);

- я вижу, что образ и уровень жизни чиновников не соответствует заявленным доходам, которые они получают (55 %);

- в СМИ постоянно публикуют материалы о возбуждении уголовных дел, связанных с нелегальными доходами чиновников, о коррупционных скандалах, о хищениях казенных средств (29 %);

- я вижу, что российское руководство защищает чиновников от попыток антикоррупционных расследований (24 %) [10]¹.

Анализируя данный опрос, можно отметить, что у населения формируется социальная пассивность в отношении коррупционных преступлений со стороны властных структур, осуществляется подмена моральных ценностей мерой материальными благами вне зависимости от способов их получения, происходит трансформация механизмов поведения людей, т. е. слом цивилизованных социальных регуляторов: норм морали, права, религии, общественного мнения, придание малого значения понятиям честности и чести;

- не развитость институтов гражданского общества, вследствие этого низкий уровень доверия населения к ним, в частности к общественным палатам и СМИ, хотя и наблюдается положительная тенденция его постепенного роста (табл. 1);

¹ В % от числа тех, кто считает, что в налоговых декларациях чиновников представлены не все их доходы.

Таблица 1
Динамика оценок одобрения и неодобрения деятельности общественных институтов (%) [12]

Одобрение	Сент., 2016	Окт., 2016	Нояб., 2016	Дек., 2016
Общественная палата	38,3	39,2	39,9	43,0
СМИ	62,4	60,5	62,5	65,4

— отсутствие эффективного контроля за исполнительной властью и служащими, к примеру, ст. 9 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в ред. от 03.07.2016) провозглашает основными субъектами контроля общественные палаты федерального, субъектов Федерации и муниципального уровней, а также общественные советы при федеральных органах исполнительной власти и общественные советы при представительных и исполнительных органах государственной власти субъектов Федерации. Граждане имеют возможность принимать участие в общественном контроле лишь в качестве общественных контролеров, инспекторов и экспертов [13]. Однако для этого они должны быть привлечены законодательно установленными субъектами общественного контроля. Следовательно, возникает своеобразное ограничение прав граждан на осуществления контрольных функций.

Чаще всего коррупционные преступления проявляются в среднем и низшем уровнях государственных и муниципальных органов власти и управления, где присутствует постоянное взаимодействие чиновников с гражданами. Данная низовая коррупция напрямую воздействует на многие сферы жизнедеятельности граждан, тем самым осуществляется попытка управлять слоями населения (в широком смысле) в корыстных целях.

По данным опроса Левада-центра, в феврале 2016 г. на вопрос: «Где россияне чаще всего сталкиваются с коррупцией? (в каком проценте случаев давали взятки те, кому случалось, %)» респонденты дали следующие ответы:

- при нарушении правил дорожного движения (50 %);
- при регистрации фирмы, получении или продлении разрешения на деятельность (24 %);
- при получении водительских прав, регистрации автомобиля, проведении техосмотра (24 %);
- в больнице (28 %);
- при поступлении в институт (25 %);
- при прохождении через разбирательство уголовного дела в суде (24 %);
- в военкомате при призыве в армию (23 %);
- при получении важных документов, справок в министерствах, ведомствах (23 %);
- при растормаживании каких-либо грузов (21 %);
- при оформлении права на квартиру, жилье (20 %) [14].

Как следует из результатов опроса, это сферы здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, правоохранительные органы, включая ГИБДД, налоговая и таможенная службы, призывные военные органы, а также ряд государственных сфер, связанных с госзаказами или

госзакупками, сертификацией (выдачей различных разрешений, лицензированием и т. п.), распределением земельных участков (в том числе и земельные отношения), строительством. В данном случае коррупционером выступает служащий (чиновник). Следовательно, очевидный масштаб распространения низовых коррупционных преступлений создает благоприятный фон для взращивания и процветания других форм коррупции.

В итоге можно отметить, что в совокупности детерминанты коррупционной преступности в сферах государственных и муниципальных служб с учетом ее высокой латентности вызывают трудности в реализации на практике разработанных механизмов государственной политики, направленной на достижение конкретных результатов в сфере борьбы с коррупционными проявлениями. Отношение общества к антикоррупционной деятельности государства можно проследить в следующей диаграмме (рис. 2) [15].

Руководство страны постоянно говорит о необходимости борьбы с коррупцией. Видны ли Вам результаты этой борьбы — скажем, за последний год, или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, %)

Рис. 2. Мониторинг общественного мнения относительно антикоррупционной политики государства

Исследование показало, что коррупционные преступления в России за последний год не только не сократились, но даже увеличились. Самой масштабной по распространению является низовая коррупция, проявления которой влияют практически на все сферы жизнедеятельности человека, где взяточничество остается одним из распространенных видов преступлений коррупционной направленности, а взяточником в основном выступает служащий (чиновник) низшего ранга.

Искоренить низовую коррупционную преступность на сегодняшний день не представляется возможным. Для снижения ее показателей целесообразно активизировать механизмы обратной связи государства с населением, институтами гражданского общества, бизнес-сообществами, СМИ посредством установления открытости и прозрачности деятельности органов власти и должностных лиц;

усилить контроль за деятельностью государственных и муниципальных служащих и должностных лиц путем законодательного закрепления механизма негосударственного контроля; обеспечить социальную направленность совершенствования законодательных систем с целью улучшения жизненного уровня граждан.

Список литературы:

1. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150> (дата обращения: 06.02.2017).
2. О состоянии работы по выявлению коррупционных преступлений, следствия и прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией за первое полугодие 2016 года : аналитическая справка // Генеральная прокуратура РФ : официальный сайт. — URL: <http://genproc.gov.ru/anticor/doks/document-1124023/> (дата обращения: 22.02.2017).
3. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 01.02.2016 № 65/11/1. — URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/Perechen_N23_2016.pdf (дата обращения: 06.02.2017).
4. Всемирный экономический форум: рейтинг глобальной конкурентоспособности 2016-2017 // ИАА Центр гуманитарных технологий. — URL: <http://gtmarket.ru/news/2016/09/28/7304> (дата обращения: 21.02.2017).
5. Выборы-2016. Итоги // Interfax. — URL: <http://www.interfax.ru/russia/528903> (дата обращения: 21.02.2017).
6. ЦИК РФ объявил официальные итоги выборов в Госдуму // РБК. — URL: <http://www.rbc.ru/politics/09/12/2011/5703f0389a79477633d3af37> (дата обращения: 21.02.2017).
7. Выборы президента РФ в 2012 году // Выборы президента-2012. — URL: <http://president2012.ru> (дата обращения: 21.02.2017).
8. Компромат // Замполит URL: <http://zampolit.com/dossier/ulyukaev-aleksey-valentinovich/> (дата обращения: 21.02.2017).
9. Росстат: число россиян, живущих за чертой бедности, достигло почти 23 млн человек // Milknews — Новости молочного рынка. — URL: http://milknews.ru/index/Rosstat_chislo_rossijan_zhivushhih_za_chertoj_bednosti_dostiglo_pochti_23 mln_chelovek.html (дата обращения: 22.02.2017).
10. Общественное мнение — 2015. М.: Левада-Центр, 2016. — 308 с. [Электронный ресурс]. — URL: <file:///C:/Users/User/Desktop/эсма/курсовая%203%20курс/рейтинги.pdf> (дата обращения: 28.12.2016).
11. Касьянов, В.С. Формы, факторы и видовые признаки системной коррупции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2013. — № 1.
12. Одобрение деятельности общественных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. — URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (дата обращения: 22.02.2017).
13. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 21.07.2014 № 212-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014, № 30, ч. 1, ст. 4213.
14. «Знак уважения»: как россияне относятся к коррупции // РБК. — URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/24/03/2016/56f271cd9a7947f9c25d740b> (дата обращения: 07.03.2017).
15. Улюкаев: один в поле? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115966> (дата обращения: 7.03.2017).

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н.П. ОГАРЁВА •

Ю.Н. Сушкова,
доктор исторических наук,
декан юридического факультета
Национального исследовательского
Мордовского государственного
университета им. Н.П. Огарёва

Iu.N. Sushkova,
Doctor of historical sciences,
Decan of the Law Faculty of the National
Research Ogarev Mordovia State
University

**Ранние письменные свидетельства
о действии обычного права у мордвы**

Аннотация: в статье анализируются наиболее ранние письменные источники об обычном праве мордвы. Первые сохранившиеся до наших дней письменные источники по мордве, содержащие те или иные сведения, которые представляют интерес для юридической антропологии (этноправоведения), написаны на языках других народов (греческом, латинском, арабском, иранском, русском, итальянском, английском, немецком, голландском, шведском). В числе наиболее ранних письменных свидетельств о применении юридических традиций у мордвы сообщения Юлиана, Г. Рубрука, Я. Рейтенфельса, Н. Витсена, Ф. Страленберга, Истахри, Ибн-Хаукали, И.Т. Посошкова, И.И. Лепехина, П.И. Рычкова, И.-П. Фалька, И.-Г. Георги и др. Документы подтверждают, что на протяжении различных этапов историко-правового развития России роль обычаев в регулировании общественных отношений была весьма существенной.

Ключевые слова: источники, этноправоведение, обычное право, мордовский народ.

**Early written documents about functioning
of the customary law of the Mordvins**

Abstract: the article examines the earliest written sources on customary law of the Mordovians. The first preserved written sources about the Mordvins, containing certain information that are of interest to legal anthropology (ethnic legal studies), written in the languages of other peoples (Greek, Latin, Arabic, Iranian, Russian, Italian, English, German, Dutch, Swedish). Among the earliest written records of the usage of the legal traditions of the Mordvins are the messages of Julian, Rubruk, J. Reichenfels, N. Witsen, Ph. Strahlenberg, Istakhri, Ibn-Haukal, I. T. Pososhkov, I. I. Lepekhin, P. I. Rychkov, I. P. Falk, I. G. Georgi, etc. The documents show that throughout the different stages of historical-legal development of Russia, the role of customs in the regulation of social relations was significant.

Keywords: sources, ethnic legal studies, customary law, Mordvinian people.

Устный способ бытования и трансляции норм обычного права значительно затрудняет сбор фактического материала о них. Многие источники, использованные в данной работе, носят в большей степени косвенный характер, т. е. дают информацию о сущности, историко-правовом контексте, значимости традиционных юридических воззрений мордовского народа опосредованно. Правда, круг их достаточно обширен, поскольку обычно-правовое регулирование касалось всех наиболее значимых сфер жиз-

недеятельности этноса как правоучредителя. Однако при воссоздании компонентов правовых аспектов традиционной культуры того или иного народа важную роль играют письменные источники, документально фиксировавшие практику применения того или иного обычая. Первые сохранившиеся до наших дней письменные источники по мордве, содержащие определенные сведения, которые интересны для юридической антропологии (этно-правоведения), написаны на языках других народов (греческом, арабском, латинском, русском, иранском, английском, итальянском, шведском, немецком, голландском).

В числе наиболее ранних письменных свидетельств о применении юридических традиций у мордвы — сообщение католического миссионера, монаха-доминиканца Юлиана после посещения им «царства Мордвинов» в 1235 г., описавшего существование обычая, согласно которому мордвину запрещалось жениться, не убив человека [1, с. 1002]. В сочинении фламандца Г. Рубрука «Путешествие в восточные страны», относимом к авторитетным источникам в области истории Востока, имеющимся в средневековой западноевропейской литературе, свидетельствуется о гостеприимстве мордвы-мокши (Moxel) и некоторых ее брачно-семейных обычаях. «Если к ним прибудет купец, то тому, у кого он впервые пристанет, надлежит заботиться о нем все время, пока тот пожелает пробыть в их среде», — писал Г. Рубрук [2, с. 110].

Из заметок западноевропейских путешественников XVII в. представляет этноправоведческий интерес статья тосканца Я. Рейтенфельса «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии» (1680 г.), в которой говорится о действии в отношении мордвы и других народов законодательства Российской империи, а также учете их особенностей в правовом регулировании. «Так как царь прилагает всяческое старание к установлению единого языка, то и общераспространенная о Русских поговорка (един царь, едина одежда, едина вера, одни деньги и один язык) в высшей степени, кажется, справедлива». Характеризуя процесс христианизации, автор подчеркивал значение «царского приказа», сыгравшего существенную роль в принятии народом православия [3, с. 121–164].

Юрико-антропологический интерес представляет публикация голландского ученого, бургомистра Амстердама Н. Витсена «Северная и Восточная Татария», опубликованная в Амстердаме (1692 г.). Восточную Европу и Сибирь он считал «Татарией». Правда, эта работа на русский язык полностью до сих пор не переведена. В разделе «Мордвины» Н. Витсен отмечал распространение у мордовского народа особой системы знаков (мет), ставившихся на могилах (могильных срубках), а после крещения — на крестах при погребении умершего, указывавших на его профессию. Данную систему знаков можно считать специфическим «юридическим кодом» мордвы. Но меты в действительности свидетельствовали не о «профессии умершего», а о его родственной принадлежности, считались знаком собственности [4, с. 49–50].

Немалый вклад в исследование народов России внесла работа шведского ученого Филиппа Иоганна фон Страленберга, известного в России под именем Ивана Филипповича Табберта. В своей работе «Северная и восточная часть Европы и Азии» он небезосновательно отмечал сходство

многих обычно-правовых норм у мордвы и ряда других народов Поволжья, а именно — чувашей и черемисов. Он писал, что мокшане, представляющие собой языческий народ России, проживающие между городами Ломовом, Тамбовом и Пензой, «имеют много обычаев, общих с чувашами». Сходство также наблюдается и в области религиозных и брачно-семейных отношений. По наблюдениям автора, мордва подобно черемисам не вешала лошадей на деревья и не употребляла их в пищу, а, как христиане, ела свинину. Они хоронили своих мертвецов «кое-как», женились на одной женщине, но в случае бесплодия были в праве ее прогнать [5, с. 402].

О племени арта или арса (Ersanija), под которым, по мнению известных арабистов, понималась мордва-эрзя, говорится в работах восточных ученых X–XVII вв., в числе которых нам интересны изыскания двух арабских путешественников — Истахри (автора «Книги климатов») и Ибн-Хаукали (автора «Книги путей и государства»). Так, ими описан обычай лишения жизни иностранцев, пересекших границу земли эрзян. По свидетельству путешественников, они хотя и вели торговлю «по воде», но ничего не рассказывали о своих делах и никого не допускали «проводить их и входить в их страну» [6, с. 276].

В то же время отдельные исследователи верили в ложность этих данных, нарочно распространенных булгарами из «своекорыстных видов» [7, с. 19–20]. Тем не менее для древности действительно было характерным весьма враждебное отношение многих народов к иностранцам, отказ в какой-либо юридической защите их, что, возможно, также нашло отражение в правовых традициях и мордвы-эрзи. В трудах арабских авторов зафиксировано наиболее раннее упоминание о юридических обычаях мордвы международного характера, связанных с институтами гражданства, осуществления внешней политики, спецификой общения с иностранцами.

В этноправоведческом плане любопытны труды некоторых отечественных ученых, обзор которых начнем с публикаций выдающегося русского экономиста и публициста И.Т. Посошкова «Завещание отеческое» (1719 г.) и «Книга о скудости и богатстве» (1724 г.). В них сообщаются сведения, касающиеся правового положения инородческих народов Российской империи. Они (инородцы. — Ю. С.) «закона себе никакова не имеют, и живут не в дальнем разстоянии, но внутри нашего Российского государства, по Волге реке и по Каме», — писал И.Т. Посошков [8, с. 129]. Он отмечал конструктивную роль государства в профилактике противоправного поведения среди инородцев, в том числе и мордвы. «Да крестьянам же и мордве указ великого государя сказать, чтобы между собой жили любовно, друг друга ничем не обидели, и лесу бы, кой родится в строение, на дрова отнюдь бы не рубили» [9, с. 75–76].

Весьма полные наблюдения о традиционной правовой культуре мордвы относятся к XVIII в., когда Российской академией наук были организованы крупные экспедиции: Великая северная (Вторая Камчатская) в 1733–1743 гг. и Физическая (Академическая) в 1768 по 1774 гг. В рамках первой экспедиции (под общим руководством Г.-Ф. Миллера и И.-Э. Фишера) стремились познать «суть» каждого из народов, особенности их «дел», «народных», «домашних» и «брачных» обычаев и обрядов [10, с. 460–461]. Составленный Миллером

словарь мордовских языков включал термины, обозначающие не только предметы и явления материальной и духовной культуры, но и общественного, в том числе правового, быта.

Отдельные отряды «Академической» экспедиции (под общим руководством П.-С. Палласа) возглавляли видные ученые — И.И. Лепехин, П.И. Рычков, И.-П. Фальк, И.-Г. Георги. В их трудах содержится множество ценных сведений о юридическом положении мордвы, функционировании отдельных обычно-правовых институтов крестьянской общины, семейном укладе. Более того, ими подмечено, что, к примеру, мокшане, проживавшие «в стране реки Мокши», управлялись собственными князьками или старшинами [11, с. 107–108].

Паллас подчеркивал близость обычаев мокшан и эрзян, склонность их к коммерческой деятельности. «Ныне Мокшанцы очень мало помнят старинные свои обряды и обыкновения, потому что все обращены в христианскую веру, сказывают, что они в том мало разнились от Ерзанцев», «... не пропускают случая, при котором можно получить себе прибыль» [11, с. 107–108, 83–84]. В работах Палласа говорится о брачно-семейных обычаях мордвы, касающихся свадьбы, наречения невесты новым домашним именем, женитьбы малолетних мальчиков на взрослых девицах.

Участником Академической экспедиции был И.И. Лепехин, написавший «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году», в которых он подробно осветил отдельные сюжеты традиционной юридической культуры мордвы (соблюдение эндогамии при выборе супругов, сватовство, похищение невесты, свадьбу, полигинию, левират). Особенно интересна изложенная им модель управления крестьянской общиной [12, с. 140]. И.-П. Фальк писал: «Согласие сих различных жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ниже за другие какие-либо дела, и каждый класс имеет чаще вражду между собою, нежели с другими. В деревнях находится по 10 до 40, а в селах по 100, нередко по 150 дворов» [8, с. 153].

В работе И.-Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» имеется раздел, в котором приведены нормы урегулирования семейных споров, наведения домашнего порядка. Он описал обычаи заключения брака, колыбельного сговора, выкупа невесты. Ученый впервые зафиксировал существование у мордвы обряда расторжения брака как крайнего средства разрешения конфликтов. Анализируя традицию мордвы рожать в бане и там же давать младенцам имена, он впервые привел несколько личных мордовских имен: «Мужеского полу имена суть следующие: Грена, Казай, Беткуб, Чидас и проч., а женского: Лопай, Ракса, Шинду, Ламзурь и прочия» [13, с. 44].

Значимым источником, запечатлевшим традиции общественной жизни и семейного уклада мордвы XVIII в., является «Словарь обитающих в Нижегородской епархии разных народов», составленный по указанию императрицы Екатерины II в 1785 г. в Нижнем Новгороде под руководством епископа Иоанна Дамаскина, отмечавшего, что мордвыны «все равную подать платят, как и россияне, и все дворцового ведомства, а не господские, выключая некоторые селения Терюшевской волости» [8, с. 171].

Информация о традициях этноправосудия представлена в труде профессора Казанского университета К. Фукса «Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 году». Он охарактеризовал некоторые черты ментальности мордвин, связанные с исполнением гражданских обязанностей, соблюдением государственного законодательства. Приводятся свидетельства помещика, намеревавшегося приобрести побольше мордовских земледельцев, которых он считал весьма «прилежными к работе», что могло бы способствовать улучшению благосостояния его хозяйства. «Они (мордвы д. Березовка Казанской губернии. — Ю.С.) всегда трезвы и слепо исполняют приказания. Граф Толстой сказывал мне, что в течение 20 лет, как эта деревня за ним, ни один мордвин не был наказан. Подати они платят всегда исправно, а при недостатке питаются весь год одним черным хлебом с водою, нимало не ропща» [14, с. 102–115].

Помещик И.В. Селиванов (1810–1882), имевший опыт саранского уездного судьи, в своем трехтомном сочинении «Провинциальные воспоминания» (Москва, 1857–1861 гг.) проанализировал многие юридические обычаи разрешения споров. Сделанные им наблюдения легли в основу очерка «Мордва», где он охарактеризовал некоторые эпизоды из жизни мордвы принадлежавшего ему, как помещику, села Малое Маресево бывшего Саранского уезда (ныне Чамзинского района РМ).

И.В. Селиванов не ограничился лишь описанием конкретных событий обычно-правового характера, он сформулировал некоторые выводы о склонности мордвы придерживаться старинных воззрений, в частности, ее консерватизм в соблюдении обычаев и обрядов, приверженность этнической религии. «Не думайте, — восклицал он, — однако, чтобы мордва был народ вполне торговый, подвижной и, следственно, легко усваивающий себе привычки и обычаи всех стран, им посещаемых, — напротив! Нет народа, который бы так твердо держался своих привычек и так неохотно оставлял их. Лет 80 тому назад они были еще идолопоклонниками, и, вследствие этого, несмотря на то, что довольно усердно посещают церковь, сохранили многие обычаи прежнего верования, которые, впрочем, стараются скрыть, ежели заметят, что на это враждебно смотрят имеющие над ними власть» [8, с. 211–212].

И.В. Селиванов отметил совмещение у мордвы принципов общинной организации и частного хозяйствования. Он писал, что, несмотря на обращение к общине при разрешении тех или иных ситуаций («Так решили на миру, мир этого не желает»), каждая семья выступала еще и как самостоятельная единица крестьянского мира, наделенная особым статусом, лишь ей присущим. В качестве примера автор описал безрезультатность своих действий по убеждению мордвы вырыть общий на 5 или 10 дворов колодец, которым бы они пользовались все вместе, аргументируя это тем, что возведение общего колодца могло быть экономически более выгодным для каждой семьи, в то время как содержание отдельного колодца для каждого двора обходилось в сумму не менее 25 рублей. По его словам, всякий непременно хотел иметь свой собственный колодезь и у себя на дворе: бедняки занимали для этого деньги, платили страшный прокат (проценты) для того, чтоб не брать воду с другими из одного колодца [8, с. 223].

Автором описаны приемы иррациональных методов причинения вреда, а также выяснения каких-либо обстоятельств дела. «Вера в ворожей и кол-

довство у мордвы была чрезвычайная... колдун может и испортить и опять отворожить». В разрешении имущественных конфликтов мордве была присуща «страшная патриархальность». «Вместо расписок при отдаче взаймы один другому денег, они брали кусочек деревца, на которых зубами накусано было столько раз, сколько дано сот — и эти жеребейки, когда приходили судиться, приносили в доказательство своего иска, так точно, как мы принесли бы заемное письмо или расписку, нисколько не сомневаясь, что этот жеребеек имеет силу для взыскания. Взявший деньги тоже смотрел на эти жеребейки как на доказательство: ему и в голову не приходила возможность опровергнуть подобный документ» [15, с. 82–83].

И.В. Селиванов свидетельствовал не просто о формах и способах саморегуляции крестьянского мира, но и о достаточно высоком уровне правовой культуры народа. Убедительным примером, подтверждавшим это наблюдение, было взаимодействие крестьян с управляющим помещика, которого они не уважали, считая «безалаберным», поскольку, по их мнению, для него не существовало «никакого закона, кроме собственного произвола». Управляющий часто без причины наказывал мордву — «задавал им жереху». Позже И.В. Селиванов убедился, что мордву «можно вести и без “задавания жерехи”» [8, с. 20–21].

Исследователь отмечал постоянно нараставшее противоборство со стороны рядовых общинников в своем продвижении в крестьянских структурах. Например, старостой деревни был избран состоятельный мужик, который «удалялся от зла и творил благо», «купил себе право жить спокойно, то есть быть в стороне всюду, где надо показать власть». Общинники не находили защиту у старосты и становились «бунтовщиками», отстаивавшими свои интересы. Вместе с тем Селиванов подметил такое качество у мордвы, как отсутствие мщения за нанесенную обиду: «Начальство давно махнуло на них рукой, в глазах всех это были какие-то парни, которых мог обижать всякий безнаказанно, а у них даже и мысли не было искать за обиду». В целях защиты прав своих крестьян, более упорядоченного их самоуправления, Селиванов разработал «конституцию», в которой изложил порядок ведения дел в усадьбе, связанных со сбором крестьянских выплат, разрешения споров, созыва сходов, функции старосты [8, с. 23–30].

С 60-х гг. XIX в. в России стали издаваться епархиальные и губернские ведомости. В Пензенских, Тамбовских, Нижегородских, Самарских и других епархиальных ведомостях (в неофициальной части) печатались статьи и заметки о различных сферах крестьянской жизни по материалам, собранным в основном священнослужителями в своих приходах, а в губернских — общественными и государственными деятелями, краоведами, другими исследователями народного быта. Эти издания служили «складочным местом» концентрации всех материалов для изучения прошлого и настоящего той местности, в которой они издавались. По свидетельству историка и архивиста П.Л. Мартынова в 1896 г., ни один вопрос, какой бы могли предложить государственная администрация или отечествоведение, не должен был оставаться без посильного ответа в губернских ведомостях [16, с. 228].

Весьма подробные фактические данные содержатся в работах К.С. Мильковича, М.М. Гребнева, В.А. Ауновского, Н.П. Орлова,

Н. Федорова, М.М. Попова, М. Бурдукова и др. Так, в Тамбовских епархиальных ведомостях в статье уездного землемера К.С. Мильковича, составлявшего топографическое описание Симбирского наместничества (1783), приведены некоторые оригинальные сведения относительно традиционных способов народного разбирательства. В качестве важной черты принятия решений у мордвы автор считает склонность к широкому обсуждению того или иного вопроса. «Но в делах своих медлительны и нерешимы, и как они имеют привычку о самой малости, прежде нежели приступают к делу, толковать и советовать немалое время», — пишет он. В качестве способа примирения мордвы обращались как к умершим предкам, которые, разобравшись в сути конфликта, должны были наказать виновного, так и к сельским старейшинам, называвшимся *Ате-Покиштей* (от эрз. *атя* — старик, старейший, *покиш* — большой), которые выступали хранителями наследия предков, осуществляли религиозно-магическую связь между существующим и потусторонним мирами [17, с. 825].

В Санкт-Петербургских ведомостях (1834) была опубликована статья М.М. Попова «Селиксенские мордвы», в которой одним из сюжетов являются проводы в рекруты, обязательно сопровождавшиеся семейным молением. «Собравшись у ворот дома, поставив образ и затеплив свечку, они просят: “Господи Никола милостивый! Даруй, чтобы у нас никогда не было рекрутских сборов; побори врагов Государю. Когда он возьмет силу, то отпустит детей наших, или хотя не отпустит, да им будет легче”». Так молятся они до тех пор, пока горит свечка. Потом расходятся со слезами на глазах, утешенные и в твердой вере, что придет время, когда не будет ни врагов у Государя, ни рекрутских наборов». Помимо данной обязанности, мордвы добросовестно исполняли иные «казенные повинности». Автором подчеркивается, что ни случаев разбойного нападения, ни воровства в селах не было. Конфликты в семье не прекращали дружеских отношений между домашними. Правда, символом порядка между супругами считался кнут, который, хоть и обычно не применяли, но держали на видном месте [18, с. 188–193].

В своих «Заметках о мордве села Шенталы Бугульминского уезда», опубликованных в Самарских губернских ведомостях (1863), Н. Федоров отмечал, что принятые на сходах решения являлись для общинников обязательными, даже в случаях противоречия официальному законодательству. По общественным делам мордва в праздничные и воскресные дни организует мирские сходы, состоявшие из глав семейств — стариков. Все принятые на сходках решения исполнялись точно и беспрекословно. Бывало, что они не совсем соответствовали официальному законодательству, но, несмотря на это, исполнялись как «законные». Молодые мордвы не всегда одобряли решения сходов мирских, но исполняли их как «священные для себя обязанности». Так де решили старики на мирской сходке — спорить не станешь». Федоров сообщил один из вариантов народного поверья о царе Тюштыне, народном избраннике мордвы [19, с. 204].

М.М. Гребнев в историко-этнографическом очерке «Мордва Самарской губернии» (1886–1887) достаточно подробно осветил юридические традиции организации семейного порядка, управления семейным капиталом, разрешения споров, права и обязанности каждого члена семьи. Он отметил, что

жизнь мордвы выстраивалась в основном на патриархально-семейных началах. Во главе семьи стоял ее старший член, иногда по отношению к детям дед или прадед. Ему принадлежали права распределять работы мужчинам и женщинам, заведовать семейным имуществом, совершать сделки и заключать договоры от имени семьи со всеми посторонними людьми и учреждениями. Старший член семьи играл решающую роль при разделе. Принимаемое решение считалось законом, даже в случае недовольства других [20, с. 207].

М. Бурдуков писал об авторитете старшего члена семьи у мордвы Уфимской губернии. Например, в деревне Кожай-Андреево семью Семеновых, состоявшую из тридцати двух человек, возглавлял Семен. Будучи стариком 80 лет, он крепко «держал бразды семейного правления». У Семена было три сына: Карп, Давид и Алексей, имевшие женатых сыновей, у которых были свои дети. «Замечателен авторитет Семена в семье. Не говоря о младших членах семьи, даже Карп — сам уже дедушка, имеющий около 60 лет, не выходит из послушания отца, не смеет без воли Семена и гривенника издержать по своему желанию». Другой пример, приведенный автором, — мордовская купеческая семья Голубевых из г. Верхнеуральска Оренбургской губернии, обязанности членов которой распределялись следующим образом: старший брат считался распорядителем и одновременно был старостой при купеческой церкви, второй заведовал торговлей в городе, а третий управлял торговлей в уезде. Капитал у братьев был общим [21, с. 217].

Таким образом, в изучении обычного права мордвы сохранился комплекс оригинальных свидетельств, документально подтверждавших бытование тех или иных правовых традиций. Приведенные данные позволяют утверждать, что на протяжении различных этапов историко-правового развития России роль обычаев в регулировании общественных отношений была весьма существенной. Письменные свидетельства дают основание не соглашаться с имеющим место мнением о второстепенном значении обычно-правовых норм, а напротив, констатировать об их колоссальном потенциале для разработки более эффективного государственного законодательства и механизмов его реализации.

Список литературы:

1. Юлиан. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. — Одесса, 1863. — С. 999–1002.
2. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. — М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. — 272 с.
3. Рейтенфельс, Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии / Я. Рейтенфельс. — М., 1905. — С. 121–164.
4. Мокшин, Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников / Н.Ф. Мокшин. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. — 240 с.
5. Strahlenberg Philipp Johann von. Das nord — und ostliche Theil von Europa und Asia / Ph. Strahlenberg. — Stockholm, 1730. — 454 s.
6. Frähn, Ch. M. Ibn Fozzlan's und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit / Ch. M. Frähn. — St. Petersburg: Buchdruckerei der Akademie, 1823. — 281 s.
7. Дербенева, А.М. Этнонимические сведения об эрзе и мокше в работах восточных авторов X–XIV вв. // Ономастика Поволжья. — Вып. 4. — Саранск, 1976. — С. 17–20.
8. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. — Саранск: МНИИЯЛИ, 1940. — 435 с.

9. Посошков, И.Т. Книга о скудости и о богатстве / И.Т. Посошков. — М.: ИД «Экономическая газета», 2011. — 424 с.
10. Миллер, Г.-Ф. История Сибири / Г.-Ф. Миллер. — Т. 1. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. — 664 с.
11. Паллас, П.-С. Путешествия по разным провинциям Российской империи / П.-С. Паллас. Ч. 1. — СПб.: Императорская академия наук, 1773. — 786 с.
12. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. — Ч. 1. — СПб.: Императорская академия наук, 1771. — 562 с.
13. Георги, И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: пер. с нем. / И.-Г. Георги. — Ч. 1. — СПб.: Императорская академия наук, 1799. — 146 с.
14. Фукс, К. Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 году // Журнал Министерства внутренних дел. — 1839. — № 10. — Ч. 34.
15. Селиванов, И.В. Мордва // Журнал земледельца. — 1858. — № 8; 11.
16. Мартынов, П.Л. Симбирск // Сборник исторических сведений / ред.-сост. В.А. Гуркин. Сер.: Симбирск: прошлое и настоящее. Вып. 1. — Ульяновск: УлГТУ, Центр «Генезис», 2008. — 480 с.
17. Милькович, К. Топографическое описание Симбирского наместничества // Тамбовские епархиальные ведомости. Ч. неоф. — 1905. — 1 янв. — № 18.
18. Попов, М.М. Селиксенские мордвы // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре: труды ГУ НИИ ГН. — 2005. — № 4. — С. 185–196.
19. Федоров, Н. Заметки о мордве села Шенталы Бугульминского уезда // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре: труды ГУ НИИ ГН. — 2005. — № 4. — С. 203–206.
20. Гребнев, М.М. Мордва Самарской губернии. Историко-этнографический очерк // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре: труды ГУ НИИ ГН. — 2005. — № 4. — С. 206–208.
21. Бурдуков, М. Мордва. Этнографический очерк // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре: труды ГУ НИИ ГН. — 2005. — № 4. — С. 216–220.

Н.И. Уздимаева,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права
Национального исследовательского
Мордовского государственного
университета им. Н.П. Огарёва

N.I. Uzdimaeva,
Candidate of Law, Associate Professor,
Chair of theory and history of state and
law of the Faculty of Law National
Research Ogarev Mordovia State
University
nuzdimaeva@mail.ru

**Инновационные учебные курсы в
образовательных программах
магистратуры по юриспруденции
(на примере курса «Правовая самозащита:
российские и международные стандарты»)**

Аннотация: актуальность статьи обусловлена необходимостью включения в образовательные программы магистратуры по юриспруденции инновационных учебных курсов, позволяющих готовить юристов, способных инициативно и творчески мыслить и действовать в сфере своих профессио-

нальных интересов. Цель статьи — обосновать возможность и необходимость внедрения в данные программы учебного курса «Правовая самозащита: российские и международные стандарты», уникального своей универсальностью как для каждого юриста независимо от профиля подготовки и деятельности, так и для любого гражданина. Реализация данной цели и вытекающих из нее задач была достигнута путем использования общенаучных и частных методов и приемов научного познания: диалектико-материалистического, исторического, логического, формально-юридического, сравнительного, структурно-функционального и др. В статье предлагаются формулировки цели и задач изучения данного курса, его примерная структура, приводятся возможные образовательные технологии и оценочные средства. Автор считает, что комплексное изучение проблем правовой самозащиты в магистерских программах по юриспруденции позволит нацелить будущих юристов на использование ресурсов самозащиты в собственной профессиональной деятельности, а также использовать ее для повышения уровня и качества правовой активности всех членов нашего общества, что приведет в конечном итоге к повышению эффективности правозащитных средств правовой политики.

Ключевые слова: правовая самозащита, учебный курс, цель и задачи обучения, результаты обучения, средства обучения, образовательные программы магистратуры по юриспруденции.

Innovative training courses in the educational programs of the master's program in jurisprudence (on the example of the course "Legal self-defense: Russian and international standards")

Abstract: the relevance of the article due to the necessity of inclusion in the education program in law of innovative training courses to prepare lawyers, proactive and able to think creatively and to act in the field of their professional interests. The purpose of the article is to justify the possibility and necessity to introduce into these programmes training course on «Legal self- defense: Russian and international standards», unique for its versatility as for every lawyer, regardless of specialization and activities, and for any citizen. The implementation of this goal and related objectives were achieved through the use of general scientific and specific methods and techniques of scientific knowledge, the dialectical materialist, historical, logical, formal legal, comparative, structural-functional, etc. the paper concludes with the formulation of goals and objectives of this course, his exemplary structure, the possible educational technologies and assessment tools. The author believes that a comprehensive study of the problems of legal self-defense in master's programmes in law will allow us to target future lawyers on the use of resources self-protection in their own professional activities and to use it to enhance the level and quality of legal activity of all members of our society that will ultimately lead to improving the effectiveness of human rights legal policy.

Keywords: legal self-defense, the training course goal and learning objectives, learning outcomes, learning tools, educational graduate programs in law.

Прогрессивное развитие современного общества, как известно, не обошло стороной и образовательный процесс в сфере юриспруденции. Новации в этой сфере требуют корректировки и правового регулирования, которое, по словам А.В. Малько и А.П. Мазуренко, «развивается невиданными темпами» [1, с. 31]. Основная задача высшего юридического образования сегодня — приблизить его (это образование) к юридической практике, используя при этом новейшие информационные технологии. Как итог, появляются новые магистерские программы и новые магистерские курсы по юриспруденции (о тенденциях развития высшего юридического образования см., в частности, работу Е.В. Тереховой [2, с. 23]). Именно в магистратуре по причине ее максимальной приближенности непосредственно к профессиональной деятельности юриста появляются специфические дисциплины, позволяющие формировать у него уникальные знания, навыки и компетенции. Одной из

таких дисциплин, на наш взгляд, является сегодня дисциплина «Правовая самозащита: российские и международные стандарты».

Правовая самозащита вообще представляет собой совокупность разрешаемых (признаваемых) государством правомерных деяний граждан по защите прав, свобод, обязанностей, совершаемых в связи с пресечением собственными усилиями правонарушений и для обеспечения нормальной жизнедеятельности, допускающих причинение правонарушителю соразмерного (адекватного) характеру нарушенных прав, свобод и интересов вреда.

Факторы, вызывающие необходимость использования мер правовой самозащиты, чрезвычайно многообразны (рост преступности, правовой нигилизм, низкий уровень правосознания населения и т. д.). Содержание самозащиты составляют определенные самозащитные действия лица, направленные против угроз нарушения прав субъекта, на пресечение нарушения прав и восстановление нарушенных прав (конкретные способы самозащиты). Российское законодательство не содержит исчерпывающего перечня таких действий, поскольку они чрезвычайно многоплановы, могут иметь не только юридический, но и фактический характер. Во избежание неадекватного использования правовой самозащиты (злоупотребления ею, отказа от использования и т. п.) необходимо четко формулировать ее юридические параметры.

Однако правовая самозащита регламентируется законодательными актами федерального уровня фрагментарно, непоследовательно, что не позволяет использовать возможности права на самозащиту, его активный потенциал даже минимально. Исследованиям в этой области не более 10 лет. Мало кто даже из практикующих юристов может дать однозначный и утвердительный ответ относительно характеристики самой конструкции правовой самозащиты.

Если правовую самозащиту не изучать, она так и будет оставаться для большинства «призрачной», никчемной конструкцией, хотя в ней заложен несомненный регулятивный и правообеспечительный потенциал. Реализация этого потенциала возможна только при условии надлежащего структурирования комплексного института правовой самозащиты, его четкого нормативного формулирования и закрепления. Здесь необходимо правильно выбрать «траекторию» решения поставленной задачи.

Потребность в пропагандировании идей самозащиты существует уже давно. Обновлено все законодательство, а законодательных актов о самозащите так и не создали. Научно-технический прогресс идет вперед, а мы — юристы, к сожалению, за ним не успеваем, не знаем, как защитить себя самостоятельно, ждем помощи от публичной власти. Но нужно действовать — учиться самим и учить студентов. Они — креативные и мыслящие, наша опора. Их молодость и энергичность может быть направлена в позитивное русло. Нужны новые законодательные стратегии и технологии, в обсуждении и апробации которых они могут принять активное участие. Целесообразно продвигать инновационные юридические технологии в сфере правовой самозащиты сначала на единичном уровне и придать им в последующем универсальный характер.

Внедрение в учебный процесс в рамках магистерских программ по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» учебного курса «Правовая самозащита: российские и международные стандарты» полностью соответствует

образовательной политике в области юриспруденции, нацеленной на повышение интеллектуального и социокультурного развития России, что выражается в последовательной реализации российскими юридическими вузами (факультетами, институтами) образовательных программ, обеспечивающих подготовку высококвалифицированных юристов и укрепление связей «образование-практика». Нами уже разработана программа курса «Правовая самозащита: российские и международные стандарты» [3]. В настоящее время курс преподается на базе Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва. При преподавании дисциплины в вузе, конечно, возможны ее корректировка и дополнение (в четырех магистерских программах: «Теория и история государства и права, история правовых учений»; «Конституционно-правовое регулирование публичной власти»; «Юридическое сопровождение бизнеса»; «Уголовное право и процесс»).

Целями освоения учебной дисциплины «Правовая самозащита: российские и международные стандарты» является изучение студентами теории и практики правовой самозащиты в России и в мире. Основные задачи курса: а) формирование, развитие и закрепление у обучаемых знаний о категории «правовая самозащита» как особом элементе механизма защиты прав и свобод личности в Российском государстве; б) усвоение аксиологических характеристик правовой самозащиты; в) уяснение обучаемыми юридических признаков, условий и порядка осуществления правовой самозащиты в современном обществе; г) приобретение навыков юридической квалификации правовой самозащиты и ее фактического использования.

Предлагаемый к внедрению учебный курс уникален своей универсальностью. Его изучение необходимо не только для юристов, но и для рядовых граждан. Мы солидарны с М.Ю. Гараниным, утверждающим, что для того «чтобы идея самозащиты превратилась в устойчивый стереотип общественного сознания, к ее восприятию необходима подготовка уже в школьном возрасте... т. к. подготовленность к самозащите является условием социального становления и существования человека» [4]. Отсутствие необходимой теоретической базы в этом вопросе является причиной последующей правовой безграмотности населения в данных вопросах, а также отказа самих юристов от использования ресурса самозащитных средств.

Аналогичный учебный курс «Самозащита прав человека» предусмотрен как составная часть магистерской программы «Правозащитная деятельность в образовательной сфере» по направлению 40.04.01 Юриспруденция в РГПУ им. А.И. Герцена. Ни в одной другой из 50 образовательных магистерских программ 15 ведущих российских вузов, проанализированных нами, данный курс как обязательный или вариативный элемент учебного плана не предусмотрен. Отдельные вопросы правовой самозащиты включены в качестве блока или модуля при изучении образовательных дисциплин по отраслевым учебным курсам типа «Гражданско-правовые способы защиты», «Защита трудовых прав» и т. п. Однако в них конкретным проблемам самозащиты уделено крайне мало внимания. Соответствующие курсы ориентированы исключительно на анализ теории самозащиты, лишены функционально-прикладной составляющей.

Преподавание курса по правовой самозащите напрямую связано с созданием соответствующей теоретической основы путем проведения комплекса научных исследований по проблеме, результаты которых отражены в учебниках и учебных пособиях. Над созданием такого пособия мы работаем в настоящий момент.

В качестве базовых разделов (модулей) курса «Правовая самозащита: российские и международные стандарты» предлагаем следующие: 1) механизм защиты субъективных прав личности в Российской Федерации; 2) самозащита как разновидность защиты; 3) история правовой самозащиты и методология ее исследования; 4) субъективное право на самозащиту; 5) правовая самозащита как комплексный правовой институт в системе российского права; 6) техника правового регулирования и реализации норм о самозащите в Российской Федерации; 7) средства и способы правовой самозащиты в российском праве; 8) отношения правовой самозащиты: теория и практика; 9) институты гражданского общества в реализации права на самозащиту; 10) международные стандарты правовой самозащиты; 11) законодательное проектирование в сфере самозащиты.

На наш взгляд, именно такая структура курса позволит сделать акцент на категориальном статусе самозащиты, выявить ее место в правовой системе и в правозащитном механизме. Проведение исторического экскурса в историю самозащиты нацелено на поиск оптимальных вариантов самозащиты, выбор тех из них, которые с течением времени подтвердили свою практическую значимость и эффективность. Конкретизированные знания о структуре субъективного права на самозащиту могут быть использованы как основа самозащитного поведения в любой узкоотраслевой сфере правового регулирования. При этом схожесть соответствующих возможностей в любой отрасли права позволяет характеризовать самозащиту и как особый комплексный институт, отдельные элементы которого подвергнуты сегодня юридическому опосредованию.

С целью выявления уже имеющихся и апробации новых механизмов самозащиты студентам предлагается изучить специфику юридико-технических особенностей правового регулирования и реализации норм о самозащите в Российской Федерации, в том числе на примере конкретных средств и способов правовой самозащиты в российском и международном праве. Динамические параметры самозащиты могут быть изучены сквозь призму теоретико-практического анализа правоотношений по самозащите, в том числе и тех, в которых самозащита осуществляется не только отдельными гражданами, но и с привлечением ресурсов гражданского общества. Анализ международных стандартов самозащиты позволит соотнести их с внутригосударственными, поразмышлять над тем, как можно инкорпорировать в российскую правовую систему позитивный зарубежный опыт. Студенты могут попробовать себя в роли законодателя при конструировании в рамках последнего модуля курса проекта закона «Об основах правовой самозащиты в Российской Федерации».

В работе со студентами предполагается использовать традиционные методики обучения (устное изложение теоретической части курса, конспектирование ключевых вопросов и тем, работа с учебным текстом, словарями, справочными правовыми системами, энциклопедическими материалами, первоисточниками,

материалами юридической практики и т. д.) и новаторские подходы (проблемные дискуссии, деловые и ролевые-игры, онлайн-тестирования, групповые и индивидуальные творческие задания, тренинги). Особый акцент будет сделан на умение «поставить себя на место (ученого-юриста, законодателя, судьи, прокурора, нотариуса и т. д.)». Это возможно в рамках проведения в процессе изучения деловой игры по вопросам субъективного права на самозащиту и дискуссионного круглого стола по теме «Институты гражданского общества в реализации права на самозащиту». Игра может проводиться как модельный судебный процесс, в котором обсуждаются проблемы использования самозащиты по нормам Гражданского кодекса РФ, Семейного кодекса РФ, Трудового кодекса РФ, Уголовного кодекса РФ и пр. На круглом столе можно провести дискуссию по поводу того, спасает ли семья от угроз личной безопасности, помогают ли СМИ пропаганде и реализации правовой самозащиты, всегда ли легальны механизмы правовой самозащиты и пр.

На семинарских занятиях также обязательно должны решаться и даже составляться самими студентами задачи репродуктивного, реконструктивно-го и творческого уровней, которые позволяют оценивать и диагностировать: 1) знание учебного материала и умение правильно использовать юридическую терминологию, анализировать нормы права и практику в сфере самозащиты; 2) умение студента анализировать, синтезировать и обобщать фактический и теоретический материал по правовой самозащите, устанавливать причинно-следственные связи, формулировать конкретные выводы; 3) умение студента интегрировать теоретические и практические знания различных отраслей права, вносить предложения по совершенствованию законодательства и юридической практики в сфере самозащиты, аргументировать собственное мнение.

Работа со студентами в рамках изучения курса «Правовая самозащита: российские и международные стандарты» предполагает их замотивированность в результате познания. Поскольку предшествующие их познания в соответствующей сфере, как правило, незначительны, много сил придется приложить к формированию у студентов соответствующих базовых знаний на обзорных лекциях по предмету.

Кроме того, необходимо дать возможность студентам применять полученные знания. Например, при изучении развития идей о правовой самозащите можно не только предоставить им информацию о состоянии ее осмысления в конкретный период времени, но и предложить дополнить имеющуюся информацию иллюстративными материалами (привести мнения других мыслителей данной эпохи о сути самозащиты, проанализировать законодательство соответствующей эпохи на предмет наличия в нем норм о самозащите, решить задачи на основе действующего в тот период законодательства, составить новые, выявить общие закономерности и пр.).

Студенты должны обучаться, прежде всего, с помощью интерактивных методов — выполнять как индивидуальные, так и групповые задания, искать проблемные зоны и преодолевать их, отчитываться о выполнении — докладами, рефератами, проектами статей закона, новыми авторскими формулировками, сочинениями и эссе, таблицами сопоставимости «цель — идея — средство — результат». При продуктивном решении студентами

образовательных задач им можно поручить написание научных статей. Наиболее успешных студентов можно привлечь для чтения лекций по правовой самозащите у студентов-бакалавров и школьников.

В результате изучения дисциплины студент должен знать: основные понятия и категории правовой самозащиты и права на самозащиту; категориальный статус самозащиты как формы защиты права, самостоятельного субъективного права, способа проявления правовой активности и пр.; основные средства, приемы и способы правовой самозащиты; теоретические и практические подходы к ее изучению; требования к форме и стилю юридических актов, отражающих нормативную регламентацию правовой самозащиты и порядок ее использования; механизм использования самозащиты; проблемы и тенденции развития российского законодательства и юридической практики в сфере самозащиты; правовые и нравственно-этические нормы в сфере профессиональной деятельности, связанной с пропагандированием и использованием правовой самозащиты; законодательные технологии в области самозащиты.

Он также должен будет уметь: анализировать тенденции развития права, находить и использовать необходимую информацию для решения будущих профессиональных задач; выявлять сущность и значение изученных правовых явлений; сопоставлять теоретические знания с реальной сложившейся юридической практикой; анализировать существующие проблемы юридической деятельности, а также пути их преодоления; прогнозировать развитие практической ситуации и находить соответствующие этому средства правового реагирования.

В результате магистр должен научиться владеть понятийным аппаратом дисциплины; методикой решения профессиональных задач; навыками работы с правовыми актами; опытом оценки теоретических знаний, самооценки и самоконтроля в процессе работы.

В заключение хотелось бы отметить, что данный курс может преподаваться как студентам магистратуры, уже имеющим профильное юридическое образование, так и не имеющим его, хотя это и вызывает определенные трудности дидактического характера [5, с. 34]. Дисциплина важна для всех, тем более что магистерские программы и предусмотренные в них учебные дисциплины, в рамках которых предполагается изучение механизмов защиты прав личности, всегда вызывают повышенный интерес у выпускников бакалавриата [6, с. 284].

Список литературы:

1. Малько, А.В. Правотворческая политика и проблемы оптимизации правотворчества в России / А.В. Малько, А.П. Мазуренко // Юридическая мысль. — 2011. — № 4. — С. 31–46.
2. Терехова, Е.В. Об организации преподавания инвестиционно-правовых дисциплин: опыт и направления совершенствования // Вопросы экономики и права. — 2015. — № 83. — С. 23–28.
3. Уздимаева, Н.И. Правовая самозащита: российские и международные стандарты: рабочая программа для студентов магистратуры по направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция» / Н. И. Уздимаева. — Саранск: ЮрЭксПрактик, 2016. — 76 с.
4. Гаранин, М.Ю. Самозащита в современном обществе / М.Ю. Гаранин. — М.: Гаудеамус : Академический проект, 2008. — 141 с.

5. Дадаян, Е.В. К вопросу о подготовке в магистратуре лиц, не имеющих базового юридического образования / Е.В. Дадаян, А.Н. Сторожева // Успехи современной науки. — 2016. — Т. 1, № 3. — С. 33–36.

6. Белоконь, Г.Г. О реализации образовательных программ бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки «Юриспруденция» при переходе на новые образовательные стандарты // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. — 2016. — № 2. — С. 283–290.

Н.Р. Крысина,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
Национального исследовательского
Мордовского государственного
университета им. Н.П. Огарёва

N.R. Kryšina,
PhD in law, associate professor The
Chair of Criminal Procedure, Justice
and Prosecutorial supervision National
Research Ogarev Mordovia State
University
natalya.mukhudinova@yandex.ru

Конституционный принцип обеспечения права на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном судопроизводстве

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью обеспечения конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном судопроизводстве. Цель статьи — проанализировать реализацию положений Конституции РФ, гарантирующих данное право (ст. 48), в сфере уголовного судопроизводства. Применялись методы научного исследования: диалектический, логический, исторический, анализа, синтеза, формально-юридический, сравнительно-правовой. Автор делает вывод о необходимости закрепления в качестве принципа российского уголовного судопроизводства обеспечение конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, предлагает редакцию соответствующей статьи гл. 2 УПК РФ. Обосновывается необходимость расширения гарантий бесплатной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства. Анализ законодательства стран СНГ позволил выявить и проанализировать сложившиеся в настоящее время тенденции законодательного закрепления принципа обеспечения права на юридическую помощь в уголовном процессе.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, принцип, уголовное судопроизводство, гарантия.

The constitutional principle of ensuring the right to qualified legal advice in the Russian criminal legal proceedings

91

Abstract: the relevance of the article is caused by the importance of ensuring the constitutional right of everyone to qualified legal advice in the Russian legal procedure. The purpose of the article is to review the implementation of the provisions of the Constitution, guaranteeing this right (art. 48) in criminal legal procedure. The author used such methods of scientific research as dialectical, logical, historical, analysis, synthesis, formal and legal, comparative and legal. The author concludes the need to consolidate as a principle of the Russian criminal legal procedure to ensure the constitutional right to qualified legal advice and offers the amendment of the corresponding article of Chapter 2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author proves the necessity of expanding the guarantees of free legal advice to participants of criminal legal procedure. The analysis of CIS countries legislation has allowed to identify and to analyze existing in the current trend of legislative consolidation of a principle of the right to legal advice in criminal legal procedure.

Keywords: qualified legal advice, principle, criminal legal proceedings, guarantee.

Статья 48 Конституции РФ закрепляет право на получение квалифицированной юридической помощи:

«1. Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

2. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Право на юридическую помощь сформировалось и получило нормативное закрепление в международном и национальном законодательстве во второй половине XX в., и до сих пор продолжается его развитие, уточнение сути и содержания, создание механизма его обеспечения. Право на юридическую помощь относится к правам, обеспечивающим защиту других прав и свобод личности, т. е. правам-гарантиям. Данное конституционное право имеет большое значение в сфере уголовного судопроизводства, являясь гарантией обеспечения прав, свобод и законных интересов личности при производстве по уголовному делу.

Конституционная норма, закрепляющая право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), имеет прямое действие и непосредственно регулирует общественные отношения, в том числе уголовно-процессуальные, независимо от того, существуют или нет законодательные акты, конкретизирующие ее и определяющие механизм, гарантии обеспечения права. Однако базовый, общий характер конституционных норм, закрепляющих самые важные, принципиальные положения, предполагает их дальнейшую конкретизацию в отраслевом законодательстве (в частности уголовно-процессуальном) с учетом специфики регулируемых общественных отношений. Переход конституционных положений в отраслевые осуществляется по общему правилу, поэтапно: конституционная норма — норма-принцип (отраслевой) — отраслевые нормы. Большинство наиболее важных конституционных положений опосредованы в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее — УПК РФ) в качестве принципов уголовного судопроизводства. Последние выступают как основные, исходные положения (начала), которые определяют характер и содержание остальных уголовно-процессуальных норм. При возникновении неясности в отношении содержания той или иной нормы УПК РФ она должна толковаться в соответствии со значением, придаваемым ей нормой-принципом.

По нашему мнению, обеспечение конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи необходимо закрепить в качестве принципа уголовного судопроизводства, дополнив гл. 2 УПК РФ соответствующей статьей. На необходимость предусмотреть в УПК РФ принцип обеспечения права на юридическую помощь обращается внимание в научной литературе [1]. Подобный принцип закрепляет уголовно-процессуальное законодательство ряда зарубежных стран. Например, Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств, одобренный 17.02.1996 в качестве рекомендательного законодательного акта, закрепляет принцип обеспечения права на юридическую помощь (ст. 15) [2]. Данный

принцип воспринят УПК Республики Казахстан (ст. 27 «Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь») [3], УПК Азербайджанской Республики (ст. 19 «Обеспечение права на получение юридической помощи и на защиту») [4]. Однако большинство стран — участников СНГ, в том числе Россия, не предусматривают самостоятельный принцип обеспечения права на юридическую помощь, упоминая об этом праве только применительно к подозреваемому, обвиняемому в рамках принципа обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту. Речь идет о праве подозреваемого, обвиняемого осуществлять защиту с помощью защитника, который оказывает юридическую помощь данным участникам уголовного судопроизводства. Такой подход отражает существующую тенденцию закрепления права на юридическую помощь в Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и свободах человека 1995 г.: «... Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, как минимум, следующие права: ...защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или иметь назначенного ему защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют, а также пользоваться в случаях, определенных национальным законодательством, бесплатной помощью адвоката» (п. «в» ч. 2 ст. 6) [5]. Указанная тенденция ранее реализована в ключевых международно-правовых актах о правах человека: Международном пакте «О гражданских и политических правах» 1966 г. (ч. 3 ст. 14) [6], Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (п. «с» ч. 3 ст. 6) [7] и др. Следует отметить, что обеспечение права подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи не следует отождествлять с обеспечением права подозреваемого, обвиняемого на защиту. Право на квалифицированную юридическую помощь и право на защиту — два важнейших конституционных права личности, два общеправовых принципа, которые конкретизируются в отраслевом законодательстве, в частности, в уголовно-процессуальном. При этом право на получение квалифицированной юридической помощи является средством (гарантией) обеспечения права подозреваемого, обвиняемого на защиту. И поскольку право на защиту от нарушения прав и свобод принадлежит всем участникам общественных отношений, в том числе уголовно-процессуальных (а не только подозреваемому, обвиняемому), соответственно, юридическая помощь применяется в целях защиты прав, свобод и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства (является гарантией обеспечения прав и свобод).

Конституция РФ, закрепляя право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в ч. 2 ст. 48 конкретизирует данное право применительно к сфере уголовно-процессуальных отношений — гарантируя право на квалифицированную юридическую помощь таким субъектам уголовного судопроизводства, как задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления. Конкретизация права указанных субъектов на квалифицированную юридическую помощь обусловлена их правовым статусом и не предполагает умаления, ограничения права других участников уголовного судопроизводства на получение квалифицированной юридической помощи. В современном уголовном процессе круг участников уголовного судопроизводства, имеющих право на юридическую помощь,

уже не ограничивается только подозреваемым, обвиняемым, а также потерпевшим. Так, УПК РФ предусматривает право на помощь адвоката таких участников, как свидетель (п. 6 ч. 4 ст. 56), лицо, в помещении которого производится обыск (ч. 1 ст. 182), лицо, участвующее в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении (ч. 1.1 ст. 144). В связи с этим ключевым отличительным положением принципа обеспечения права на юридическую помощь, закрепленного Модельным УПК и воспринятого УПК некоторых государств — участников СНГ, является гарантирование права на юридическую помощь каждому:

— «каждый имеет право на обращение в ходе уголовного судопроизводства за квалифицированной юридической помощью в соответствии с положениями настоящего Кодекса» (ч. 1 ст. 15 Модельного УПК для государств — участников СНГ);

— «каждый имеет право на получение в ходе уголовного процесса квалифицированной юридической помощи в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 27 УПК Республики Казахстан).

Конституция РФ, закрепляя право на квалифицированную юридическую помощь (ч. 1 ст. 48), также гарантирует данное право каждому в соответствии с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом (ст. 19). Термин «каждый», используемый при закреплении прав и свобод, предполагает принадлежность права всем участникам общественных отношений: человеку (независимо от гражданства и других обстоятельств), юридическому лицу. Наиболее выраженным является обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи независимо от гражданства, возраста, состояния здоровья, имущественного положения, места жительства.

Модельный УПК для государств — участников СНГ, раскрывая принцип обеспечения права на юридическую помощь, устанавливает широкие гарантии данного права, которые пока не восприняты подавляющим большинством государств — участников СНГ. Так, Модельный УПК рекомендует государствам в определенных случаях гарантировать бесплатную юридическую помощь не только подозреваемому, обвиняемому, частному обвинителю, но и другим участникам уголовного процесса: «...6. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается подозреваемому и обвиняемому, а также частному обвинителю бесплатно для них полностью или частично. Орган, ведущий уголовный процесс, вправе освободить подозреваемого и обвиняемого, частного обвинителя и других лиц от оплаты юридической помощи. В указанных случаях расходы по оказанию юридической помощи лицам, участвующим в уголовном судопроизводстве, относятся на счет бюджета независимого государства».

В российском уголовном процессе бесплатная юридическая помощь адвоката традиционно гарантирована подозреваемому, обвиняемому, а также, в отдельном случае (ч. 2.1. ст. 45 УПК РФ) — потерпевшему. Полагаем необходимым расширить гарантии получения бесплатной юридической помощи участниками российского уголовного судопроизводства. Предлагаем рассматривать в качестве универсальных оснований оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве: несовершеннолетний возраст участника уголовного судопроизводства; невладение участником уголовного судопроизводства

языком уголовного судопроизводства; наличие физических, психических недостатков, препятствующих самостоятельному обеспечению участником уголовного судопроизводства прав и законных интересов, а также гарантировать в этих случаях участникам уголовного судопроизводства (в том числе потерпевшему, свидетелю) бесплатную юридическую помощь адвоката, с оплатой его труда за счет средств федерального бюджета. В частности, предлагаем расширить предусмотренные УПК РФ (ч. 2 ст. 45) основания обязательного участия представителя потерпевшего следующим образом: «если потерпевший ходатайствует об участии представителя; если потерпевший не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу» и предусмотреть, что в случаях обязательного участия адвоката в качестве представителя потерпевшего расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета.

Полагаем, что норма УПК РФ, закрепляющая принцип обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь, может быть изложена в следующей редакции:

«Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь

1. Каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи при производстве по уголовному делу.

2. В случаях, предусмотренных законом, квалифицированная юридическая помощь оказывается бесплатно.

3. Суд, прокурор, следователь и дознаватель обязаны разъяснять участникам уголовного судопроизводства право на получение квалифицированной юридической помощи и обеспечивать возможность осуществления этого права».

Под принципом уголовного судопроизводства понимается объективно обусловленное, нормативно закрепленное качественно определенное, основное начало уголовно-процессуальной деятельности. Анализируемая категория «обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь» обладает указанными признаками, что позволяет рассматривать ее в качестве принципа уголовного судопроизводства. Включение в УПК РФ данного принципа положительно отразится на эффективности обеспечения права каждого на получение квалифицированной юридической помощи при производстве по уголовному делу.

Список литературы:

1. Закомолдин, А.В. Проблемы оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе России / А.В. Закомолдин. — М.: Юрлитинформ, 2009. — 168 с.
2. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств : одобр. постановлением Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств 17.02.1996 № 7–6, г. Санкт-Петербург: — URL.: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=548> (дата обращения: 03.02.2017).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014. — URL.: http://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks.htm (дата обращения: 03.02.2017).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000. — URL: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovno-processualnyj-kodeks-azerbajdzhanskoj-respubliki/> (дата обращения: 03.02.2017).
5. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека : заключена в г. Минске 26.05.1995 [Электрон. ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

6. Международный пакт «О гражданских и политических правах» : принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 [Электрон. ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 04.11.1950 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Л.Ю. Фомина,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного и
европейского права
Национального исследовательского
Мордовского государственного
университета им. Н.П. Огарёва

L.Yu. Fomina,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of International
and European Law National Research
Mordovia State University
fominalilja@mail.ru

Публичность судебного разбирательства в правовых позициях Европейского суда по правам человека

Аннотация: актуальность статьи обусловлена значимостью публичности судебного разбирательства дела как одного из важнейших элементов справедливого судебного разбирательства, гарантированного ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, для существования демократического общества, реализации обязательств государства в различных сферах, в том числе и в области защиты прав человека. Целью статьи является выявление и анализ правовых позиций, выработанных Европейским судом по правам человека относительно защиты права на публичное разбирательство дела. Для достижения поставленной цели потребовалось использование диалектического, логического, формально-юридического и ряда других методов познания при соблюдении в целом системного подхода. В статье выявлено содержание публичности судебного разбирательства в понимании Европейского суда по правам человека. Рассмотрены открытость и публичное оглашение вынесенного судебного решения как элементы публичного судебного разбирательства.

Ключевые слова: право на справедливое судебное разбирательство, публичное разбирательство, открытое заседание, публичное оглашение судебного решения, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Европейский суд по правам человека.

Publicity of the trial in the legal position of the European Court of Human Rights

Abstract: actuality of the article due to the importance of publicity of trial as one of the most important elements of a fair trial guaranteed by Article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, for the existence of a democratic society, the implementation of the State's obligations in various spheres, including in the field of protection of human rights. The aim of the article is to identify and analyze the legal position, developed by the European Court of Human Rights on the protection of the right to public hearing. To achieve this aim required the use of dialectic, logic, formal juridical and other methods of cognition, subject to a whole system approach. The article revealed the contents of publicity of trial within the meaning of the European Court of Human Rights. We consider openness and public pronouncement of the judgment rendered as elements of a public hearing.

Keywords: right to a fair trial, public hearing, oral hearing, public pronouncement of judgments, Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, European Court of Human Rights.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее также — ЕКПЧ, Европейская конвенция, Конвенция) [1] гарантирует каж-

дому право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6), одним из ключевых элементов которого является публичное разбирательство дела [2, с. 51].

Европейский суд по правам человека (далее также — ЕСПЧ, Европейский суд, Суд) считает, что открытость судебных слушаний «защищает стороны от отправления правосудия в тайне, без контроля со стороны общественности. Открытость судебных слушаний также является одним из средств поддержания доверия к суду. Отправление правосудия, в том числе судами, становится законным, если оно совершается публично. При прозрачной системе отправления правосудия публичность вносит вклад в достижение цели п. 1 ст. 6 Конвенции, а именно цели справедливого судебного разбирательства» [3, § 51].

При этом гарантирование права на публичное судебное разбирательство не означает, что сторона процесса не может отказаться от него в добровольном порядке, «но подобный отказ должен быть недвусмысленным и не должен противоречить важным публичным интересам» (§ 30 Постановления ЕСПЧ по делу «Кокурхаев против Российской Федерации») [4], «должен сопровождаться минимальными гарантиями, соизмеримыми со значением отказа» (§ 40 Постановления ЕСПЧ по делу «Нефедов против Российской Федерации») [5].

«Отказ от права на проведение судебного слушания может быть выражен явно или посредством молчания, например, не подавая требования о проведении устного слушания или не поддерживая его» (§ 19 Постановления ЕСПЧ по делу «Яковлев против Российской Федерации») [6].

Публичность судебного разбирательства в понимании ЕСПЧ включает два аспекта: проведение открытых заседаний и публичное оглашение вынесенного решения (п. 161 Руководства по ст. 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство» (уголовно-правовой аспект) [7, с. 31], п. 247–269 Руководства по ст. 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство» (гражданско-правовой аспект) [8, с. 50–54]).

Проведение открытых заседаний, в свою очередь, предполагает реализацию прав на устное слушание [9, § 25] и личное присутствие [10, § 76–77].

Право на устное слушание должно быть реализовано по крайней мере в одной инстанции (п. 252 Руководства по ст. 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство» (гражданско-правовой аспект) [8, с. 51]), если разбирательство осуществляется в суде первой и единственной инстанции, право на публичное разбирательство дела влечет за собой право на «устное слушание, если нет исключительных обстоятельств, которые оправдывают отступления от них» (п. 249 Руководства по ст. 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство» (гражданско-правовой аспект) [8, с. 51]).

Позднее ЕСПЧ дополнил данную позицию, указав, что характер обстоятельств, который может оправдывать отказ от устного слушания, в существенной степени сводится к характеру вопросов, подлежащих разрешению национальным судом, а не к частоте таких ситуаций (§ 78 Постановления ЕСПЧ по делу «Владимир Васильев против Российской Федерации») [10].

В пункте 255 Руководства по ст. 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство» (гражданско-правовой аспект) предусмотрены следующие конкретные примеры ситуаций, в которых устное слушание может не потребоваться: при отсутствии вопросов относительно достоверности

оспариваемых фактов, суды могут справедливо и обоснованно разрешить дело на основании представленных сторонами доводов и иных письменных материалов; в делах, касающихся рассмотрения простых правовых вопросов ограниченного характера или не представляющих особой сложности; при рассмотрении сугубо технических вопросов [8, с. 51–52].

Например, ЕСПЧ считает, что «споры, касающиеся социальных выплат, во многом формальны, поэтому многие из них было бы лучше рассматривать в ходе письменной процедуры» [11], «во многих случаях с помощью письменной процедуры проверить и удостовериться в том, что налогоплательщик представил точный отчет о положении своих дел и что подтверждающие документы оформлены надлежащим образом, можно более эффективно, чем в рамках устного разбирательства» [12].

В ряде случаев, по мнению ЕСПЧ, проведение устных слушаний, напротив, является необходимым. Например, когда юрисдикция суда распространяется на вопросы права и важные фактические вопросы или при оценке того, были ли факты правильно установлены властями, и в условиях, когда суду необходимо получить личное впечатление о заявителе, предоставив заявителю право объяснить свою собственную ситуацию, лично или через его представителя, например, когда заявитель должен рассказать о своих личных страданиях для определения размера компенсации, или для того, чтобы суд мог получить разъяснения по некоторым аспектам, в том числе таким способом (п. 256 Руководства по ст. 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство» (гражданско-правовой аспект) [8, с. 52].

В отношении личного присутствия ЕСПЧ считает, что «право на публичное разбирательство было бы лишено смысла, если сторона по делу не была уведомлена о слушании таким образом, чтобы иметь возможность участвовать в нем, если она решила осуществить свое право на явку в суд, предусмотренное национальным законодательством» (§ 21 Постановления ЕСПЧ по делу «Земляченко против России») [13].

Согласно мнению ЕСПЧ, необязательным является обеспечение определенных форм доставки судебных документов сторонам (например, заказная почта), но «в интересах осуществления правосудия сторона разбирательства должна быть вызвана в суд таким образом, чтобы не только знать о дате и месте проведения заседания, но и иметь достаточно времени, чтобы успеть подготовиться к делу» (§ 27 Постановления ЕСПЧ по делу «Трудов против Российской Федерации») [14].

При этом из ст. 6 ЕКПЧ прямо не следует, что судебное разбирательство должно проводиться в личном присутствии сторон. Как отмечает ЕСПЧ, «скорее, общее понятие справедливого судебного разбирательства подразумевает, что уголовный процесс должен проходить в присутствии обвиняемого» (§ 138 Постановления ЕСПЧ по делу «Развязкин против Российской Федерации») [15].

Заочное разбирательство также допускается, но «нарушение права на справедливый суд имеет место в случае, если не было установлено, что лицо, обвиненное заочно, отказалось от права лично присутствовать на слушании и защищаться либо намерено избежать суда, и при этом такое лицо впоследствии лишено возможности добиться нового судебного рассмотрения своего

дела как по вопросам права, так и по вопросам факта» (п. 165 Руководства по ст. 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство» (уголовно-правовой аспект) [7, с. 31–32]).

«При рассмотрении судом гражданского дела гарантируется не право лично присутствовать и не право прибегать к помощи адвоката как таковое, а более общее право эффективно излагать свои доводы суду и пользоваться теми же процессуальными возможностями, что и противная сторона» (§ 43 Постановления Европейского суда по правам человека по делу «Мисан (Misan) против Российской Федерации») [16].

Исключением является ограниченная категория дел, в которых характер и образ жизни лица имеют непосредственное отношение к предмету дела или в которых решение зависит от поведения человека (§ 138 Постановления ЕСПЧ по делу «Развязкин против Российской Федерации») [15].

При рассмотрении вопроса о соблюдении права на личное присутствие ЕСПЧ считает, что он «должен, во-первых, оценить способ, которым внутригосударственные суды рассматривали вопрос о том, требовал ли характер спора личного присутствия заявителей. Во-вторых, он должен определить, приняли ли суды процессуальные меры, направленные на гарантирование их эффективного участия в разбирательстве» (§ 48 Постановления ЕСПЧ по делу «Евдокимов и другие против Российской Федерации») [17].

Открытость заседаний предполагает и присутствие публики и прессы, но в соответствии с п. 1 ст. 6 ЕКПЧ пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия. «Проведение рассмотрения в целом или частично в закрытом заседании должно быть строго обусловлено обстоятельствами дела» (§ 136 Постановления ЕСПЧ по делу «Развязкин против Российской Федерации») [15].

В принципе, по мнению ЕСПЧ, требование о доступности разбирательства для присутствия публики и прессы может считаться соблюденным при его проведении не только в зале суда, но и, например, в следственном изоляторе, но в таких случаях «государство обязано принять компенсирующие меры для обеспечения того, чтобы общественность и средства массовой информации были должным образом проинформированы о месте проведения слушания и имели эффективный доступ» (§ 54 Постановления ЕСПЧ по делу «Старокадомский (Starokadomskiy) против Российской Федерации» (№ 2) [3]).

Для того чтобы разбирательство считалось открытым, необходимо еще публичное объявление решения. Считается, что оно состоялось, при доступности для всех полного текста судебного решения, переданного в канцелярию суда, проведении судом открытого заседания и объявлении постановления нижестоящего суда в таком заседании или в том случае, когда любое заинтересованное лицо по делу могло получить полный текст постановлений суда, самые значительные из которых в дальнейшем публиковались в официальном сборнике (§ 34 Постановления ЕСПЧ по делу «Рякиб Бирюков (Ryakiб

Вігуков) против Российской Федерации» [18]). При этом объявление только резолютивной части судебного решения при отсутствии возможности для общества ознакомиться с его мотивировочной частью ЕСПЧ считает нарушением права на публичное судебное разбирательство (§ 57–58 Постановления ЕСПЧ по делу «Малмберг и другие против Российской Федерации») [19].

Таким образом, с точки зрения ЕСПЧ публичность является важнейшей составляющей фундаментального права на справедливое судебное разбирательство. Она включает в свое содержание как проведение открытых заседаний по делу, так и публичное объявление вынесенного решения и предполагает свободный доступ прессы и публики на разбирательство. При этом допускается добровольный отказ стороны разбирательства от реализации рассматриваемого права и возможность ограничения открытости процесса при наличии оснований, предусмотренных ЕСПЧ.

Правовые позиции, выработанные ЕСПЧ в отношении защиты права на публичное разбирательство дела, обязательно должны изучаться и применяться в России в силу международных обязательств, принятых на себя нашей страной.

Россия Федеральным законом от 30.03.1998 ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., признав тем самым *«ipso facto и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации»* [20].

В пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 и Протоколов к ней» указано, что правовые позиции Европейского Суда по правам человека, которые содержатся в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов. С целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств — участников Конвенции. При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов ЕСПЧ [21].

После предоставления Конституционному Суду РФ полномочий по разрешению вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации [22], и вынесения им первых постановлений, в которых было признано невозможным исполнение постановлений ЕСПЧ в соответствующих частях [23; 24], в юридической науке и практике оживилась дискуссия о месте постановлений ЕСПЧ в правовой системе России, соотношении международного и национального права, судебском активизме в ЕСПЧ.

Между тем и сам Конституционный Суд РФ, и Верховный Суд РФ в своей практике продолжили ссылаться в обоснование принимаемых ими решений на правовые позиции ЕСПЧ [25; 26], не отказываясь от их применения.

В такой ситуации, как справедливо отметил А.И. Ковлер, «"дело за малым": найти золотую середину между правом легитимного субъекта на эволютивное толкование Конвенции и его самоограничением, между субсидиарностью системы и "полем усмотрения" государств» [27, с. 99].

Список литературы:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гимгина, М.Е. Справедливость судебного разбирательства с позиций Европейского суда по правам человека / М.Е. Гимгина, К.И. Егоров // Российский юридический журнал. — 2014. — № 2. — С. 50–60.
3. Постановление Европейского суда по правам человека от 13.03.2014 по делу «Старокадомский (Starokadomskiy) против Российской Федерации» (№ 2) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Европейского суда по правам человека от 13.12.2011 по делу «Кокурхаев (Kokurkhaev) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2013. — № 7.
5. Постановление Европейского суда по правам человека от 13.03.2012 по делу «Нефедов (Nefedov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2013. — № 5.
6. Постановление Европейского суда по правам человека от 15.03.2005 по делу «Яковлев (Yakovlev) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2005. — № 10.
7. Руководство по статье 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство» (уголовно-правовой аспект) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_criminal_RUS.pdf.
8. Руководство по статье 6 Конвенции «Право на справедливое судебное разбирательство» (гражданско-правовой аспект) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_RUS.pdf.
9. Постановление Европейского суда по правам человека от 07.06.2011 по делу «Гусак (Gusak) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2012. — № 11.
10. Постановление Европейского суда по правам человека от 10.01.2012 по делу «Владимир Васильев (Vladimir Vasilyev) против России» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2013. — № 2.
11. Информация о Постановлении Европейского суда по правам человека от 12.11.2002 по делу «Саломонссон (Salomonsson) против Швеции» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2003. — № 4.
12. Информация о Постановлении Европейского суда по правам человека от 23.11.2006 по делу «Юссилла (Jussila) против Финляндии» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2007. — № 5.
13. Постановление Европейского суда по правам человека от 22.01.2013 по делу «Земляченко (Zemlyachenko) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2013. — № 12.
14. Постановление Европейского суда по правам человека от 13.12.2011 по делу «Трудов (Trudov) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2013. — № 7.

15. Постановление Европейского суда по правам человека от 03.06.2012 по делу «Развязкин (Razvyazkin) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2013. — № 6.

16. Постановление Европейского суда по правам человека от 02.10.2014 по делу «Мисан (Misan) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. — 2015. — № 4.

17. Постановление Европейского суда по правам человека от 16.02.2016 по делу «Евдокимов и другие (Yevdokimov and Others) против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. — 2016. — № 3.

18. Постановление Европейского суда по правам человека от 17.01.2008 по делу «Рякиб Бирюков (Ryakib Birjukov) против Российской Федерации» // Российская хроника Европейского суда. — 2009. — № 1.

19. Постановление Европейского суда по правам человека от 15.01.2015 по делу «Малмберг и другие (Malmberg and Others) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. — 2015. — № 5.

20. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней : федеральный закон РФ от 30.03.1998 № 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 14, ст. 1514.

21. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 и Протоколов к ней : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

22. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федеральный конституционный закон РФ от 14.12.2015 № 7-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2015. — № 51, ч. 1, ст. 7229.

23. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

24. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 31.07.2014 по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

25. По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой : постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

26. О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств : постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16.11.2016 № 155-П16 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

27. Ковлер, А.И. Эволютивное толкование Европейской конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2016. — № 3. — С. 92–100.

**• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ВЛАДИМИРСКИЙ ФИЛИАЛ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ •**

А.В. Аверин,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории
государства и права
Владимирского филиала РАНХиГС при
Президенте РФ

Ю.А. Гроза,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории государства
и права Владимирского филиала
РАНХиГС при Президенте РФ

A.V. Averin,
doctor of Law, professor of chair of
the theory and history of state and law
Vladimir branch of RANEPa at the
Russian President
avaverin@mail.ru

Y.A. Groza,
doctor of Law, Associate Professor,
Theory and History of State and Law
Vladimir branch of RANEPa
groza.y@mail.ru

Инквизиция, тайные свидетели и современность

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения проблемы использования в судебном процессе такого доказательства, как показания засекреченного свидетеля. Цель статьи — проанализировать закономерности и принципы судебного процесса, способствующие достижению цели правосудия. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. На основе исторических данных, характеризующих инквизиционное судопроизводство, показаны истинные причины возникновения в истории судоговорения такого явления, как тайный свидетель. Авторы делают выводы, что закономерности судебного процесса, не отягощенного религиозными или идеологическими догмами, свидетельствуют о том, что истинное правосудие не может допускать тайны. Там где тайна, там произвол, там не может быть правосудия.*

***Ключевые слова:** право, правоприменение, правосудие, судопроизводство, инквизиция, произвол, тайна, засекреченные свидетели.*

Inquisition, secret witnesses and present

***Abstract:** the relevance of article caused by necessity of studying of problems of using in the trial such evidence as the testimony of the secret witness. The purpose of this article is to analyze the laws and principles of the judicial process, contributes to the achievement of the objectives of justice. Implementation of the tasks was achieved through General scientific (dialectic, analysis, synthesis) and specially scientific methods (formal-legal, comparative-legal). Based on historical data that characterize the inquisitorial proceedings, to show the true causes in the history of sudoremontnogo phenomena as secret witness. The authors conclude that the patterns of the judicial process, is not burdened with religious or ideological dogma, suggests that true justice cannot allow the secrets. Where there is mystery, there is tyranny, there cannot be justice.*

***Keywords:** law, law enforcement, justice, judiciary, Inquisition, tyranny, secret, secret witnesses.*

Богатейшим материалом, дающим пытливому уму пищу для размышления, является опыт инквизиционного суда, существовавшего в Средневековье, поскольку в этом опыте раскрываются небезынтересные для

современности некоторые особенности и нюансы такого вида человеческой деятельности, как судоговорение.

К концу XII в. католическая церковь сделалась «владычицей» всего западного мира, что породило духовный деспотизм, подчинивший все своей воле. Среди служителей церкви процветали злоупотребления, продажность, прегрешения, лихоимство, отступления от религиозных канонов. Преподобный Гильберт, аббат Жанблу, в 1190 г. со стыдом признавался, что монашество — позор и язва, предмет непристойных насмешек и горьких упреков в устах христиан. Латеранский собор 1215 г. принял немало канонов, направленных к искоренению главных злоупотреблений. Однако это ничего не изменило. Четыре года спустя папа Гонорий III в энциклике, обращенной ко всем прелатам христианского мира, сказал: «Служители алтаря хуже животных, роющихся в навозе; слава их — в бесчестии, как слава Содомы. Они — ловушка и бич католиков. Многие прелаты растрачивают данные им на хранение деньги и разбрасывают по публичным местам церковные средства; они дают повышения людям недостойным, расточают церковные доходы на людей дурных и превращают церкви в тайные притоны для своих родных. Монахи и монахини нарушают обеты и делаются такими же презренными, как навоз. Потому-то и процветает ересь» [1].

Очевидно, что в таких условиях должно было возникнуть и процветать в сознании верующих протестное движение, являющееся по отношению к религиозным канонам ересью.

Датой возникновения инквизиции принято считать 20 апреля 1233 г., когда понтифик, взошедший на Престол святого Петра под именем папы Григория IX, издал две буллы, возлагавших на доминиканцев особую задачу по уничтожению ереси, наделив их властью «навсегда лишать духовных лиц их бенефиций и преследовать их и всех других судом, безапелляционно, призывая на помощь светскую власть, если в том встретится надобность», а также объявлял об учреждении постоянного трибунала с монахами-доминиканцами в качестве его членов [2, с. 35–36]. С этого времени истребление инакомыслия стало законным и богоугодным для католического мира делом, инициированным высшей религиозной властью.

Легализация создания инквизиционных трибуналов связывается с изданием в 1252 г. папой Иннокентием IV буллы, в которой разрешалось применение пыток для получения сведений от того, кто был заподозрен в инакомыслии, связи с инакомыслящими либо сочувствии им. Специальным комиссиям, учреждавшимся в епархиях, передавались полномочия по аресту и допросу еретиков, а также конфискации их имущества. По существу это уже были инквизиционные трибуналы, которые в составе епископа и двух монахов выносили приговор. Деятельности этих комиссий должны были оказывать всестороннее содействие как светская власть, так и все верующие [3, с. 98]. Папа Климент IV в 1265 г. уже титулует епископа и монахов — членов комиссии — инквизиторами, возлагая на них всю ответственность по борьбе с ересью [3, с. 99].

К концу XIII в. католическая Европа была покрыта сетью инквизиционных трибуналов. Одновременно с учреждением инквизиции и расширением ее деятельности появлялись и теологические обоснования ее существования. Одним из теоретиков инквизиции принято считать Фому Аквинского

(1225–1274 гг.), который в своем сочинении «Сумма философии, об истинности католической веры против язычников» утверждал, что еретики заслуживают не только исключения из церкви, но и исключения из жизни [3, с. 100].

К концу XV в. существенная по объему практика инквизиционного судопроизводства послужила основой для появления знаменитого средневекового трактата «Молот ведьм», написанного теологами-доминиканцами Я. Шпренгером и Г. Инститорисом. Этот труд объединил опыт борьбы инквизиции с многочисленными ересями, став самым значительным документом того времени [4]. Характеризуя смысл, содержание и цель этого произведения, Шпренгер говорит, что в данной книге нет ничего нового, ранее не сказанного великими учителями церкви и авторитетными представителями богословской мысли. «Наша книга одновременно и стара, и нова; она одновременно и коротка и длинна. Она стара по содержанию и авторитету; она нова по компиляции мыслей и по их расположению; она коротка, потому что произведения многочисленных авторитетов приведены в кратких отрывках; она длинна, потому что тема бесконечно велика и неисчерпаемо причиняемое ведьмами зло» [4].

Учитывая то обстоятельство, что целями настоящей статьи является не глубокое и всестороннее исследование инквизиции как исторического явления средневековой действительности, а описание некоторых черт и особенностей инквизиционного судопроизводства, авторы посчитали возможным (при изложении фактического материала) ограничиться научными исследованиями, проведенными в данной области исторических знаний цитируемыми ранее авторами.

Инквизиционный суд носил характер поединка между судьей и обвиняемым. Для привлечения к ответственности, как правило, было достаточно обвинения одним лицом другого в принадлежности к ереси, в помощи еретикам или проявления сочувствия к ним. Особенностью использования инквизицией свидетелей являлось то, что свидетели убеждались в необходимости говорить все, что им взбредет в голову, лишь бы в этих словах было обвинение в ереси. На веру принимались любые свидетельские показания, в том числе основанные на личном предубеждении, «на сплетнях, на пустых слухах или бессмысленной болтовне» [1, с. 152].

Одним из способов получения информации о причастности кого-либо к ереси служило обращение инквизитора, прибывшего в любой населенный пункт, к верующим с проповедью, в которой обозначались требования в течение 6 или 10 дней сделать донос о еретиках. Тот, кто не желал сотрудничать с церковью, отлучался от нее и имел все шансы испытать участь лица, обвиненного в ереси. Желаящие сотрудничать, в том числе в виде наущничества и тайного доноительства, имели возможность получить отпущение грехов (индულгенцию) на предстоящее время сроком на три года. Террор, сопровождавший деятельность суда инквизиции, наводил ужас и сеял страх и панику среди людей. Многие торопились оказаться в числе первых доносителей, чтобы оградить себя от обвинений в ереси. В такой обстановке нередко люди сводили друг с другом счеты, использовали возможность для

мести своим противникам или конкурентам. Многие доноски действовали из корыстных побуждений, стремясь получить за выдачу еретиков часть их состояния. Приветствовались и анонимные доносы [3, с. 111].

Никто не мог отказаться выступить в качестве свидетеля. Если свидетель не желал или колебался давать показания, то он попадал в находившийся рядом с залом суда застенки, к орудиям которого инквизиторы прибегали для убеждения свидетелей чаще, чем для убеждения обвиняемых. При этом существовало предубеждение, что применение пыток устраняло всякое сомнение относительно искренности свидетеля, дающего показания. Учитывая то обстоятельство, что доносительство, вызванное страхом, приобрело характер эпидемии, а правдивость доносов нередко не имела под собой никаких оснований, уже в 1244 и 1246 гг. соборы в Нарбонне и Безье запрещают инквизиторам объявлять имена свидетелей, мотивируя это «благоразумным желанием» Святого престола не подвергать их опасности. Папа Бонифаций VIII ввел в каноническое право статью об умолчании имен свидетелей. Забота инквизиции о безопасности свидетелей заходила так далеко, что инквизитор мог, если находил это нужным, держать в тайне от обвиняемого и сами свидетельские показания [1, с. 155–156].

Одним из самых изуверских способов выявить еретика считалось умение добиться его добровольной явки в инквизицию, покаяния, отречения от своих заблуждений, осуждения своих еретических убеждений, а в доказательство искренности этих действий следовало получить от него информацию о всех ему известных еретиках, сторонниках и их друзьях. Для добровольной явки с повинной инквизитор в своем обращении-проповеди объявлял срок «милосердия» от 15 до 30 дней, который позволял любому явившемуся спасти свою жизнь, а иногда и состояние (если оно было не слишком соблазнительным для инквизиции).

В период тотального доносительства всегда находились лица, готовые для спасения своей жизни расписаться в любых вымышленных грехах, а также указать на своих родственников, знакомых или друзей, приписав им всевозможные обвинения в ереси. Григорий IX с гордостью вспоминал, что в подобных случаях родители выдавали своих детей, дети — своих родителей, мужья — жен, жены — мужей [3, с. 113].

И.Р. Григулевич делает интересное наблюдение, характеризующее некоторые социальные закономерности. В частности, он говорит: «Однажды запущенная инквизиционная машина не могла работать вхолостую, не подпрыгивая самое себя. <...> Она требовала все новой и новой крови, которую ей поставляли еретики, как подлинные, так и сфабрикованные ею же самой» [3, с. 114]. Указанная закономерность, как, впрочем, и любая иная, безапелляционно проявляется в общественной жизни, поскольку, как известно, у законов природы нет жалости.

В отличие от инквизиционного судопроизводства, базовым элементом которого являлась тайна, смысл и существо судебного процесса как социального феномена с момента его возникновения в человеческой истории сводились к тому, чтобы в состоянии очевидности тяжущиеся стороны могли обосновывать свою правоту в споре [5]. Нормами древнерусского уголовного права и уголовного процесса, например, предусматривалось, что для провозглашения законного решения необходимы показания «достоверных

свидетелей», показывающих «с очи на очи по евангельскому словеси: “Пред двема или трема свидетели да станет всяк глагол”» [6, с. 27].

В правоприменительной деятельности тайна и произвол неразрывно связаны между собой, ибо «кто может считать себя защищенным от клеветы, когда она вооружена непробиваемым щитом тирании — тайной?» [7]. Тайные свидетели, являясь изобретением инквизиции, не вписываются в общую концепцию правосудия, поскольку противоречат самой его сути, и в связи с этим судопроизводство, претендующее называться правосудным, должно исключить такой институт из системы доказательств.

Современная отечественная правоприменительная интерпретация «инквизиционного ноу-хау».

Правоприменительная практика с момента своего становления всегда испытывала на себе влияние всевозможных неюридических факторов, т. к. затрагивала самые конфликтные проявления человеческих отношений. Поскольку «интересы двигают жизнью народов» (Гегель), в любом социальном конфликте проявляются противоположные интересы участников противостояния. Однако с того момента, когда конфликт между людьми в своем развитии достигает сферы государственного воздействия, а тяжба его участников становится предметом разбирательства правоприменительных органов государства, выясняется, что конкретный конфликт конкретных людей вовлекает в свою орбиту не только разнообразные государственные структуры, интерес каждой из которых в данном конфликте определяется ее государственно-правовым статусом, целями и задачами ее создания и функционирования [8, с. 59–67], но и большое число представителей данных структур, наделенных должностными полномочиями, каждый из которых, в свою очередь, имеет свои личные интересы, поскольку обязан выполнить поставленные перед ним задачи для достижения ожидаемых результатов. При этом на разных этапах движения дела даже у одного и того же должностного лица интересы могут меняться [9, с. 112–114].

Таким образом, попадая в орбиту правоприменительной деятельности государства, *интересы участников конфликта трансформируются в конфликт интересов участников процесса*, доминирующим среди которых выступает интерес государства. Однако интерес государства в данном контексте является понятием обобщающим, содержащим в себе интересы различных государственных структур и учреждений. В свою очередь их правоприменительный статус (представляющий собой не только весь комплекс юридических прав и обязанностей, но и политико-правовую характеристику места и роли данных образований в структуре государственной власти, их место в правовой иерархии правоприменительной деятельности государства, условия их формирования, а также цели и задачи, поставленные перед этими структурами и учреждениями) реализуется через их подразделения, каждое из которых имеет свой интерес в конфликте интересов участников процесса, и, в конечном счете, реализуется через конкретных исполнителей, из которых состоят данные подразделения. Каждый из исполнителей в силу поставленных перед ним задач и возложенных на него обязанностей видит конкретную цель своей деятельности, а, следовательно, имеет свой конкретный профессиональный интерес.

Право — система юридических норм. К наиболее важному системному свойству относится *цельность* функционирования системы, позволяющая системе иметь свойства, отличающиеся от свойств составляющих ее частей. Эти свойства «известны как *эмерджентные*, или *возникающие*, свойства. Они “возникают”, когда система работает» [10, с. 31].

Эта главная для всех систем особенность заключается в том, что в процессе аналитического исследования конкретной системы ее существенные свойства исчезают и смогут проявиться лишь в результате синтеза и «запуска» действия данной системы. Узнать, что собой представляют существенные свойства конкретной системы, можно лишь одним способом — заставить систему работать и наблюдать ее в действии. В свою очередь, работа системы определяется отношениями между ее элементами, а самосохранение системы обеспечивается благодаря взаимодействию частей.

Известно, что общий «вес» системы больше суммарного «веса» составляющих ее элементов, и эта разница объясняется дополнительной энергией (энергией связи элементов), которая возникает во время «жизни» или работы системы.

Исключительно важным для понимания закономерностей существования систем является вопрос о стабильности и мобильности (нестабильности) систем. Без общей стабильности системы бесперспективно ее гармоничное существование и развитие. Однако очевидно и то, что там, где существует стабильность, ярко выражено сопротивление переменам, поскольку это — две противоположные стороны одной медали [11, с. 335–366].

Данное уточнение имеет целью обоснование вывода о том, что не только, и даже не столько субъективный фактор влияет на развитие между людьми конкретного спора, ставшего предметом правоприменительного интереса государства. В развитии этого конфликта интересов проявляются закономерности правоприменительной деятельности и, в конечном итоге, права. Этим объясняется и твердо сформировавшееся в адвокатской среде мнение о том, что подозреваемый, обвиняемый и подсудимый в первую очередь борется не с позицией процессуального оппонента, а с правоприменительной системой, имеющей в современной России в рамках уголовного производства, увы, ярко выраженный обвинительный уклон [12, с. 347–352].

В рамках темы, заявленной в настоящей статье, интерес представляет правовое регулирование и реализация в правоприменительной практике допроса тайного свидетеля.

Согласно части 5 ст. 278 УПК РФ суд вправе провести допрос свидетеля без оглашения подлинных данных о личности свидетеля и в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства. Решение суда о допросе «тайного свидетеля» вполне естественно объясняется благоразумным желанием не подвергать его опасности.

Тайна и произвол в правоприменительной деятельности государства сосуществуют неразрывно, и там, где есть место тайне, там через эту «щель в бастиионе права» (через «щель бесправия») непременно проникнет произвол, который грозит правосудию точно так же, как вода, нашедшая щель в бетонной стене, грозит разрушить саму плотину.

В чем кроется проблема, помимо того, что связь тайны с произволом закономерна и что любая форма тайны в судопроизводстве лишает такое судопроизводство статуса правосудия?

Для иллюстрации проблем судебного правоприменения, связанных с наличием института «тайного свидетеля», обратимся к одному из многочисленных уголовных дел подобного рода, которое было предметом рассмотрения одного из городских судов Владимирской области в феврале — марте 2017 г. [13]

По уголовному делу № 1-242/2016 В. обвиняется в одном эпизоде сбыта наркотического вещества тайному свидетелю Носову, совершенном 03.02.2015 во время проведения оперативными сотрудниками оперативного мероприятия «контрольная закупка». По утверждению подсудимого, он действительно, в конце 2014 — начале 2015 гг. употреблял наркотические вещества, при этом несколько раз со своим давним приятелем они приобретали наркотики совместно из так называемых закладок, информацию о которых они получали через Интернет. С апреля 2015 г. он нашел в себе силы побороть тягу к наркотикам, изменил образ жизни и стал проживать послушником в одном из мужских монастырей РПС. В качестве послушника он работал водителем, часто перевозя грузы по различным областям центральной части России, т. е. вел открытый образ жизни и ни от кого не скрывался. В конце 2016 г., в очередной раз прибыв домой, в том числе для медицинского обследования и лечения, он был задержан и узнал, что привлечен к уголовной ответственности за сбыт наркотиков, который якобы имел место полтора года назад.

В. отрицал факт сбыта наркотических средств кому бы то ни было, в том числе своему давнему приятелю, представив предварительному следствию и суду алиби, поскольку в указанное предварительным следствием время находился на работе в Московской области.

Свидетель Носов органами предварительного следствия был засекречен (из соображений безопасности) на основании сделанного им заявления о том, что он опасается привлекаемого к уголовной ответственности В.

Порядок допроса засекреченного свидетеля в судебном заседании изменен не был, несмотря на то, что названная предварительным следствием причина, по которой участник контрольной закупки был засекречен, не имела под собой никаких оснований и не выдерживала юридической критики. В связи с этим подсудимый и защитник не только были лишены возможности посмотреть в глаза тайному свидетелю (*«с очи на очи по евангельскому словеси»*), но и задать те вопросы, которые могли выявить лжесвидетельство.

Процессуальная особенность допроса тайного свидетеля заключается в том, что суд вынужден отводить любые вопросы, ответы на которые могут его рассекретить. Подсудимый и защитник могут задавать тайному свидетелю лишь те вопросы, ответы на которые находятся в протоколе его допроса, что лишает данное процессуальное действие логического и правового смысла. Иными словами, выявить лжесвидетельство тайного свидетеля посредством выяснения у него всех обстоятельств события, свидетелем которого он якобы является, невозможно.

Процедурная особенность допроса тайного свидетеля имеет также ряд нюансов, связанных с тем, что тайный свидетель должен оказаться в тайной

комнате суда втайне от подсудимого и защитника, а потому сопровождается в эту комнату либо прокурором, участвующим в деле, либо оперативным сотрудником, принимавшим участие в работе с этим свидетелем в ходе предварительного следствия. Неудивительно, что указанное «оперативное сопровождение» способствует восстановлению в памяти засекреченного свидетеля информации, содержащейся в протоколе его допроса, но, как правило, лишает его памяти в отношении обстоятельств дела, не указанных в этом протоколе.

Учитывая то обстоятельство, что средства не оправдываются целью, а объясняют ее истинное значение, очевидно, что введение органами предварительного следствия в уголовное дело элемента тайны посредством засекречивания свидетеля во многих случаях (как и в данном примере) продиктовано не желанием обезопасить свидетеля, а стремлением обезопасить предъявленное обвинение (посредством лишения защиты возможности в открытом состязательном процессе провести качественный допрос данного свидетеля) и, в конечном итоге, обезопасить результаты следственной процессуальной деятельности от нежелательных эксцессов, т. е. подтвердить свою профпригодность.

Возвращаясь к логико-правовому смыслу института «тайного свидетеля», необходимо отметить, что, очевидно, законодатель имел в виду те случаи, когда органами предварительного следствия установлено лицо, владеющее достоверной информацией об исследуемом событии, данное обстоятельство неизвестно заинтересованным субъектам, это лицо имеет реальные основания опасаться за свою безопасность, которая может исходить либо от виновных, либо от иных заинтересованных в его молчании субъектов.

Вполне понятно и то, что когда по фабуле обвинения свидетелем является участник события (например, завербованный оперативными сотрудниками давний приятель производил контрольные закупки — дело № 1-319/2014 по обвинению Г. и других), придавать данному участнику события статус тайного свидетеля, тогда как подсудимый проживает с ним по соседству и знает о личности этого свидетеля больше, чем органы предварительного следствия, по крайней мере, алогично, если не принимать во внимание тот интерес должностных лиц, о котором речь шла ранее.

В заключение предлагаются следующие выводы:

1. Тайна в правоприменении — благодатная почва для произвола.
2. Мнение о пользе тайны в судебном процессе ошибочно на концептуальном уровне, поскольку тайна неразрывно связана с произволом, а, по меткому выражению И. Бентама, «порожденное произволом благо не может выйти за узко очерченные рамки, тогда как зло его безгранично, а потому и угроза, которую произвол несет в себе, также не имеет пределов» [14, с. 116].
3. Институт «тайны» в судопроизводстве не способствует правосудности уголовного процесса.
4. Доказательства обвинения в суде должны исследоваться полно, гласно и открыто.
5. Принцип равенства сторон в состязательном процессе должен исключать использование тайных доказательств, полное и всестороннее исследование которых (в связи с их засекреченностью и тайной) невозможно.

6. Если верно то, что вина подсудимого в совершении преступления может быть установлена лишь на основе совокупности имеющихся по делу доказательств, отвечающих определенным критериям, а не на основании показаний лишь одного засекреченного свидетеля, то при невозможности рассекретить личность свидетеля и предоставить возможность его полноценного допроса в состязательном процессе таким доказательством следует пренебречь, поскольку оставшаяся совокупность доказательств должна быть не менее убедительна для формирования окончательного вывода по делу.

7. Наличие «тайных» свидетелей, владеющих информацией по криминальному событию, возможно лишь в рамках оперативно-розыскной деятельности, поскольку информация таких свидетелей может быть исключительно полезной для отработки версий произошедших событий и целенаправленного сбора относимых доказательств.

Список литературы:

1. Ли, Г. Возникновение и устройство инквизиции : пер. с англ. / Генри Чарлз Ли. — М.: Ломоносовъ, 2013. — 93 с.
2. Бейджент, М. Инквизиция / М. Бейджент, Р. Ли. — М.: Эксмо, 2003. — 352 с.
3. Григулевич, И.Р. Инквизиция. — 3-е изд. / И.Р. Григулевич. — М.: Политиздат, 1985. — 448 с.
4. Шпренгер, Я. Молот ведьм / Я. Шпренгер, Г. Инститорис; пер. с лат. Н. Цветкова; вступ. ст. С. Лозинского; сост., примеч. С. Ершова. — СПб.: Амфора, 2009. — 524 с. — (Серия «Александрийская библиотека»).
5. Дювернуа, Н.Л. Источники права и суд в Древней России: Опыты по истории русского гражданского права / Н.Л. Дювернуа. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 396 с.
6. Загорский, Г.И. У истоков российского уголовного судопроизводства (к 1000-летию Русской правды) / Г.И. Загорский, Ю.А. Зюбанов. — М.: Проспект, 2016. — 104 с.
7. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. — М.: Стелс, 1995. — 304 с.
8. Аверин, А.В. О зависимости правоприменительной практики от «околоправовых» факторов // Правовая политика и правовая жизнь.— 2015. — № 2. — С. 59–68.
9. Аверин, А.В. Истина и судебная достоверность (Постановка проблемы). — СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. — 466 с.
10. О'Коннор, Дж. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем : пер. с англ. — 2-е изд. / Дж. О'Коннор, И. Макдермотт. — А.: Альпина Бизнес Букс, 2008. — 252 с.
11. Лекция 31. Философия правоприменения // Философия права. Курс лекций : учебное пособие : в 2 т. / М.Н. Марченко и др. — Т. 2. — М.: Проспект, 2011. — 512 с.
12. Аверин, А.В. Правосудие в правовом государстве // Верховенство права и правовое государство: проблемы теории и практики : материалы X Международной научно-практической конференции. — М.: РГУП, 2016. — С. 113–115.
13. Собинский городской суд Владимирской области. Дело № 1-242/2016 по обвинению В.
14. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. — М.: Статут, 2001. — 353 с.

В.Ю. Картухин,

кандидат юридических наук, доцент,
директор Владимирского филиала
РАНХиГС при Президенте РФ

В.А. Чирикун,

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства
и права Владимирского филиала
РАНХиГС при Президенте РФ

V.Y. Kartuhin,

Candidate of Law, Assistant Professor,
Director of the Vladimir Branch of RANEPa
post@vlad.ranepa.ru

V.A. Chirikin,

PhD, Associate Professor,
Department of Theory and History of State
and Law Vladimir branch RANEPa
Chirikin_V@vlad.ranepa.ru

Становление международного сотрудничества правоохранительных органов России в борьбе с политической преступностью: взгляд в историю

Аннотация: актуальность статьи обусловлена необходимостью учета исторического опыта правоохранительных органов России в борьбе с преступностью. Цель статьи — проанализировать организационно-правовое обеспечение международного сотрудничества сил правопорядка России с другими странами в период с 1861 по 1917 гг. в борьбе с политической преступностью. Реализация поставленной цели была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Автор делает выводы о том, что широкое развитие международных отношений во второй половине XIX в., затронувших различные стороны жизни отдельных государств, не могло не коснуться и правоохранительной деятельности последних, направленной на борьбу с возрастающей преступностью, особенно политической, и на защиту правового строя, не только внутригосударственного, но и международного.

Ключевые слова: международное сотрудничество, правоохранительные органы, политическая преступность, политический террор, конвенция о взаимной выдаче преступников, экстрадиция.

Formation of international cooperation of law enforcement Russian authorities in the fight against political crime: a glimpse into history

Abstract: the relevance of article caused by necessity of taking into account historical experience of Russian law enforcement agencies in the fight against crime. The purpose of this article is to analyze the organizational-legal ensuring of international cooperation of the security forces of Russia with other countries in the period from 1861 to 1917 in the fight against political crime. Implementation of the tasks was achieved through General scientific (dialectic, analysis, synthesis) and specially scientific methods (formal-legal, comparative-legal). The author concludes that the wide development of international relations in the second half of the NINETEENTH century, affecting various aspects of life in individual States, could not apply to law enforcement activities of the latter, to combat rising crime, especially political, to protect the legal system not only domestic but also international.

Keywords: international cooperation, law enforcement, political crime, political terrorism, the Convention on the mutual extradition of criminals and extradition.

Значительные изменения, происходившие в различных сферах общественной жизни в Европе второй половины XIX в., указывали на необходимость тесного сотрудничества российских и зарубежных органов правопорядка.

В указанный период преступность стала носить международный характер. Как в области общеуголовной, так и в области политической преступности появлялись международные преступные сообщества, распространившие свою деятельность на европейский континент. Борьба с подобными структурами, проводившаяся отдельными странами, в большинстве случаев оказывалась малоэффективной вследствие

определенных трудностей зарождавшегося сотрудничества правоохранительных органов: отсутствия централизованной организации розыска, несогласованности правил о выдаче, об определении отдельных преступных деяний, подсудности и т. д.

Серьезные опасения в рассматриваемый период представляла политическая преступность и, прежде всего, крайняя форма ее проявления — политический терроризм.

Определение политического преступления стало предметом активного обсуждения на Международном съезде криминалистов в Брюсселе в 1910 г. Участники этого форума приняли решение ограничиться определением этого понятия по его объекту, т. е. по посягательству, которое оно заключает в себе, на права государства и его внутреннюю и внешнюю безопасность [1, с. 104–105].

Важным условием эффективности международного сотрудничества сил правопорядка было как создание и совершенствование национального законодательства, так и расширение межгосударственных соглашений в данной сфере. В основе межгосударственных соглашений лежали конвенции, трактаты об экстрадиции политических преступников, их преследовании и привлечении к ответственности. Впервые такое соглашение было заключено между российским государством и Швецией 20 ноября 1810 г. [2, с. 36]

Следующим шагом российского правительства в расширении международного сотрудничества в области правопорядка стало заключенное 19.11.1833 соглашение с Австрией, направленное против революционных событий в Польше [3]. Через год к этому соглашению присоединилась Пруссия.

Реформирование судебной системы 1864 г., учитывающее европейский опыт, позволило ряду стран ускорить заключение с Россией конвенций о взаимной выдаче преступников. Одним из первых государств, заключивших с Россией указанное соглашение, было Датское Королевство. Документ устанавливает ответственность за девять видов преступлений. Институт политической преступности в конвенции не оговаривался. Вместе с тем правоохранительные органы могли инициировать выдачу политических преступников.

За этим последовало заключение картельной конвенции с Голландией. В этом соглашении было отражено положение о преступлениях, носивших политический характер. В ст. 6 Россия вынуждена была признать право на убежище для лиц, совершивших преступления по политическим мотивам [4].

Важное место в заключенных соглашениях отводилось безопасности глав государств. В связи с верховенством в рассматриваемый период принципа невыдачи политических преступников все виды преступных деяний, направленных как против самого монарха, так и против членов его семьи, не могли быть оправданы политическими мотивами [5].

Ситуация кардинальным образом изменилась после убийства 1 марта 1881 г. Александра II. В результате совместных усилий дипломатического ведомства и министерства внутренних дел Россия заключила конвенции о взаимной выдаче политических преступников, причастных к покушениям на жизнь монархов и членов их семей с такими европейскими странами, как Бельгия (1881 г.), Монако (1883 г.), Германия, Австро-Венгрия, Румыния (1885 г.), Португалия (1887 г.), Люксембург (1892 г.), США (1893 г.), Япония и Болгария (1911 г.).

Законодательство России, регламентирующее международное сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с политической преступностью,

базировалось на принципе взаимности. Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., Уголовное уложение 1903 г. предусматривали привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления против верховной власти иностранного государства, в соответствии с заключенными соглашениями о взаимной выдаче преступников [6, с. 59; 7].

Следует обратить внимание на то, что, в соответствии с Уголовным уложением перечень политических преступных деяний, за которые наступала ответственность российских подданных на территории своей страны, был различен. Так, согласно ст. 173 Уложения этот перечень предусматривал большее количество составов преступлений на территории России, совершенных против верховной власти, государственных устоев в целом, безопасности или благосостояния империи. Преступления, совершенные русскими подданными по отношению к иностранному государству на его территории, в соответствии со ст. 174 предусматривали уголовную ответственность только за деяния против верховной власти [8, с. 35].

Последовательной остается позиция Российского государства относительно выдачи преступников иностранным державам не только в международных соглашениях, но и в национальном законодательстве. Так, в законе об экстрадиции преступников по требованию других стран от 15.12.1911 подчеркивалось, что любой иностранный подданный, совершивший преступное деяние вне пределов России и укрывавшийся от преследования на ее территории, может быть выдан на условиях взаимности, даже если они не были предусмотрены в заключенном соглашении.

Российское государство учитывало законодательный опыт европейских стран по привлечению к уголовной ответственности за политические преступления. Зарубежное законодательство служило Российской империи своеобразным ориентиром, по которому следовало определять степень наказания. Так, за насильственное посягательство на форму правления, государственное устройство или порядок престолонаследия, которое в России каралось смертной казнью, в Германии полагалось пожизненное заключение, в Италии — заточение в крепость на длительный период, во Франции — ссылка в определенную местность на неустановленный срок [9].

Примером последовательной политики России в вопросах международного сотрудничества в борьбе с преступностью, прежде всего политической, стали утвержденные еще в 1858 г. Государственным Советом Российской империи меры наказания за преступления против безопасности дружественных России стран. Лица, совершившие подобные преступные деяния, привлекались к самым различным видам наказаний.

Таким образом, формирующееся международное сотрудничество правоохранительных органов России в борьбе с преступностью, прежде всего политической, во второй половине XIX в. было вынужденной ответной мерой по отношению к тем преступным силам, которые покушались на государственные и общественные устои, безопасность и правопорядок. Необходимость становления и расширения такого взаимодействия сил правопорядка была обусловлена заметным расширением границ преступности, которая приобрела все больший транснациональный характер, а также коллективным пониманием того, что разрозненными силами победить это зло было нельзя.

Список литературы:

1. Люблинский, П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905–1915) / П.И. Люблинский. — Пг., 1915. — 379 с.
2. Вербловский, Г.Л. О взаимной выдаче преступников и дезертиров // Юрид. вестник. — 1867. — № 6; 1868. — № 7. — С. 3–48.
3. Мартенс, Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций / Ф.Ф. Мартенс. — СПб.: Тип. М-ва Путей Сообщения (А. Бенке). — Т. 4. — Ч. 1. — 602 с.
4. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155. Оп. 269 (1867 г.). Д. 495. Л. 144.
5. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155. Оп. 269 (1867 г.). Д. 495. Л. 146.
6. Свод законов уголовных. Часть первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. — СПб., 1885. — 521 с.
7. Уголовное уложение. — СПб., 1903. — 144 с.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. — Пг., 1916 — 959 с.
9. Российский государственный исторический архив. — Ф. 908. — Оп. 1. — Д. 331. — Л. 80–83.

А.А. Лачин,
кандидат юридических наук,
Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ

Е.А. Лачина,
кандидат юридических наук,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

A.A. Lachin,
Candidate of Law, RANEP
alexlachin@mail.ru

E.A. Lachina
Candidate of Law, RANEP
Lena-Lachina@mail.ru

Специфика заключения концессионных соглашений в сфере жилищно-коммунального хозяйства

Аннотация: жилищно-коммунальный комплекс является важнейшей составляющей в системе жизнеобеспечения граждан, охватывает практически все население страны и в связи с этим занимает исключительное положение в ряду прочих отраслей экономики. Жилищно-коммунальное хозяйство является одной из важнейших сфер экономики России. В настоящее время, в условиях острой потребности средств, и обязательств со стороны государства в обеспечении граждан жилищно-коммунальными услугами, динамично начал развиваться механизм государственно-частного партнерства, одной из форм которого является концессионное соглашение. Целью публикации является исследование специфики правовых механизмов концессионного соглашения в сфере жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Выводы и предложения обозначенные в публикации возможно помогут в решении вопросов неурегулированных законодательством, а также в совершенствовании положений федерального закона «О концессионных соглашениях».

Ключевые слова: концессионное соглашение, жилищно-коммунальное хозяйство, объекты концессионных соглашений.

The specificity of the concession agreement in the sphere of housing and communal services

Abstract: housing and communal complex is a critical component in life support system for citizens, covers almost the entire population of the country and in this regard occupies an exceptional position in several other sectors of the economy. The housing and utilities sector is one of the most important sectors of the Russian economy. Currently, given the acute need of funds, obligations of the state in providing citizens with housing and communal services, rapidly began to develop the mechanism of state-private partnership, one form of which is the concession agreement. The aim of the publication is to study the specifics of the

legal arrangements of the concession agreement in the sphere of housing and communal services of the Russian Federation. The conclusions and proposals outlined in the publication will probably help in resolving the issues pending legislation and to improve the provisions of the federal law "On concession agreements".

Keywords: *concession agreement, housing and communal services, objects of concession agreements.*

Привлечение частных инвестиций в сферу жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ), развитие государственно-частного партнерства — одно из ключевых направлений развития экономики, которое в свою очередь реализуется через заключение концессионных соглашений.

Так на данный момент только в сфере жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации заключено около 700 концессионных соглашений. В настоящее время во Владимирской области реализуется 8 концессионных соглашений в муниципальных образованиях: г. Владимир, г. Киржач, ЗАТО г. Радужный, Вязниковском, Петушинском, Юрьев-Польском и Ковровском районах.

До 2015 г. в сфере жилищно-коммунального хозяйства предоставление жилищно-коммунальных услуг потребителям осуществлялось организациями, которые владели и (или) использовали объектами коммунальной инфраструктуры (централизованными системами горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, теплоснабжения, отдельными объектами таких систем), находящимися в государственной или муниципальной собственности, на праве хозяйственного ведения или по договорам аренды.

С момента вступления в действие Федерального закона РФ от 07.05.2013 № 103-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О концессионных соглашениях" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее — Закон № 103-ФЗ) передача прав владения и (или) пользования объектами теплоснабжения, централизованными системами горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельными объектами таких систем, находящимися в государственной или муниципальной собственности, осуществляется с учетом требований, установленных ст. 41.1 Федерального закона РФ от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» [2] (далее — Закон о водоснабжении) и ст. 28.1 Федерального закона от 27.07.2010 № 190-ФЗ «О теплоснабжении» [3] (далее — Закон о теплоснабжении).

В соответствии с ч. 3 ст. 28.1 Закона о теплоснабжении и ч. 3 ст. 41.1 Закона о водоснабжении в случае, если срок, определяемый как разница между датой ввода в эксплуатацию хотя бы одного объекта из числа объектов теплоснабжения, централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения или одной системы из числа таких систем, одного отдельного объекта таких систем, находящегося в государственной или муниципальной собственности, и датой опубликования извещения о проведении конкурса, превышает пять лет либо дата ввода в эксплуатацию хотя бы одного такого объекта или одной такой системы, одного отдельного объекта таких систем не может быть определена, передача прав владения и (или) пользования такими объектами или системами осуществляется только по концессионным соглашениям (за исключением предоставления в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации указанных прав на это имущество лицу, обладающему правами владения и (или) пользования

сетью инженерно-технического обеспечения, в случаях, если это имущество является частью соответствующей сети инженерно-технического обеспечения и данные часть сети и сеть являются технологически связанными в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности).

Таким образом, если все объекты теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения, в отношении которых планируется передача прав владения и (или) пользования, были введены в эксплуатацию менее чем за пять лет до момента опубликования извещения о проведении конкурса, в отношении таких объектов может быть заключен договор аренды, в ином случае — только концессионное соглашение.

Таким образом, в настоящее время законодательство Российской Федерации не предусматривает возможности передавать объекты теплоснабжения, централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения путем предоставления преференции [4].

Объектом концессионного соглашения является именно имущество, а не услуга или деятельность относительно определенного имущества. Часть 1 ст. 4 Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» закрепляет, что объектом концессионного соглашения является недвижимое имущество, входящее в состав вышеуказанного имущества. Это означает, что объектом концессионного соглашения не могут быть, во-первых, иные объекты, не попавшие в список (например, земельные участки, на которых расположены те же объекты социально-бытового назначения), причем перечень объектов является закрытым, во-вторых, деятельность по использованию определенного имущества. Так, например, если следовать требованиям закона, то объектом заключенного концессионного соглашения в сфере ЖКХ является трубопровод или котельная, а не оказание услуг по водо- или теплоснабжению [5, с. 41–44].

Сторонами концессионного соглашения, объектом которого являются объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем, являются концессионер, концедент, субъект Российской Федерации.

При этом концессионером не может являться иностранное юридическое лицо. В качестве концедента выступает муниципальное образование. Права и обязанности, осуществляемые субъектом Российской Федерации, участвующим в концессионном соглашении в качестве самостоятельной стороны, устанавливаются Федеральным законом «О концессионных соглашениях», таким концессионным соглашением на основании решения о заключении концессионного соглашения и конкурсной документацией.

Концессионная плата может предусматриваться в концессионном соглашении, объектом которого являются объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем. Размер такой платы не может превышать уровень, рассчитанный исходя из принципа возмещения концеденту расходов на уплату им в период срока действия концессионного соглашения установленных законодательством Российской Федерации обязательных платежей, связанных с правом владения объектом концессионного соглашения.

Для изменения условий концессионного соглашения, объектом которого являются объекты теплоснабжения, централизованные системы горячего водоснабжения,

холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельные объекты таких систем, в том числе условий, изменяемых по соглашению сторон на основании решений органов государственной власти или органа местного самоуправления, определенных на основании решения о заключении концессионного соглашения, конкурсной документации и конкурсного предложения концессионера по критериям конкурса, необходимо согласие антимонопольного органа, полученное в порядке и на условиях, которые установлены Правительством Российской Федерации.

Таким образом, концессионное соглашение в сфере жилищно-коммунального хозяйства имеет ряд присущих ему особенностей.

Вместе с тем, проанализировав правовые нормы, регулирующие условия и порядок заключения концессионных соглашений, необходимо отметить, что в Федеральном законе «О концессионных соглашениях» не закреплён механизм гарантий возврата вложенных концессионером, но ещё не окупившихся средств в случае досрочного прекращения действия концессионного соглашения по инициативе концедента. Подобное положение вещей не способствует повышению привлекательности данной формы государственно-частного партнерства среди субъектов предпринимательской деятельности и во многом является одной из основных причин отсутствия массовой практики заключения концессионных соглашений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Имеет место явный дисбаланс интересов сторон, который состоит в неоправданно высоких рисках, лежащих на концессионере.

Поэтому считаем необходимым узаконение в Федеральном законе «О концессионных соглашениях» (ст. 15) гарантий возврата вложенных концессионером, но ещё не окупившихся средств в случае досрочного прекращения действия концессионного соглашения по инициативе концедента. При этом порядок и срок осуществления возмещения указанных расходов концессионера должны определяться в соответствии с условиями концессионного соглашения.

Также необходимо отметить отсутствие нормы об абсолютной величине срока действия концессионного соглашения, заключаемого в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Федеральным законом «О концессионных соглашениях» не установлен минимальный и максимальный срок, на который может быть заключено концессионное соглашение. В ст. 6 Закона содержится только указание на то, что срок действия концессионного соглашения устанавливается в самом соглашении с учетом срока создания и (или) реконструкции объекта концессионного соглашения, объема инвестиций и срока их окупаемости, а также других обязательств сторон соглашения. Применительно к концессионным соглашениям в сфере жилищно-коммунального хозяйства, данный подход не обоснован в силу особой социальной значимости данной сферы. Инвестиции в данную сферу должны быть долгосрочными с учетом того, что достижение успешных результатов концессионных соглашений является весьма длительным процессом.

Расчет срока действия концессионного соглашения имеет существенное значение в том, как успешно будет осуществлен проект. Стороны концессионного соглашения не всегда имеют возможность заблаговременно просчитать срок окупаемости концессионного проекта. Установление небольшого срока действия концессионного соглашения в сфере жилищно-коммунальной инфраструктуры повлечет повышение риска некупаемости проекта, неполучения прибыли либо невыполнения обязательств концессионером в полном объеме. Это может повлечь

повышение концессионером размера тарифов за пользование объектом коммунальной инфраструктуры, за оказание жилищно-коммунальных услуг, что приведет к уменьшению социально-экономической эффективности от реализации проекта.

Таким образом, проанализировав сложившуюся ситуацию, предлагаем уточнить в Федеральном законе «О концессионных соглашениях» минимальный срок действия концессионного соглашения не менее 10 лет, что по нашему мнению окажет позитивное влияние на стабильность и прогнозируемость данной сферы услуг.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон РФ от 07.05.2013 № 103-ФЗ // Российская газета. — 2013. — № 100.

2. О водоснабжении и водоотведении : федеральный закон РФ от 07.12.2011 № 416-ФЗ (в ред. от 29.12.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2011. — № 50, ст. 7358.

3. О теплоснабжении : федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (в ред. от 01.05.2016) // Российская газета. — 2010. — № 168.

4. О передаче прав владения и (или) пользования объектов теплоснабжения, систем горячего или холодного водоснабжения и (или) водоотведения, находящихся в государственной или муниципальной собственности : письмо ФАС России от 14.06.2016 № АД/40064/16 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Камышанова, А.Е. Особенности концессионных соглашений в сфере реформирования жилищно-коммунального комплекса // Семейное и жилищное право. — 2014. — № 2. — С. 41–44.

Н.В. Зин,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Владимирского
филиала РАНХиГС при Президенте РФ

N.V. Zin,
Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of Vladimir Branch of RANEPA
zinnataly@yandex.ru

Правовое регулирование взаимоотношений государства и Русской православной церкви в 1953–1958 годах

Аннотация: актуальность статьи обусловлена, прежде всего, тем, что в последние годы в научной среде и российском обществе в целом значительно возрос интерес к проблеме истории взаимоотношений государства и религиозных организаций. Цель статьи — обратиться к истории законодательного оформления взаимоотношений государства и Русской православной церкви в 1953–1958 гг. При написании статьи автор использовал принципы историзма, научной объективности и достоверности, а также методы исторического исследования, как проблемно-хронологический, так и статический, сравнительный. Автор приходит к выводу о том, что советский период стал сложным временем для Русской православной церкви.

Ключевые слова: государство, Русская православная церковь, КПСС, законодательство, религиозные организации.

Legal regulation of the relationship between the state and the Russian Orthodox Church in 1953–1958

Abstract: the relevance of this article is due, first of all, to the fact that in recent years the interest in the problem of the history of relations between the state and religious organizations has increased significantly in the scientific community and in Russian society as a whole. The purpose of the article is to turn to the

history of legislative registration of the relationship between the state and the Russian Orthodox Church in 1953-1958. When writing the article, the author used the principles of historicism, scientific objectivity and reliability, as well as historical research methods, both problem-chronological and static, comparative. In conclusion, the author on the basis of work, comes to the conclusion that the Soviet period has become a difficult time for the Russian Orthodox Church. The anti-church struggle then subsided, then flared up with renewed vigor.

Keywords: the state, the Russian Orthodox Church, the Communist party, legislation, religious organizations.

В последние годы в обществе, в частности в научной среде, значительно возрос интерес к проблеме истории взаимоотношений государства и религиозных организаций, обусловленный, прежде всего, такими обстоятельствами, как существенное возрастание роли религии и религиозных объединений в жизни постсоветской России, значительное расширение и усложнение направлений деятельности религиозных объединений, их взаимоотношений между собой и с государством, рост количественных показателей конфликтов и споров на почве реализации свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений, которые находят судебное-правовое или иное решение, а также существенное увеличение количества дел, рассматриваемых Европейским судом по правам человека, вытекающих из нарушений свободы вероисповедания.

В советские годы, с одной стороны, формально провозглашалась свобода совести, издавались нормативные правовые акты, призванные обеспечить равенство всех религий и права верующих. С другой стороны, повсеместно на государственном уровне насаждался атеизм, целенаправленно принижалась и искажалась роль религии в обществе, а верующим и их объединениям в законном порядке было запрещено распространять свои религиозные убеждения и заниматься благотворительной деятельностью.

Так, середина 1950-х гг. стала для Московской патриархии относительно благоприятным временем, хотя начало этого этапа предвещало для нее мало хорошего. В государственном и партийном аппаратах началась переориентация в отношении к религиозному вопросу. Если для И.В. Сталина и В.М. Молотова в церковной политике не требовалось санкции органов ВКП(б), и в контактах с Патриархией они открыто выступали от имени Советского государства, то с 1953 г. вопросы этой политики постепенно перемещались в сферу партийного влияния и увязывались с целями и задачами атеистической работы.

В руководстве КПСС выявилось два подхода к проблеме Церкви — антирелигиозный и «государственный» (рассматривание Патриархии как своеобразной части общей системы управления страной). Почти до конца 1950-х гг. между сторонниками этих подходов шла борьба.

Смерть И.В. Сталина сама по себе могла привести к изменению позиции. У одних проснулись надежды на религиозное возрождение, у других — возникли опасения, что без сдерживающего влияния вождя целый ряд лиц из его окружения постарается «свести старые счеты» с Церковью [1, с. 348].

В июне 1953 г. в ЦК КПСС с пространством заявлением обратился председатель Совета по делам Русской православной церкви Г.Г. Карпов, желая

выяснить, какой линии следует придерживаться, какие принципы и методы работы допустимы теперь. Председатель Совета по делам РПЦ предлагал значительно расширить его права, в том числе позволить самостоятельно, не входя в правительство, открывать храмы — не более 25 в год; решать вопросы, связанные с издательской деятельностью Патриархии, работой ее мастерских; обращаться в обкомы партии по фактам администрирования. Учитывая просьбу Патриарха, Г.Г. Карпов рекомендовал взимать налоги с духовенства как с лиц свободной профессии и таким образом несколько облегчить финансовое бремя Церкви и т. д. (по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 30.04.1943 налоги с духовенства взимались по ст. 19 [15], т. е. составляли 81 %). Практически все предложения Г.Г. Карпова были отклонены по причине возможного укрепления церкви и роста ее влияния на население.

В последнее десятилетие правления И.В. Сталина Церковь заметно улучшила свое положение в обществе, число верующих значительно возросло. Такое оживление религиозной жизни вызывало сильную тревогу руководства КПСС.

Уже в 1950 г. начинают появляться статьи, в которых говорится, что «религия не отомрет сама по себе в социалистическом обществе, так что следует усиливать антирелигиозную пропаганду» [2, с. 280]. Еще ранее, в 1948 г. для популяризации научных и политических знаний учреждается Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, которое должно было уделять большое внимание антирелигиозным проблемам. Так, во Владимирской области местное отделение общества было организовано в декабре 1948 г. и к 1956 г. насчитывало около 1700 человек [7, л. 1]. Имелись районные отделения общества. Создавались сельские лекторские группы на базе средних и неполных средних школ, на предприятиях и в крупных учреждениях организовывались самостоятельные группы членов общества.

Во многих городах были открыты «Дома научного атеизма». Так, в 1952 г. в Камешковском районе Владимирской области докладчиками райкома КПСС было прочитано более 200 лекций и докладов на темы: «Наука и религия», «Сон и сновидения», «О происхождении Земли» и т. д. Агитаторами и пропагандистами проведено около 500 различных бесед. В районной газете «Знамя» и многотиражках «Свердловка» и «В бой за торф» было опубликовано 15 статей на антирелигиозные темы. Проведено 4 радиопередачи о вреде религии [11, л. 9].

Большое значение для проведения научно-атеистической пропаганды имела деятельность Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Активное участие в атеистической пропаганде среди молодежи принимали учителя школ, врачи, работники культпросветучреждений, библиотек, комсомольские организации. Большое внимание уделялось подготовке молодых специалистов по атеизму. Например, во Владимирской области работала школа атеизма, организованная Ковровским горкомом КПСС и городским отделением общества по распространению политических и научных знаний [10, л. 39].

27 марта 1954 г. заведующие отделами пропаганды и науки ЦК представили Н.С. Хрущеву совместную докладную «О крупных недостатках в естественно-научной, антирелигиозной пропаганде», в которой намеренно писали о

быстром росте влияния Церкви и развале атеистической работы. Впрочем убеждать возглавившего ЦК КПСС Н.С. Хрущева особенно и не требовалось [3, с. 510]. Из всех советских вождей того времени он более других был отвержен коммунистическому утопизму, искренне веря в скорое построение коммунистического общества, в котором не должно быть места для религии.

7 июля 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» [16, с. 502–505], подготовленное по указанию Н.С. Хрущева М.А. Суловым, Д.Т. Шепиловым и А.Н. Шелепиным, призывавшее компартии союзных республик, крайкомы и обкомы КПСС, Министерство образования, комсомол и профсоюзы развернуть антирелигиозную пропаганду. Среди многочисленных мер по усилению научно-атеистической пропаганды предусматривались: чтение лекций на естественно-научные темы, проведение тематических вечеров, вечеров вопросов и ответов, читательских конференций, киносеансов, пропаганда атеистического мировоззрения в СМИ. К примеру, за 9 месяцев 1954 г. во Владимирской области было прочитано 337 лекций на научно-атеистические темы, за 9 месяцев 1955 г. — 529, за 9 месяцев 1956 г. — 355 [8, л. 27], а в 1958 г. их число достигло 1920 [9, л. 11].

Следует отметить, что в этом постановлении никакие административные или репрессивные меры по отношению к Церкви не упоминались. Предлагалось лишь «систематически, со всей настойчивостью, методом убеждения, терпеливого разъяснения и индивидуального подхода к верующим людям» [4, с. 428] проводить антирелигиозную работу.

В сентябре 1954 г. началась подготовка нового, принятого 10.11.1954 постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» [16]. В нем отмечалось, что «вместо развертывания систематической кропотливой работы по пропаганде естественно-научных знаний и идейной борьбы с религией, в отдельных местных и центральных газетах, а также в выступлениях некоторых лекторов и докладчиков допускаются оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющих религиозные обряды» [12, с. 1]. В ряде районов со стороны местных органов и отдельных лиц допускаются случаи административного вмешательства в деятельность религиозных объединений и групп, а также грубого отношения к духовенству [5].

Период 1955–1957 гг. можно считать самым благоприятным для Православной церкви после 1947 г. Стали выпускать на свободу из лагерей и тюрем священнослужителей, вначале по амнистии, а потом по реабилитации. Продолжало расти число верующих. Сокращалось количество закрываемых храмов. Выросло число паломников.

С 1955 г. стало правилом присутствие представителей Московской патриархии на приемах в Верховном Совете и в иностранных посольствах. Это давало возможность церковным иерархам непосредственно общаться с руководителями государства и излагать им свои пожелания и ходатайства.

17 февраля 1955 г. Совет Министров принял постановление «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий» [18, л. 67], согласно которому Совету по делам РПЦ предоставлялось право регистрировать церковные общины, которые давно фактически действовали без официального разрешения. Кроме

того, решения об открытии новых храмов теперь принимались Советами Министров союзных республик, а не СССР, как раньше (по постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 28.11.1943 № 1325 «О порядке открытия церквей» [6, л. 3]). В результате количество православных храмов вновь стало расти. К середине 1950-х гг. РПЦ смогла, хотя и незначительно, увеличить число действующих храмов. Впрочем, в начале этого периода продолжался печальный процесс закрытия приходских храмов. Так, на 1 января 1953 г. церковь имела 13 555 храмов, а на 1 января 1955 г. — 13 422. Однако в 1955 г. число вновь открытых храмов уже превосходило количество закрытых и на 1 января 1956 г. достигло 13 463, а на 1 января 1957 г. — 13 477 [13].

Аналогичным образом обстояло дело и со служащим духовенством. Оно сократилось в 1953–1955 гг. с 12 089 до 11 993 человек и несколько увеличилось в последующие годы, составив в 1956 г. — 12 185, а в 1957 г. — 12 288 человек [14, с. 36].

Относительное благополучие церкви было очень непрочным. После XX съезда в партийных документах все явственнее стали проступать антицерковные установки.

Ровную линию в государственно-церковных отношениях отстаивали в основном бывшие ближайшие соратники И.В. Сталина. Первые предвестники новой антирелигиозной кампании почти совпали с крупной победой Н.С. Хрущева над сталинистами в 1957 г.

Начиналось проведение антирелигиозных мер по административной линии. 2 декабря 1957 г. Совет по делам РПЦ, уступив давлению, разослал уполномоченным указ о снятии в первом полугодии 1958 г. с учета зарегистрированных, но фактически не действующих по различным причинам храмов. Русская православная церковь оказалась на пороге нового периода тяжелейших испытаний, гонений и репрессий.

Таким образом, этап 1953–1957 гг. для государственно-церковных отношений оказался довольно противоречивым. Антицерковная борьба то утихала, то вспыхивала с новой силой. Предпринимались попытки ужесточить курс религиозной политики в СССР, но в основном наблюдалась благоприятная для расширения церковной деятельности ситуация. Однако число сторонников жесткой линии в руководстве КПСС явно преобладало, и к 1958 г. они смогли одержать решительную победу. На смену начавшемуся во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и продолжавшемуся в первые послевоенные годы относительно «потеплению» государственно-церковных отношений пришла новая волна гонений на церковь, которые получили название «хрущевских».

Список литературы:

1. Шкаровский, М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М.В. Шкаровский. — М.: Издательство Крутицкого подворья Общество любителей церковной истории, 2005. — 423 с.
2. Пospelовский, Д.В. Русская православная церковь в XX в. / Д.В. Пospelовский. — М.: Республика, 1995. — 511 с.
3. Цыпин, В., прот. История Русской православной церкви: Синодальный и новейший периоды. 2-е изд. / В. Цыпин. — М.: Сретенский монастырь, 2006. — 816 с.

4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986 гг.). Т. 8. — М.: Госполитиздат, 1985. — 1204 с.
5. Правда. — 1954. — 11 нояб.
6. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 3789. Оп. 1. Д. 1535. Л. 3.
7. ГАВО. Ф.П. 830. Оп. 3. Д. 222. Л. 1.
8. ГАВО. Ф.П. 830. Оп. 3. Д. 222. Л. 27.
9. ГАВО. Ф.П. 830. Оп. 3. Д. 580. Л. 11.
10. ГАВО. Ф.П. 830. Оп. 3. Д. 580. Л. 39.
11. ГАВО. Ф.П. 830. Оп. 2. Д. 829. Л. 9.
12. Правда коммунизма. — 1954. — № 91.
13. URL: <http://www.odinblago.ru>.
14. Цыпин, В., прот. История Русской церкви 1917–1997 / В. Цыпин. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — 831 с.
15. О подоходном налоге с населения : указ Президиума Верховного Совета СССР от 30.04.1943 // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1943. — № 17.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / под ред. П.Н. Федосеева, К.У. Черненко. — Т. 6. — М.: Политиздат, 1971. — 528 с.
17. Об изменении порядка открытия молитвенных зданий : постановление Совета Министров СССР от 17.02.1955 № 259 // ГАРФ. Ф.Р. 5446. Оп. 1. Д. 638. Л. 67.

Б.Н. Нескородов,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры административно-правовых
дисциплин Владимирского филиала
РАНХиГС при Президенте РФ

B.N. Neskorodov,
Candidate of Law, Associate Professor of
the department administrative and legal
discipline
Neskorodov@mail.ru

Проблемы юридической защиты институтов государственной власти в условиях информационной войны

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью осмысления роли авторитета институтов государственной власти в сохранении единства и целостности российского общества, характеризующегося достаточно сложной социальной структурой и регионально неоднородным экономическим потенциалом. Цель статьи — проанализировать и логически обосновать необходимость последовательной реализации идей, направленных на юридическую защиту институтов государственной власти в Российской Федерации от попыток сознательного искажения их конституционной сущности, распространения заведомо ложных и компрометирующих государственную политику сведений в средствах массовой информации, с учетом новых мировых реалий и осуществлявшейся против российского общества информационной войны со стороны геополитических противников Российской Федерации.

Ключевые слова: авторитет институтов государственной власти, защита общественных интересов, государство и общество, право общества на защиту традиционных ценностей, информационная война, государственная политика.

Problems of legal protection of state institutions in the information war

Abstract: the urgency of the article is due to the importance of understanding the role of the authority of state power institutions in preserving the unity and integrity of Russian society, characterized by a rather complex social structure and regionally heterogeneous economic potential. The purpose of the article is to analyze and logically substantiate the need for consistent implementation of ideas aimed at legal protection

of state institutions in the Russian Federation from attempts to deliberately distort their constitutional nature, dissemination of deliberately false and discrediting state policy of information in the media, taking into account new world realities and implemented Against the Russian society of information warfare from geopolitical opponents of the Russian Federation.

Keywords: authority of state power institutions, protection of public interests, state and society, society's right to protect traditional values, information war, state policy.

Анализ современной политической ситуации в мире приводит к однозначному выводу о том, что сегодня против Российской Федерации, политического руководства страны и институтов государственной власти России развязана настоящая информационная война, которая по накалу страстей и технологиям существенно превосходит так называемую «холодную войну». Научно-технический прогресс в области информационных технологий создал беспрецедентные возможности для идейного, нравственного и социально-психологического подавления граждан стран – конкурентов с помощью формирования в их сознании ложной, искаженной реальности. Это, в свою очередь, позволяет манипулировать поведением граждан стран – конкурентов, а иногда и правительствами этих стран, а при необходимости «запускать» так называемые «механизмы саморазрушения» с использованием технологий «цветных революций», различных «протестных движений» или откровенных государственных переворотов [1].

Элементарный анализ поведения лиц, участвующих в различных протестных движениях либо осуществляющих экстремистскую деятельность, показывает, что их действия, в первую очередь, обусловлены искаженным представлением о реальной действительности. Нередко это просто обманутые лживой пропагандой люди, которые в силу тех или иных обстоятельств «уверовали» в справедливость своей позиции и поступков.

Возникает вопрос: если в условиях информационной войны опасность безнаказанного распространения ложной информации, искажающей и компрометирующей деятельность институтов государственной власти Российской Федерации (например, Вооруженных сил РФ, Президента РФ, судов РФ, Правительства РФ и др.) совершенно очевидна, то почему вся правоохранительная система Российской Федерации никак не реагирует на конкретные факты публичного распространения отдельными гражданами и организациями в средствах массовой информации, в том числе на телевидении, заведомо ложной информации, например, об «аннексии» Крыма, «об оккупационных российских войсках на юго-востоке Украины», на огульные обвинения в преступной деятельности государственных служащих органов исполнительной власти, на ложные и оскорбительные для ветеранов Великой Отечественной войны интерпретации нашей истории? [2–6] Причем, многие утверждения таких деятелей полностью соответствуют озвучиваемым иностранными должностными лицами, известными своей антироссийской риторикой, лживым обвинениям против России [7–12].

Ответ прост: все это недопустимое с моральной точки зрения поведение отдельных выступающих на различных ток-шоу «политологов», «экспертов», «руководителей фондов» и пр., считающих себя носителями «либеральных

идей», с юридической точки зрения допустимо, поскольку это, якобы, их «право на выражение своего мнения», «высшее проявление демократии» в Российской Федерации.

На самом деле, по нашему мнению, это пример демагогического манипулирования принципами и идеями демократии, поскольку субъективное мнение индивида и факты объективной реальности — это совершенно разные вещи. Никакого права на распространение заведомо ложной и откровенно враждебной интересам России несоответствующей действительности информации никакая демократия предоставлять не может. Мнение может быть ошибочным, а факты объективной реальности либо имеют место, либо нет. Думается, что если лицо для аргументации своей позиции придумывает их и на них строит свою аргументацию, то такое лицо является банальным мошенником. В науке это называется фальсификацией научных выводов, в юриспруденции — подлогом, в политике же, прикрываясь ведущейся в мире «информационной войной», такие деятели заявляют о своем праве на дезинформацию [13–14].

Следовательно, возможен следующий вывод: лица, публично озвучивающие заведомо ложную, причиняющую ущерб интересам государства и российского общества информацию, дискредитирующие деятельность государственных институтов власти Российской Федерации, являются сознательными участниками информационной войны на стороне наших политических противников, т. е. представляют реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации, причиняют российскому обществу и гражданам России моральный и политический вред, подрывают авторитет институтов государственной власти, формируют ложное, искаженное представление у граждан России о политической реальности. Установленные Конституцией РФ права и свободы граждан, безусловно, являются высшими демократическими ценностями. Однако в любом цивилизованном обществе каждый гражданин, наделенный демократическими правами, должен также осознавать и свою ответственность за пользование этими правами. Обладая свободой воли и самостоятельно принимая решение о реализации своего права в той или иной форме, человек, таким образом, принимает на себя ответственность за последствия своих действий. Безответственное пользование правами, как правило, порождает их девальвацию, обесценивает их, разрушает социальную организацию. Пользуясь свободой слова и публично озвучивая свои взгляды, каждый должен осознавать свою ответственность за последствия своих действий перед обществом. И если в результате таких действий чьим-либо интересам причинен ущерб, то возникает обязанность нести за это юридическую ответственность.

Однако проблема, по нашему мнению, как раз и заключается в том, в настоящее время четкой системы юридических мер защиты авторитета институтов государственной власти просто нет. Если в гражданско-правовой сфере существуют механизмы правовой защиты чести и достоинства граждан, деловой репутации юридических лиц как участников делового оборота (ст. 151, 152 ГК РФ), то публично-правовая сфера остается открытой для неправомерных и безнаказанных посягательств, поскольку органы государственной власти не попадают под категорию участников делового обо-

рота, следовательно, категория «деловая репутация» к ним не применима. Законодательная защита государственных символов, к сожалению, не охватывает в качестве объекта правовой защиты авторитет институтов государственной власти Российской Федерации и проводимой ими политики от сознательного искажения их сущности и распространения заведомо ложной информации об их деятельности, приносящей существенный вред Российскому государству, разрушающей единство общества и доверие к системе государственного управления [15].

Полагаем, что лица, выступающие в средствах массовой информации в режиме «онлайн» и делающие публичные заявления на неограниченную аудиторию, должны предупреждаться о том, что публичное распространение ложной, не соответствующей действительности информации влечет моральную, организационную (лишение, например, права публичных выступлений в будущем на определенный срок) или юридическую ответственность. Если лицо с целью аргументации своей позиции публично приводит тот или иной факт, оно должно быть обязано указывать источник озвучиваемой информации (либо это проведенное кем-то исследование, либо данные государственной статистики, полученные в конкретном источнике, либо личное наблюдение и т. д.) и должно осознавать свою ответственность за публично совершаемые действия. Это должно быть элементом правовой культуры для всех публичных выступлений без исключения.

В одном из своих интервью от 21.03.2016 для МИА «Россия сегодня» российский журналист, политолог, автор и ведущий телепрограммы «Что делать? Философские беседы» В.Т. Третьяков, отвечая на вопрос: «Можно ли не участвовать в информационной войне, если ее развязали против тебя?», ответил: «Можно. Но тогда тебе гарантировано поражение». Это очень точное по сути замечание, подчеркивающее жесткость и бескомпромиссность информационных войн в современном мире. В.Т. Третьяков также отметил, что «современная информационная война ведется в условиях свободы СМИ и всех остальных свобод, отсутствия цензуры (даже военной), а также в условиях абсолютной прозрачности границ для передачи любой информации...», что «объем информационного продукта США (начиная от кинофильмов), распространяемого в России, многократно превосходит объем российского информационного продукта, распространяемого в США. Причем большая часть информационного продукта США распространяется в России российскими же средствами — телевидением, кинотеатрами, шоу-бизнесом, СМИ, нашей системой образования, особенно высшего, зарубежными учебниками английского языка и пр.» [16].

Поскольку права есть, а ответственности за последствия распространения ложной и не соответствующей действительности информации фактически нет никакой, мы должны признать вполне закономерным ущерб, который наносится российскому обществу в духовно-нравственной и политической сфере. Все это ставит перед Российской Федерацией и гражданами, являющимися, как правило, жертвами ведущейся против них информационной войны, крайне сложную задачу, направленную на сохранение своей государственности, многообразной национальной культуры и объединяющих духовных ценностей.

Представляется, что в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях гл. 17 «Административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти» следует дополнить ст. 17.16: «Публичное распространение заведомо ложной информации, дискредитирующей органы и институты государственной власти Российской Федерации». Наказание за указанные действия может предусматривать вынесение предупреждения либо наложение на виновных лиц штрафов, адекватных причиненному ущербу охраняемым интересам, и (или) запрет на публичные выступления на определенный срок.

Для минимизации последствий ведущейся против России информационной войны требуется полная консолидация общества, формирование в России комплексной системы мер идеологической защиты общества, включающей в себя политическую волю руководства страны и всех институтов власти, деятельность общественных институтов, адекватные юридические и организационно-правовые меры, а также взаимодействие и солидарность различных национальных образований и конфессий.

Список литературы:

1. Патрушев, Н. Вызов принят.: подготовлена обновленная Стратегия национальной безопасности РФ // Российская газета. — 2015. — 22 дек.
 2. URL: http://kinofak.net/publ/peredachi/vremja_pokazhet_s_petrom_tolstym_30_03_2017_hd_12/12-1-0-1155.
 3. URL: https://russia.tv/brand/show/brand_id/60851.
 4. URL: <http://vipvideoclub.ru/video/pravo-golosa-s-romanom-babajanom-23-02-2.html>.
 5. URL: <http://vipvideoclub.ru/video/mesto-vstrechi-30-03-2017-ukraina-warnin.html>.
 6. URL: <http://echo.msk.ru/>.
 7. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QHVOzPjbeeY>.
 8. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Y8XIfE5Ni70>.
 9. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kTJnVF7jkVg>.
 10. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hgBxd6U02I>.
 11. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zh86agX56aQ>.
 12. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-world/2172323-v-tallinne-piketirovali-posolstvo-rf-vspomnili-i-o-susenko.html>.
 13. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1402786-kto-takoj-vjacheslav-kovtun.html>.
 14. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1395813-kto-takaja-olesja-jahno-kakaja-biografija.html>.
 15. Герман, О.Б. Уголовно-правовая защита государственной символики России / О.Б. Герман, А.А. Колесниченко // Философия права. — Ростов н/Д: Ростовский юридический институт МВД России.
 17. Третьяков, В.Т. Информационная война — тоже война. — URL: <http://www.rodon.org/society-160324123847>.
-

И.С. Агафонов,
соискатель кафедры гражданского
и семейного права Саратовской
государственной юридической академии

I.S. Agafonov,
Applicant of the Department of civil and
family law Saratov State law Academy
utsc@mail.ru

Обязательство коммерческого кредита

Аннотация: в статье на основе анализа действующего законодательства, основных доктринальных положений исследованы отдельные теоретические вопросы правового регулирования обязательства коммерческого кредита. Затронуты методологические проблемы исследования коммерческого кредита, что является актуальным для развития юридической науки. Автор предлагает вариант их решения на основе разработки научного языка, на котором можно было бы анализировать правую составляющую заемных отношений, учитывающих варианты построения экономической политики и ее связи с внешней средой. Отмечается, что коммерческий кредит представляет собой не самостоятельную сделку заемного типа, а условие, содержащееся как в основном договоре, так и в дополнительном соглашении. В то же время коммерческий кредит может выполнять самостоятельную роль, если данное условие предусмотрено в основном обязательстве.

Ключевые слова: коммерческий кредит, заемное обязательство, правовая природа, сильная сторона, интересы сторон, проценты по обязательству коммерческого кредита, законные проценты.

Commercial loan liability

Abstract: this article studies certain theoretical issues regarding legal regulation of commercial loan liability based on the analysis of current legislation and the principal doctrinal guidelines. The article touches upon the methodological problems of the study of a commercial loan, which is relevant for the development of legal science. The author offers alternative solutions through the development of scientific language in which to analyze the right component of debt relations, taking into account the recent development in economic policy and its relationship with the external environment. It is noted that the commercial credit represents not the independent transaction of the borrowed type, and condition contained in the basic agreement and the supplementary agreement. But at the same time, a commercial loan can perform.

Keywords: commercial loan, loan liability, legal nature, strong party, interests of the parties, interests on commercial loan, statutory interests.

В настоящее время развитие законодательства в сфере правового регулирования коммерческого кредита происходит недостаточно динамично, несмотря на существующую потребность участников экономического оборота и государства. Следует отметить, что Концепцией развития гражданского законодательства от 07.10.2009 [1] и Федеральным законом от 18.07.2011 № 216-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Гражданского кодекса Российской Федерации» [2], другими актами не предусмотрено расширение норм права, касающихся понятия коммерческого кредита и его признаков и форм. Однако установление в законе исчерпывающих признаков и форм коммерческого кредита необходимо в целях развития устойчивого экономического оборота. Поэтому для достижения практического результата в области построения системы коммерческого кредитования наиболее значимым является доктринальное осмысление норм права, регулирующих коммерческий

кредит на основе системного подхода [3, с. 3–11; 4, с. 132]. Дополнительно можно отметить, что для исследования заемных обязательств полезно разработать научный язык, на котором можно было бы анализировать правовую составляющую заемных отношений, учитывающих варианты построения экономической политики и ее связь с внешней средой. Полагаем, что подходящий язык можно создать на основе относительно небольших, но хорошо структурированных логических моделей, описывающих связь государства, производства, потребления, кредитной системы.

В специальной литературе с момента принятия действующего Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) вызывал полемику вопрос определения правовой природы коммерческого кредита. Например, в доктрине гражданского права существует точка зрения о том, что определение коммерческого кредита, содержащееся в ГК РФ, не охватывает всех случаев возможного кредитования [5, с. 421–432]. При рассмотрении коммерческого кредита отдельными специалистами затруднительна сама квалификация отношений коммерческого кредитования, а понятийный аппарат, предложенный законодателем, вызывает сомнения [6]. Думается, что недостоверное понимание правовой природы коммерческого кредита приводит к ряду негативных моментов для экономического оборота, а также отражается на формировании правоприменительной практики.

Для наиболее детального изучения коммерческого кредита необходимо предварительно сформулировать определение понятия данного явления и установить его сущность. Сопоставление различных точек зрения [7, с. 41–42; 8, с. 252; 9, с. 160], а также рассмотрение материалов справочно-энциклопедических изданий [10, с. 657] позволило сформулировать следующее определение: коммерческий кредит — это вид заемного обязательства, возникающего между кредитором и заемщиком при поставке товаров, оказании услуг, выполнении работ, а также принятии их результата на началах платности, возвратности, срочности, обеспеченности.

Для обязательства коммерческого кредита законодатель не установил специальных требований к его форме, что привело к возникновению различных мнений о возможной форме договора, содержащего условие коммерческого кредита. По нашему мнению, коммерческий кредит представляет собой не самостоятельную сделку заемного типа, а условие, содержащееся как в основном договоре, так и в дополнительном соглашении. В то же время коммерческий кредит может выполнять самостоятельную роль, если данное условие предусмотрено в основном обязательстве.

Обязательство коммерческого кредита возникает только по достижении соответствующего соглашения. Следовательно, если участники экономического оборота заключают договор, содержащий условие о предоставлении коммерческого кредита, то наряду с основным обязательством, непосредственно связанным с основным договором, в договор включается условие о предоставлении коммерческого кредита. Возникает вопрос: можно ли отнести договор поставки, подряда, аренды и т. д., содержащий условие о предоставлении коммерческого кредита (в виде аванса, предварительной оплаты, отсрочки и рассрочки оплаты товаров, работ или услуг), к так называемому

смешанному договору (п. 3 ст. 421 ГК РФ)? По всей видимости, можно, т. к. договор, содержащий условие о передаче в собственность другой стороне вещей, определенных родовыми признаками, оказании услуг, выполнении работ и т. д., может содержать условие дополнительного обязательства, что соответствует правовой природе смешанного договора. И в специальной литературе коммерческий кредит рассматривается как отсрочка исполнения какой-либо обязанности по основному договору [11, с. 34].

При рассмотрении вопросов о возмездности коммерческого кредита возникает вопрос: что представляют собой проценты за пользование коммерческим кредитом? По нашему мнению, процентом по обязательству коммерческого кредита является вознаграждение займодавца, уплаченное за возможность использования кредита в денежной или товарной форме за оказанные услуги, выполненные работы в размере и в порядке, установленных соглашением сторон.

В настоящее время в гражданском законодательстве происходят большие изменения. В частности, ст. 317.1 ГК РФ предусматривает право кредитора на получение процентов за пользование денежными средствами по денежным обязательствам, сторонами которых являются коммерческие организации. Такие проценты (законные проценты) подлежат уплате, если иное не предусмотрено законом или договором. Ввиду принятия законодателем ст. 317.1 ГК РФ отметим, что, на наш взгляд, в ходе правоприменения будет сформировано устойчивое представление о возможности применения законных процентов к заемным отношениям (п. 1 ст. 809 ГК РФ).

Применительно к обязательству коммерческого кредита ситуация в формировании правоприменительной практики осложнится тем, что ст. 487, 488, 823 ГК РФ не претерпели изменений в связи с изменением ст. 317 ГК РФ. Очевидно, что ст. 317.1 ГК РФ была введена законодателем в действующий ГК РФ с целью установления платы за пользование денежными средствами. По нашему мнению, исходя из сформулированного определения процента по обязательству коммерческого кредита, законные проценты по денежному обязательству, предусмотренные ст. 317.1 ГК РФ, отличаются по своей сущности от процентов за пользование коммерческим кредитом. Гражданское право имеет дозволительный тип правового регулирования, поэтому с учетом свободы договора и иных принципов стороны заемного обязательства могут исключить уплату законных процентов предусмотренных ст. 317.1 ГК РФ, волей сторон. Думается, что ст. 317.1 ГК РФ была предусмотрена законодателем как дополнительная мера гражданско-правовой ответственности за пользование денежными средствами и применяется диспозитивно по соглашению сторон, если не предусмотрено иное. В. Петров справедливо подчеркнул: «Не следует при этом смешивать применение ст. 317.1 ГК РФ и схожих статей (например, положение о коммерческом кредите). Такое применение является различным и по своим основаниям, и по наступающим правовым последствиям» [12].

Стороны заемного обязательства в соответствии со ст. 421 и 422 ГК РФ свободны в определении условий договора, если они не противоречат закону

или иным правовым актам. Законодатель не ограничил размер выплаты процентов за пользование коммерческим кредитом. Он не ставит целью защитить интересы заемщика, хотя заемщик является слабой стороной в обязательстве. К сильной стороне в обязательстве коммерческого кредита можно отнести кредитора, поскольку нередко именно кредитор может диктовать свои условия заемщику и изначально предусмотреть соответствующие условия по защите своих прав в договоре, даже если не обладает доминирующим положением на рынках. Вследствие этого у заемщика возникает риск неисполнения обязательства коммерческого кредита при неблагоприятном для него развитии событий. В связи с этим в нормативных правовых актах, затрагивающих регулирование коммерческого кредита, должны быть предусмотрены механизмы осуществления защиты субъективных прав и законных интересов слабой стороны. Убедительно по этому поводу высказался Е.В. Вавилин: «Выравнивание положений сторон возможно как с позиции одностороннего усиления прав одной стороны (слабого субъекта в обязательстве), так и с позиции усиления гражданско-правовой ответственности или увеличения обязанности другой стороны (сильной стороны в обязательстве)» [13, с. 78]. Следует подчеркнуть, что данная точка зрения представляется прогрессивной для развития науки гражданского права в целом.

Развивая точку зрения Е.В. Вавилина, отметим, что сохранить свои интересы кредитор (если он — слабая сторона в возникшем обязательстве) может, применив к основному обязательству механизм обеспечения исполнения заемного обязательства. Данный механизм станет гарантом кредитора в выравнивании интересов сторон. В действующем гражданском законодательстве не установлен императивный характер обеспечения коммерческого кредита. В связи с этим представляется, что обеспечение коммерческого кредита не играет роли правового принципа, а является экономическим стимулятором действий заемщика, исключающих необходимость избежания неблагоприятных последствий для кредитора.

Следует отметить, что в Постановлении Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 08.10.1998 № 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» [14, с. 7–14] не было сделано разъяснение о необходимости указания в основном договоре в обязательном порядке условия о предоставлении коммерческого кредита. Однако в судебной практике не сделано однозначного вывода о необходимости указания в основном договоре условия о коммерческом кредите, а также условия о выплате процентов заемщиком за предоставленный коммерческий кредит. Так, в решении ФАС Уральского округа от 27.08.2009 № Ф09-6259/09-С5 по делу № А60-872/2009-С2 сделан вывод, что не всякое предусмотренное договором несовпадение момента оплаты работ с моментом принятия их результата является согласованным сторонами условием о коммерческом кредите [15]. Однако в постановлении ФАС Московского округа от 25.04.2006 № КГ-А41/2041-06 содержится противоположная точка зрения: «Коммерческим кредитованием может считаться всякое несовпадение во времени встречных обязанностей по заключенному договору, когда товары поставляются (работы выполняются, услуги оказываются) ранее

их оплаты, либо платеж производится ранее передачи товаров (выполнения работ, оказания услуг)» [16]. Очевидно, что данная точка зрения основывается на анализе толкования норм ГК РФ, на том, что гражданское право имеет дозволительный тип правового регулирования, и выглядит почти безупречно. Однако при всей безупречности данная позиция является спорной, что показал проведенный анализ примеров из судебной практики. Так, известны случаи, когда невозможно осуществить взыскание процентов за пользование коммерческим кредитом при несогласованности соответствующего условия в договоре даже при анализе судом договорных условий для определения наличия воли сторон на установление отношений по коммерческому кредиту [17].

Полагаем, что на основе проведенного анализа норм действующего законодательства и судебной практики необходимо включить в ст. 823 ГК РФ дополнительный пункт в следующей редакции:

— условие об уплате процентов за пользование коммерческим кредитом должно содержаться в основном договоре или дополнительном соглашении к нему.

В заключение отметим, что проблемы правового регулирования коммерческого кредита нуждаются в системном исследовании с целью обеспечения развития конкуренции на кредитном рынке и повышения устойчивости национальной экономической системы в условиях кризиса. Необходима национальная программа исследования коммерческого кредита и практики реализации законов и иных нормативных правовых актов в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 11.
2. О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон РФ от 02.10.2012 № 166-ФЗ // Российская газета. — 2012. — № 5903.
3. Пышьева, Е.А. Право как самоорганизующаяся система : дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Пышьева. — М., 2015. — 214 с.
4. Агафонов, И.С. Совершенствования правовых основ экономической деятельности государства на примере правового регулирования обязательства коммерческого кредита // Актуальные вопросы российского гражданского права : сборник научных статей. — Вып. 26. — М.: Московский гуманитарный университет, 2013. — С. 130–132.
5. Брагинский, М.И. Договорное право : в 2 т. — Т. 1 : Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. — М.: Статут, 2006. — 736 с.
6. Микрюков, В.А. Проблемы регулирования товарного и коммерческого кредита [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
7. Азбукин, А.В. Коммерческий кредит. Особенности функционирования и дальнейшего развития в России : дис. ... канд. экон. наук / А.В. Азбукин. — М., 2003. — 179 с.
8. Завидов, Б.Д. Договорное право России : науч.-практ. пособие / Б.Д. Завидов. — М.: ИПК «Лига Разум», 1988. — 572 с.
9. Медведев, Д.А. Проблемы реализации гражданской правосубъективности государственного предприятия : дис. ... канд. юрид. наук / Д.А. Медведев. — Л., 1990. — 215 с.
10. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Советская энциклопедия, 1989. — 1632 с.

11. Соломин, С.К. Теоретические проблемы гражданско-правового регулирования банковских кредитных отношений : дис. ... д-ра юрид. наук / С.К. Соломин. — М., 2010.
12. Петров, В. Гражданское право: актуальные новеллы [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
13. Вавилин, Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Е.В. Вавилин. — М.: Статут, 2016. — 416 с.
14. О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами : постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.1998 № 13/14 // Вестник ВАС РФ. — 1998. — № 11. — С. 7–14.
15. Постановление ФАС Уральского округа от 27.08.2009 № Ф09-6259/09-С5 по делу № А60-872/2009-С2 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».
16. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 25.04.2006 № КГ-А41/2041-06 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».
17. Постановление ФАС Уральского округа от 03.08.2006 № Ф09-6765/06-С3 по делу № А60-24734/05 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

К.С. Кротов,
аспирант

кафедры административного и
муниципального права Саратовской
государственной юридической академии

K.S. Krotov,

postgraduate student, Department of
administrative and municipal law of
Saratov State Law Academy
kirillkrotov@mail.ru

О взглядах на явление недобросовестной конкуренции в дореволюционный период российской истории

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью рыночных отношений. Адаптируя право к новым экономическим условиям, необходимо рассмотреть основы института конкуренции, проанализировать задатки правового регулирования и понимания определения, сущности и социальной оценки свободного экономического соперничества в разные исторические периоды. Основной целью статьи является анализ понятия и форм недобросовестной конкуренции в имперский период. При написании работы использовались как общенаучные методы анализа и синтеза, так и частнонаучные (функциональный и исторический). Полученные результаты позволяют сделать вывод о глубоком теоретическом осмыслении данной категории уже в рассматриваемый исторический период, а также сформировать представление об основных формах недобросовестной конкуренции.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, реклама, капитализм, имперский период, свободная торговля.

About views on phenomenon of unfair competition in pre-revolutionary period of Russian history

Abstract: actuality of article linked to important place of market relations in today's world. During the adaptation of law to the new economic circumstances, a look at the base of the institute of competition, analyze of genesis of law regulation and understanding of definition, essence and social assessment of the free economic competition in different historical periods is absolutely necessary. A main purpose of article is analysis of definitions and forms of unfair competition in imperial period. During the writing of this paper author used a general scientific methods like analyze and synthesis and specific methods (functional and historical methods). The result of research is consideration of series of definitions and positions about unfair competition which allows to make a conclusion about deep theoretical understanding of this category even in considered historical period, and also to form understanding of main ways of unfair competition.

Keywords: unfair competition, advertisement, capitalism, imperial period, free trading.

Интенсивное развитие коммерческих отношений повышает актуальность правового регулирования конкуренции, вопросов законности и добросовестности ее отдельных форм. Для ее глубокого изучения необходимо исследование эволюции взглядов на роль конкуренции в жизни государства и общества. Анализируя работы дореволюционных правоведов, посвященные проблемам недобросовестной конкуренции, стоит отметить глубокую детализацию вопросов понятия, сущности, даже отдельных форм недобросовестной конкуренции, что представляет большую теоретическую значимость.

Недобросовестная конкуренция во все времена была специфическим объектом правового регулирования. Не случайно профессор Г.Ф. Шершеневич отметил, что «предприниматели защищаются не во имя добрых нравов, на которые часто ссылаются, потому что обычная конкуренция предприятий, происходящая ежедневно на наших глазах, соединяющаяся с тяжелыми сценами торжества победителя над разоренным противником, не признается противной нравственности в современном общественном сознании. Защита выступает на сцену тогда, когда борьба выходит за пределы состязания одними экономическими силами, когда один из противников, обыкновенно экономически слабейший, прибегает к приемам борьбы, не устранимым экономической силой. В этом сохранении за конкуренцией характера исключительного экономического состязания состоит весь смысл законодательного или судебно-практического противодействия так называемой недобросовестной конкуренции» [1, с. 115].

Именно в разграничении конкурентных действий с морально-этической точки зрения и заключается главный вопрос правового регулирования экономического соперничества — необходимо проводить грань между допустимым и недопустимым в конкуренции, и задача законодателя — недвусмысленно обозначить эту границу [2, с. 97]. Несмотря на стремительный научно-технический прогресс, многочисленные изменения в государственно-правовом строе России за последние сто лет — изменения, которые представляется верным назвать эпохальными, — несмотря на все это, основная суть вопросов регулирования конкуренции осталась прежней. Прежде всего, как писал Л.М. Зайцев, «характерной чертой деликта недобросовестной конкуренции является то обстоятельство, что здесь карается не самая сущность деяния, заключающегося в стремлении к коммерческой победе над другими лицами, занимающимися той же профессиональной деятельностью, а лишь определенные средства являются воспрещенными» [3, с. 3].

Стоит отметить, что в рассматриваемый в настоящей статье исторический период наибольшее внимание исследователями уделялось анализу сущности и определению уже тогда многочисленных форм недобросовестной конкуренции. Тем не менее наиболее популярные в то время подходы к понятию недобросовестной конкуренции концептуально были весьма близки. Так, в частности, Г.Ф. Шершеневич, определяя данное явление, писал о стремлении хозяйствующих субъектов «воспользоваться промышленными идеями своих соперников» для продвижения своих товаров или услуг, в связи с чем «слабым предприятиям открывается возможность использовать экономический успех, достигнутый более сильными, где различными уловками еще

возможно парализовать действие экономической силы. Эти средства борьбы не отличаются моральной чистотой, почему основанная на них конкуренция и получает название недобросовестной» [1, с. 112].

В то же время В. Шретер писал, что «во всякой борьбе, происходящей в культурных условиях, есть предел дозволенного, вне которого она утрачивает значение фактора, оживляющего энергию ее участников. Между тем, опыт показывает, что всегда имеются такие конкуренты, которые в погоне за покупателем прибегают к обманным и недостойным приемам, вносящим разложение в сферу торговых отношений и подрывающим деятельность здоровых и полезных предприятий. Эти проделки давно уже известны в обороте под именем недобросовестной конкуренции» [4, с. 548].

Профессор А.И. Каминка, исследуя недобросовестную конкуренцию, более века назад заметил, что это «зло по существу не новое, новы только формы его проявления» [5, с. 141]. Интересно признать безусловную актуальность высказывания и в настоящее время — несмотря на интенсивное развитие рынка, появление новых способов конкуренции, суть данного явления неизменна. И именно разнообразие «форм проявления» конкуренции и предопределяет разграничение конкуренции законной и незаконной. Причем, еще в период Российской империи безусловным был тот факт, что конкурентные действия формально могут оставаться в рамках закона, но быть при этом совершенно недопустимыми с морально-нравственной точки зрения. Наиболее сложным и в настоящее время является именно сочетание законности активного соперничества на рынке с недопустимостью использования недобросовестных конкурентных действий.

Среди форм недобросовестной конкуренции уже в рассматриваемый временной период большое внимание исследователей уделялось рекламе. Так, А.И. Каминка считал, что «именно потому, что реклама является лучшим и наиболее распространенным способом привлечения клиентеллы, следовательно, лучшим способом конкурирования, она является и ареной наибольшего количества злоупотреблений, наибольшего количества проявлений недобросовестной конкуренции» [5, с. 152]. Схожий, но более широкий подход к рекламе высказывал современник названного автора, В. Гольденберг, который сводил практически все действия недобросовестной конкуренции к ложной мошеннической рекламе, направленной либо на восхваление с помощью недобросовестных приемов товаров, продукции и услуг лица, создающего такую рекламу, либо на дискредитацию товаров и продукции конкурента, и тем самым привлечение к себе клиентуры (так называемая «реклама наоборот») [6, с. 59]. К ложной рекламе В. Гольденберг относил такие действия, как неверное указание качества товара, способа производства, сравнение цены товара с себестоимостью продукции и ценами конкурентов, указание на несоответствующий действительности источник происхождения товара, обладание несуществующими наградами, смешение с товарами и услугами конкурентов, неверное указание цели и причины продажи или распродажи товаров. В качестве особых случаев недобросовестной практики он выделял обман клиентов в отношении количества товара, не наносящий им ущерба, но отвлекающий их от конкурентов (например, продажа ниток по более низ-

кой, чем обычно цене, хотя количество ниток в катушке меньше обычного и соответствует указанной цене. В этом случае страдает не покупатель, а лишь добросовестный конкурент). Это действие недобросовестной конкуренции относится В. Гольденбергом к обманной рекламе. «Рекламой наоборот» он называл также диффамацию (дискредитацию) товаров, услуг и личности конкурента. В особые категории им выделены смешение одного предприятия с другим, раскрытие секретов торговли и производства служащими предпринимателя и сманивание служащих конкурента с целью завладения особенностями (секретами) его производства [6, с. 54–55].

О введении в заблуждение также писал П.П. Цитович. По его мнению, «употреблять чужую фирму — значит совершать подлоги чрез подделку подписи или же совершать обманы — чрез подделку клейма. Но употребить чужую вывеску, если вывеска не заключает в себе имени — значит составить и себе вывеску одинаковую или кажущуюся одинаковою с вывескою чужой торговли. Составление и выставление вывески одинаковой (или кажущейся одинаковою) с вывеской чужой торговли может явиться приемом и *conspus*’ом бесчестной конкуренции (*conspicence déloyale*), если одна и другая торговля одинакового рода и находятся по соседству. Тут бесчестная вывеска рассчитана не столько на то, чтоб привлечь к себе, сколько на то, чтоб отвлечь публику от соседа» [7, с. 64–65].

Подчеркивая важность информации в ходе экономического соперничества, В. Шретер отмечал, что «вывесть секрет внутреннего распорядка и использовать плоды чужого труда для собственного дела, вывести деловые связи, которые всюду составляют, по понятным соображениям, строгую тайну, и перехватить клиента, подогнать свой товарный знак, фирму и т. п. так близко под отличительные знаки своего конкурента, чтобы ввести в заблуждение публику и привлечь ее спрос к себе — все это, можно сказать, классические случаи недобросовестной конкуренции» [4, с. 550].

Кроме того, велись дискуссии о таких формах недобросовестной конкуренции, как подкуп поставщиков с целью сговора, дискредитация конкурента, а также различные нарушения коммерческой либо производственной тайны. Отдельно стоит сказать об отнесении к недобросовестной конкуренции недостоверных сведений о месте происхождения товара. Впоследствии этот и другие объекты интеллектуальной собственности получали все более подробную правовую регламентацию, тесно переплетаясь с коммерческой конкуренцией. Однако подробная правовая регламентация таких действий содержалась в то время преимущественно в законодательных актах Франции [8, ст. 1382; 9, с. 1386; 10], Германии [11], Великобритании [12].

Разделяя столь скрупулезный подход названных авторов к пониманию форм недобросовестной конкуренции, в том числе в части правовой оценки недостоверной рекламы, хотелось бы, тем не менее, внести определенное дополнение. Мы находим интересной логику В. Гольденберга, однако представляется все же не совсем точным относить к рекламе такие действия, как неверное указание качества товара, способа производства, сравнение цены товара с себестоимостью продукции и ценами конкурентов, смешение с товарами и услугами конкурентов и прочие, как это предлагал автор. На наш

взгляд, классификационным критерием в этом случае должна служить не рекламная функция данных действий с основной целью в виде привлечения интереса покупателя и предложения приобрести товар, а более широкий атрибут в виде манипулирования информацией. Отдельно хотелось бы отметить смешение с товарами и услугами конкурентов, которое также, по своей сути, является искажением информации о товаре, но едва ли может служить примером рекламы.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что явление недобросовестной конкуренции уже в дореволюционный период было объектом глубоких исследований, результатом которых стало понимание сущности конкуренции — явления социально полезного, однако нуждающегося в государственном регулировании. Кроме того, интересен подход исследователей рассматриваемого исторического периода к формам недобросовестной конкуренции, которые можно свести к недостоверной рекламе; сравнительной рекламе; введению в заблуждение потребителей (в частности, относительно качества и места происхождения товара, причины распродажи товаров); дискредитации конкурента; смешению с товарами или услугами конкурентов; нарушению прав на секрет производства, а также коммерческую и производственную тайну.

Список литературы:

1. Курс торгового права профессора Московского университета Г.Ф. Шершеневича. Т. 2: Товар. Торговые сделки. — 4-е изд. — СПб.: Издание бр. Башмаковых, 1908. — 631 с.
2. Губернаторов, И.Ю. Система требования к добросовестной конкуренции в российском законодательстве // Законы России. — 2009. — № 2. — С. 95–102.
3. Зайцев, Л.М. О наказуемости недобросовестной конкуренции // Отдельный отиск из журнала научной юриспруденции «Вопросы права», кн. X (2). — М., 1912. — 21 с.
4. Шретер, В. Недобросовестная конкуренция // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. — М.: Статут, 2005. — 620 с.
5. Каминка, А.И. Очерки торгового права. Вып. 1 / А.И. Каминка. — СПб.: Типография А.Г. Розена, 1911. — 437 с.
6. Гольденберг, В.А. Недобросовестная промышленная конкуренция // Вестник права. — 1901. — № 6. С. 48–81.
7. Цитович, П.П. Учебник торгового права. Вып. 1 / П.П. Цитович. — СПб.; Киев: Издание книгопродавца М.Я. Оглоблина, 1891. — 300 с.
8. Le Code Civil Francais. Version en vigueur au 19 février 1804 // Legifrance.gouv.fr. La service public de la diffusion du droit: [сайт]. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCodeArticle.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721&idArticle=LEGIARTI000006438819> (дата обращения: 28.11.2016).
9. Pouillet, E. Traité des marques de fabrique et de la concurrence déloyale en tous genres / E. Pouillet. — Paris, 1912. — 1358 с.
10. Thaller, E. Traité élémentaire de droit commercial / E. Thaller. — Paris, 1904. — 1127 с.
11. Reichsgesetz gegen den Unlauteren Wettbewerb v. 7 Juni 1909 г. // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz: [сайт]. — URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/uwg/gesamt.pdf> (дата обращения: 28.11.2016).
12. Prevention of corruption act. 1906 // Electronic Irish Statute Book (eISB): [сайт] — URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/1906/act/34/enacted/en/print> (дата обращения: 28.11.2016).

А.В. Колязина,
соискатель кафедры
административного и муниципального
права Саратовской государственной
юридической академии

A.W. Kolyazina,
aspirant of the Department of
Administrative and Municipal Law Saratov
State Law Academy
aleksandra_meshk@mail.ru

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемые органами государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере

***Аннотация:** статья посвящена исследованию особенностей применения органами государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Актуальность статьи обусловлена важностью применения мер обеспечения производства органами государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере для эффективного рассмотрения дел об административных правонарушениях, а также активным использованием данного правового института в настоящее время. Автор рассматривает меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как системное понятие, дает определение применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях органами государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере и их должностными лицами, выявляет основные и специфические признаки мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемых органами государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере и их должностными лицами.*

***Ключевые слова:** меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, государственный контроль, государственный надзор, жилищно-коммунальная сфера, административное правонарушение, меры административного принуждения.*

Measures of maintenance of manufacture on affairs about administrative offenses, applicable state control and supervision bodies in the sphere of housing and communal services

***Abstract:** in the article actual questions arising the specific application by the state control and supervision in the sphere of housing and communal measures ensuring proceedings in cases of administrative offenses. The relevance of the article due to the importance of the application of measures to ensure the production of bodies of state control and supervision in the sphere of housing and utilities to effectively deal with cases on administrative offenses, as well as the active use at the present time this legal institution. The author considers the measures to ensure proceedings on administrative offenses as a systemic concept, defines the use of measures of maintenance of manufacture on affairs about administrative offenses bodies of the state control and supervision in the housing sector and their officials, identifies the basic and specific features of software of the cases measures on administrative violations, applied by the state control and supervision in the sphere of housing and communal services and their officials.*

***Keywords:** measures to ensure of the cases on administrative offenses, state control, government supervision, housing and communal services, administrative offense, administrative coercive measures.*

139

В широком арсенале мер административного принуждения особое место отведено мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Это положение исходит из их организационного потенциала, позволяющего воздействовать на общественные отношения [1, с. 3].

По мнению таких ученых-административистов, как Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров, мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении отводится важная роль в осуществлении производства по делам об административных правонарушениях [2, с. 483]. С этим трудно не согласиться, однако для целей настоящей статьи необходимо подробное исследование значения мер обеспечения производства и их роли в производстве по делам об административных правонарушениях.

Как справедливо отмечают А.Ю. Соколов и В.В. Попов, «действующее административно-деликтное законодательство предусматривает отдельную кодифицированную главу с детальной регламентацией мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» [3, с. 72]. Однако в юридической литературе встречаются различные дефиниции данного правового явления.

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях представляют собой самостоятельную, урегулированную в законодательстве группу мер, целью которой является создание условий для полного, объективного и эффективного осуществления данного вида юрисдикционного производства. Так, А.Ю. Соколов рассматривает меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как особую систему мер [4].

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях — сложный правовой институт с присущими ему разнообразными связями, специфической структурой и процессуальным порядком реализации.

В КоАП РФ не закреплено легальное понятие мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, отсутствуют нормы, в которых определяется понятие системы мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях необходимо рассматривать как системное понятие, поскольку они обладают единством, обусловленным целью обеспечения производства по делу, единообразным административным порядком применения, схожестью в основаниях применения, а также в субъектах воздействия, закреплением в нормах правового акта, составляющим основу административно-деликтного законодательства. Наличием общих черт определяется специфика данного вида административного принуждения [5, с. 56].

Согласно мнению Е.И. Сидорова, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях четко вписываются в правовую конструкцию: меры административного принуждения — меры административного пресечения — меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях — меры ответственности, являясь элементом ее логического развития [6, с. 11–12].

Исходя из вышесказанного, очевидна необходимость рассмотрения мер обеспечения производства в качестве самостоятельного вида административного принуждения.

Прежде всего, необходимо выявить содержание понятия «применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях органами государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере и

их должностными лицами». Данную дефиницию можно представить следующим образом: это урегулированная нормативными правовыми актами процессуальная деятельность уполномоченных лиц органов государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере, осуществляемая в рамках производства по делам об административных правонарушениях в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, а также обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления, для решения задач, возложенных государством на органы государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере и их должностных лиц.

Применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях органами государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере обусловлено рядом особенностей. Во-первых, несмотря на систематизированное урегулирование в КоАП РФ, отдельные вопросы применения данных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях регулируются и иными нормативными правовыми актами, к которым относятся: Гражданский кодекс РФ, Жилищный кодекс РФ, Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [7], Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [8], Постановление Правительства РФ от 11.06.2013 № 493 «О государственном жилищном надзоре» [9], а также акты регионального уровня.

Во-вторых, должностные лица органов государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере имеют право применять не все указанные в ст. 27.1 КоАП РФ меры обеспечения производства. Например, такие меры обеспечения производства, как «отстранение от управления транспортным средством», «освидетельствование на состояние алкогольного опьянения», «медицинское освидетельствование на состояние опьянения» (ст. 27.12. КоАП РФ), «задержание транспортного средства» (ст. 27.13 КоАП РФ) этими органами применяться не могут. При осуществлении производства по делу об административном правонарушении должностные лица органов государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере чаще всего применяют изъятие вещей и документов (ст. 27.10–27.11 КоАП РФ). Не все должностные лица в полной мере осознают ценность обеспечительной функции рассматриваемых мер, что связано с организацией правоприменительной деятельности. Только в случае обнаружения признаков правонарушений, предусмотренных, например, ст. 19.4 или 20.25 КоАП РФ, должностные лица должны прибегнуть к содействию органов внутренних дел для доставления (ст. 27.2 КоАП РФ) или административного задержания (ст. 27.3–27.6 КоАП РФ).

Согласно пункту 5 ст. 198 Жилищного кодекса РФ, если в течение календарного года лицензиату судом два раза и более было назначено административное наказание за неисполнение или ненадлежащее исполнение предписания в отношении многоквартирных домов в его управлении, сведения о таких домах

исключаются из реестра лицензий субъекта Российской Федерации, а лицензия аннулируется. Происходит это по решению суда на основании заявления органа государственного жилищного надзора, поданного в суд на основании решения лицензионной комиссии. До рассмотрения решения лицензионной комиссии об аннулировании лицензии судом действие лицензии приостанавливается. Поэтому данный период можно рассматривать как результат применения меры обеспечения в виде временного запрета деятельности по основаниям, указанным не в КоАП РФ, а в ч. 5 ст. 198 Жилищного кодекса РФ.

В-третьих, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях применяются только теми должностными лицами, которые уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях и реализовывать отдельные положения КоАП РФ. К примеру, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренным ст. 6.24, 7.21–7.23, ч. 1 ст. 7.23.2, ч. 4 и ч. 5 ст. 9.16, ч. 1 ст. 13.19.2 КоАП РФ согласно ст. 23.55 КоАП РФ могут применять органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие региональный государственный жилищный надзор, а органы Роспотребнадзора имеют право рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных гл. 4 КоАП РФ (ч. 1 ст. 14.4, ч. 2 ст. 14.6, ст. 14.7, 14.8).

В-четвертых, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях могут применяться в отношении как физических, так и юридических лиц.

В-пятых, особенностью применения мер обеспечения при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях в органах государственного контроля и надзора жилищно-коммунальной сферы являются фактические основания их реализации. Основанием применения мер обеспечения производства является нарушение конкретным лицом правил, требований, нормативов (например, «СанПиН 2.1.2.2645-10. Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы» [10], «Минимальный перечень услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения» [11] и др.). В большинстве случаев перед применением мер обеспечения осуществляются предварительные мероприятия контрольно-надзорного характера.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить основные и специфические признаки мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемых органами государственного контроля и надзора в жилищно-коммунальной сфере и их должностными лицами.

Список литературы:

1. Помогалова, Ю.В. Административное задержание, доставление и привод в системе мер административного принуждения : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Помогалова. — Саратов, 2004. — 212 с.
2. Попов, Л.Л. Административное право России : учебник / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев, С.В. Тихомиров. — М.: Проспект, 2010. — 752 с.

-
3. Соколов, А.Ю. Мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: понятие и признаки / А.Ю. Соколов, В.В. Попов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2012. — № 6. — С. 72–79.
 4. Соколов, А.Ю. Система мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / А.Ю. Соколов. — Саратов: Научная книга, 2011. — 306 с.
 5. Соколов, А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / А.Ю. Соколов. — М.: Норма, 2015. — 320 с.
 6. Сидоров, Е.И. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в области таможенного дела : дис. ... канд. юрид. наук / Е.И. Сидоров. — М., 2008.
 7. Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 15, ст. 766; Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 27, ч. 1, ст. 4198.
 8. Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2008. — № 52, ч. 1, ст. 6249; 2016. — № 27, ч. 2, ст. 4287.
 9. Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2013. — № 25, ст. 3156; 2016. — № 26, ч. 2, ст. 4064.
 10. Об утверждении СанПиН 2.1.2.2645-10 : постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 10.06.2010 № 64 (в ред. от 27.12.2010) // Российская газета. — 2010. — 21 июля.
 11. О минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения : постановление Правительства РФ от 03.04.2013 № 290 (в ред. от 09.07.2016). — URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 12.04.2013; Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 30, ст. 4914.

М.В. Яковлев,
*адъюнкт кафедры теории и истории
государства и права
Санкт-Петербургского военного
института войск национальной гвардии
Российской Федерации*

M.V. Yakovlev,
*Adjunct of the Theory and History of
State and Law Department St. Petersburg
Military Institute of the troops of the
National Guard of the Russian Federation*

Профессиональная правовая культура военнослужащих войск национальной гвардии России как объект правового воздействия: теоретико-правовой анализ

Аннотация: статья посвящена актуальному вопросу — профессиональной правовой культуре военнослужащих войск национальной гвардии России. Небольшой срок существования нового органа исполнительной власти, изменения организационной структуры, объема властных полномочий указывают на своевременность и необходимость понимания духовной, ценностной составляющей этой профессиональной деятельности. Профессиональная правовая культура военнослужащих войск Росгвардии находится в постоянном развитии под воздействием различных социальных факторов, но прежде всего под воздействием права. В статье проводится теоретико-правовой анализ категории «правовое воздействие» (признаки, соотношение с «правовым регулированием»), анализируется функциональный потенциал правового воздействия применительно к формированию профессиональной правовой культуры военнослужащих Росгвардии.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, профессиональная правовая культура, военнослужащие национальной гвардии России, правовое воздействие.

Professional legal culture of the soldier of national guard of Russia as object of legal influence: theoretical and legal analysis

Abstract: the article is devoted to the professional legal culture of the servicemen of national guard troops of Russia. Short period of existence of the new Executive authority, changes in organizational structure, scope of power point to the timeliness and the necessity of understanding the spiritual values of this professional activity. The author believes that the professional legal culture of the servicemen of the troops of Russia is in constant evolution under the influence of various social factors, but above all under the influence legal. The article provides a theoretical and legal analysis of the category of "legal influence" (the signs, the ratio of "legal regulation") and analyzes the functional potential of legal action in relation to the formation of a professional legal culture of soldier of national guard of Russia.

Keywords: legal culture, legal consciousness, professional legal culture, soldier of the national guard of Russia, legal influence.

Культура и сознание индивидуальны, они не существуют вне личности, времени и пространства. В современном обществе мы можем представить человека как гражданина, индивида, личность. Социализация человека возможна в различных сферах бытия, которые, преломляясь через «культурный фильтр», складываются в культуру господствующего класса, культуру труда, культуру большого города. Современное общество официально не стратифицировано, но его деление на классы, слои, группы, коллективы происходит неизбежно и объективно. Объединяющие признаки, по сути, могут быть любыми: возраст, материальное положение, увлечения, принадлежность к определенной профессии и т. д. Правовая социализация как органическая часть процесса общей социализации индивида представляет собой специфическое проявление ее общих законов в сфере формирования и развития индивидуального правового сознания и правовой культуры [1, с. 105].

В литературе по теории государства и права традиционно выделяют три вида правовой культуры по критерию субъекта-носителя: 1) всего общества; 2) личности и 3) социальной группы. Некоторое расхождение во взглядах ученых встречается в определении правовой культуры социальной группы. Есть мнение, в соответствии с которым социальная группа отождествляется с юристами, и правовая культура, будучи именно правовой, характерна только для них [2, с. 309]. Другая точка зрения социальную группу определяет широко и указывает на существование правовой культуры, например, молодежи [3, с. 358], педагогов [4, с. 3], пенсионеров и др.

В приведенных научных мнениях, на наш взгляд, нет противоречия, оно кажущееся. О правовой культуре речь идет именно во втором случае, когда правовая культура группы проистекает из правовой культуры личности и основана на понимании права и знании действующего законодательства, на привычке к правомерному законопослушному поведению, ориентации такого поведения на достижение социально полезных ценностей, умений и навыков эффективного использования правовых средств [3, с. 359]. В первом же случае речь идет о профессиональной правовой культуре.

Профессиональная правовая культура — это правовая культура субъектов, социальных групп и общностей, в основу социального обособления которых

положено отношение к деятельности по созданию, применению или обеспечению юридических норм, познанию правовой системы общества и изменению правовой действительности. По нашему мнению, профессиональная правовая культура не относится исключительно к представителям юридической профессии, а функционирует в более широком спектре субъектов политической, государственной, муниципальной, военной деятельности.

5 апреля 2016 г. Президент РФ подписал Указ № 157, который предписывает преобразовать внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации в войска национальной гвардии Российской Федерации и образовать федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации [5]. 3 июля 2016 г. вступил в силу Федеральный закон № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [6].

На созданный орган исполнительной власти возлагается решение следующих задач: участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения; участие в борьбе с терроризмом и обеспечение правового режима контртеррористической операции; охрана важных государственных объектов и специальных грузов; участие в территориальной обороне Российской Федерации; оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации. Помимо указанных задач, перешедших в порядке правопреемства от внутренних войск МВД России, войска национальной гвардии будут участвовать в борьбе с экстремизмом и осуществлять федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере оборота оружия и в сфере частной охранной деятельности, а также осуществлять вневедомственную охрану.

Увеличение объема боевых и служебных задач приводит к изменению объема полномочий, расширению перечня вопросов и обязательств, входящих в компетенцию национальной гвардии. Создание нового органа предполагает и преобразования в организационно-командной структуре органа, в порядке прохождения службы, во внешних атрибутах воинского формирования и др.

О возможности выделения в отдельный, самостоятельный подвид правовой культуры профессиональной правовой культуры военнослужащих Росгвардии позволяют говорить следующие обстоятельства: специфика выполняемой деятельности и поставленных задач; наличие обособленного массива правовых актов, регулирующих военную отрасль и деятельность военнослужащих Росгвардии; наделение их специальным правовым статусом; особая психо-эмоциональная атмосфера деятельности; особенности повседневной жизни, обусловленной военной службой. Особенностью прохождения военной и гражданской службы в Росгвардии следует также назвать четкую и детальную регламентацию внеслужебной, служебной и боевой деятельности военнослужащих.

Названные обстоятельства необходимо воспринимать и как элементы профессиональной правовой культуры рассматриваемой социальной группы граждан, поскольку сумма качественных характеристик отдельно взятого элемента составляет синтезированную качественную характеристику профессиональной культуры воина Росгвардии.

На наш взгляд, особенность процесса формирования профессиональной правовой культуры состоит в том, что она не охватывается непосредственно этапами или механизмом правового регулирования. Мы разделяем мнение С.С. Алексеева, отмечающего, что правовая культура наряду с правосознанием представляет «субъективную сторону» механизма правового регулирования [7, с. 176], психоэмоциональное основание процесса обеспечения действия права. А категорией, которая соответствовала бы и достоверно характеризовала такое влияние, является правовое воздействие. При этом механизм правового воздействия, его стадии и средства не очевидны, а основные изменения происходят в сознании субъекта. Безусловно, что для общества в целом важными являются именно внешние проявления действия права, но, по сути, они выступают следствием внутреннего состояния, наличия определенных качеств и свойств субъектов.

Специфика выполняемой деятельности и поставленных задач предполагает приобретение субъектами специальных знаний и компетенций при получении юридического образования, в ходе опыта профессиональной юридической деятельности, как личного, так и профессионального сообщества. Специальные знания и компетенция состоят в наличии глубоких, формализованных знаний законодательства, понимании механизма правового регулирования и наличии качественных навыков предметно-фактической деятельности.

Например, нормативно закрепленными, а значит и обязательными являются требования к необходимой профессиональной, правовой и физической подготовке, умению владеть табельным оружием, специальными средствами и закрепленной за военнослужащими техникой (ст. 24 Федерального закона № 226-ФЗ). Отбор в войска национальной гвардии требует установления таких личностных и профессиональных качеств, как эмоциональная устойчивость, уравновешенность, контроль за поведением и проявлением эмоций; уровень волевой регуляции поведения (выдержки, смелости, решительности, настойчивости и др.); уровень правосознания и нравственных убеждений, честность, принципиальность, соблюдение социальных норм и др. [8] А оценка уровня подготовки и умения выступает как элемент в отражении состояния профессиональной правовой культуры военнослужащих национальной гвардии России.

Материальной, технической, организационной, ресурсной основой войск национальной гвардии явились внутренние войска МВД России, но, прежде всего, неизменным остался личный состав войск. А именно, каждый военнослужащий является хранителем ценностей боевого братства, традиций, норм и правил межличностного общения.

Своевременность и актуальность вопроса о профессиональной правовой культуре представителей Росгвардии несомненна. Новый виток в истории военного органа необходимо использовать для анализа и объективной оценки деятельности ведомства в целом и отдельных военнослужащих в соответствии с требованиями профессиональной правовой культуры. Очевидна и необходимость в исследовании факторов, условий и механизмов воздействия на рассматриваемый феномен.

Список литературы:

1. Казимирчук, В.П. Современная социология права / В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев. — М.: Юрист, 1995. — 297 с.
2. Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. — М.: Юрист, 2003. — 592 с.
3. Кулапов, В.Л. Теория государства и права : учебник / В.Л. Кулапов. — М.: КНОРУС, 2014. — 384 с.
4. Шиврина, Е.В. Нормативно-правовые знания как фактор повышения профессиональной культуры педагогов специального образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е.В. Шиврина. — Екатеринбург, 2000. — 22 с.
5. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 157 (в ред. от 30.09.2016). — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2016).
6. О войсках национальной гвардии Российской Федерации : федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2016).
7. Алесеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алесеев. — М.: Юрид. лит., 1966. — 187 с.
8. Об утверждении Инструкции об организации и проведении профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии Российской Федерации : приказ Росгвардии от 16.11.2016 № 357. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.12.2016).

• ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ •

А.В. Малько,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН

А.Ю. Саломатин,
доктор юридических наук, доктор
исторических наук, профессор,
член-корреспондент Международной
академии сравнительного права,
заведующий кафедрой теории
государства и права и политологии,
руководитель НОЦ Сравнительной
правовой политики Пензенского
государственного университета

A. V. Malko,
Doctor of Law, Professor, honored scientist
of the Russian Federation,
Director of Saratov branch Institute of state
and law of Russian Academy of Sciences
i_gp@ssla.ru

A. Y. Salomatin,
Doctor of Law, doctor of historical
Sciences, Professor,
corresponding member of the International
Academy of comparative law,
head of the Department of Theory of state
and law and political science,
Director of the REC Comparative
legal policy in Penza state University
valeriya_zinovev@mail.ru

Об опыте реализации образовательной программы «Правовая политика в Российской Федерации и странах Евросоюза»

Аннотация: правовая политика — это не только предмет исследования, но и инструмент образования. Благодаря инициативе Пензенского государственного университета и Саратовского филиала Института государства и права РАН магистерская программа «Правовая политика в РФ и странах Евросоюза» берет свое начало в 2011 г. в Пензе. Она охватывает различные отрасли правовой политики в России и европейское право одновременно, придавая образованию сильный и эффективный компаративистский уклон. Она нацелена на подготовку экспертов-юристов для бизнес-структур и государственной службы. Магистранты изучают такие дисциплины, как всемирная история государства и государственного управления, процессы модернизации и постмодернизации в сфере государства и права, государство и право в условиях глобализации, мировая политика, современное государство, социология права, правовая политика в сфере уголовного права, правовая политика в гражданских правоотношениях, правовая политика в конституционном праве, европейское право; политические и правовые институты Евросоюза, сравнительная правовая политика и т. д.

Ключевые слова: инновации в юридическом образовании; правовая политика в России; европейское право; сравнительная правовая политика; магистерская программа с компаративистским уклоном.

About experience of realization of education programme “Legal Policy in Russian Federation and EU countries”

Abstract: legal policy is not only a research subject but instrument of education. Thanks to initiative of Penza State University and Saratov Branch of the Institute of State and Law of Russian Academy of Science Master's Programme 'Legal Policy in Russian Federation and countries' has started in 2011 in Penza. It covers different branches of legal policy in Russia and European Law simultaneously giving strong and effective comparative angle to studies. It aims to prepare legal experts for business firms and state service.

The students study such disciplines as World. History of State and State Governance, Processes of Modernization and Post-Modernization in the Spheres of State and Law, State and Law under Globalization, World Politics, Contemporary State, Sociology of Law, Legal Policy in the Sphere of Criminal Law, Legal Policy in the Civil Law, Constitutional Legal Policy, European Law, Political and Legal Institutions of European Union, Comparative Legal Policy, etc.

Keywords: *Innovations in Legal Education; Legal Policy in Russia; European Law; Comparative Legal Policy; Master's Programme with Comparative Angle.*

Правовая политика призвана быть не только предметом исследований, но и инструментом образования. Большинство наших магистерских программ построено по отраслевому принципу (охватывая уголовное, гражданское, конституционное право и т. п.), что само по себе неплохо, но недостаточно. Наряду с дифференциацией в образовательной сфере должна присутствовать и генерализация, но на несколько ином, качественно новом уровне. Важно не только собрать воедино различные отрасли российского права в одной образовательной программе, но и придать им некую общность — в данном случае сквозь призму правовой политики, дополнив компаративистским анализом развития права Евросоюза и права отдельных европейских стран.

Магистерская программа «Правовая политика в РФ и странах Евросоюза» была открыта в 2011 г. в Пензенском государственном университете. Инициаторами ее создания стали кафедра теории государства и права и политологии, Научно-образовательный центр Сравнительной правовой политики Пензенского государственного университета и Саратовский филиал Института государства и права РАН. Она была призвана претворить в жизнь новаторские научные разработки вузовской и академической науки, приблизить к практике теоретические идеи, чтобы на этой основе синтезировать новые знания.

Концептуальный план магистратуры наряду с теоретическими дисциплинами федерального блока предусматривает опору на триаду компаративистских дисциплин, построенных на сравнительном анализе моделей развития государства и права. «Всемирная история государства и государственного управления с древнейших времен до конца XVIII в.» рассматривает интегративные модели государственного развития, сочетающие формационный и цивилизационный подходы. Анализируется заслуживающий внимания опыт государственного управления (в частности, большой интерес представляют имперские государства — Древний Рим, Китай, Византия, продемонстрировавшие особую устойчивость к внешним и внутренним давлениям). Курс «Модернизационные и постмодернизационные процессы в сфере государства и права с конца XVIII в. до начала XXI в.» начинается с описания опыта великих революций — Американской и Французской, которые дали старт политической модернизации. Слушатели знакомятся с технологией модернизационных и постмодернизационных процессов, опытом государственного управления, тенденциями развития современного государства в различных частях мира. Логичным завершением изучения теории модернизации является курс «Государство и право в условиях глобализации», который трактует глобализацию как некий результат постмодернизационных процессов и одновременно как некую идеологическую конструкцию. Эту проблему

магистранты рассматривают на материалах стран Евросоюза, который превзошел другие межгосударственные объединения в плане интеграционной продвинутой. Известным дополнением к триаде упомянутых дисциплин является курс «Мировая политика». Он дает возможность проникнуть в мир общепланетарной политической жизни, рассмотреть деятельность как государств, так и негосударственных акторов (неправительственных организаций, транснациональных корпораций). Магистранты обсуждают степень остроты и возможности решения глобальных проблем (демографической, экологической, продовольственной, урбанистической и т. д.). Все это подготавливает их к познанию современной государственно-правовой жизни.

Именно этой жизни и посвящена дисциплина «Современное государство» (с акцентом на рассмотрение государственного регулирования в сфере социальных и трудовых отношений), она предваряет годичный семинар по актуальным проблемам правовой политики и правового образования. Слушатели осваивают методологию права, юридическую технику, знакомятся с основными направлениями правовой политики, достижениями юридического образования. Технологически этот семинар дополняет спецкурс «Социология права», который важен с утилитарной точки зрения, поскольку дает возможность завершить правовую экспертизу существующего и желаемого правотворчества процедурой социально-правового мониторинга (т. е. изучением общественного мнения).

Важное место в программе обучения занимают отраслевые спецкурсы по правовой политике в Российской Федерации: «Правовая политика в сфере уголовных правоотношений», «Правовая политика в сфере гражданских правоотношений», «Правовая политика в сфере конституционного права», «Роль конституционного правосудия в формировании правовой политики», «Судебная правовая политика». Особую актуальность в свете событий в Европе в 2014–2016 гг. имеет курс «Иммиграционная правовая политика». В нем рассматривается опыт регулирования иммиграционных отношений как в странах Нового Света (США, Канада, Аргентина), так и в странах Старого Света (Франция, Великобритания, Германия, Нидерланды), а также в России.

На развитие профессиональных умений свободно пользоваться русским и иностранными языками как средством делового общения нацелен спецкурс «Профессиональное юридическое общение», для которого мы специально создали оригинальные методики и подобрали необходимые тексты на английском языке [1].

Европейский блок программы представлен дисциплинами «Политические и правовые институты Евросоюза», а также «Европейское право». В первом случае речь идет об организационной структуре объединенной Европы, во втором — о ее правовых реалиях.

Заключительным этапом обучения является курс «Сравнительная правовая политика». Его цель — научить проведению сравнительных правовых исследований по конкретным отраслям, институтам, проблемам права, а также подготовке магистерской диссертации [2]. Магистранты сообщают о степени готовности по избранной теме и выносят эту тему на обсуждение в своей группе.

Все обозначенные дисциплины обеспечены оригинальными учебными пособиями, выпущенными в центральных издательствах: Норма [3], РИОР-ИНФРА-М [4], а также в издательстве Пензенского государственного университета [5]. Определенный резонанс в рамках Ассоциации европейских исследований вызвал сборник статей с международным участием [6].

Определенные усилия прилагаются и в сфере международного сотрудничества. В частности, по просьбе университета г. Фленсбурга (Германия) профессор А.Ю. Саломатин прочитал спецкурс «Сравнительная правовая политика» [7] для российских и германских магистрантов, который завершился совместной конференцией с выездом в Германию.

Наша магистратура в силу ее многоотраслевого характера пользуется большой популярностью как среди юристов, имеющих диплом бакалавра, так и среди специалистов и бакалавров других, неюридических профессий. За прошедшие 6 лет ее закончили бывшие экономисты, историки, социологи, журналисты, инженеры, офицеры Российской армии, филологи-переводчики. Предметом нашей гордости является то, что один из выпускников — кандидат технических наук А.В. Меликов — выпустил в соавторстве монографию «Европейский парламент. Политико-правовое исследование». В ней впервые в отечественной литературе прослеживается эволюция Европарламента как органа общеевропейского представительства, показаны механизм его функционирования, отдельные направления его политики [8].

Выпускники магистратуры находят свое место в бизнес-структурах и на государственной службе в качестве юристов-экспертов (например, одна из наших выпускниц работает в Европейском суде справедливости). Открыт для них путь и в аспирантуру. Выбор темы будущей кандидатской диссертации проще сделать заблаговременно в магистратуре и апробировать ее в ходе откровенных творческих дискуссий в небольшой по размерам магистрантской группе.

Преподавание в рамках учебной программы осуществляет профессиональная команда кафедры теории государства и права и политологии, а также других кафедр Юридического факультета Пензенского государственного университета (ПГУ). Это доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии сравнительного права, кафедры теории государства и права и политологии ПГУ А.Ю. Саломатин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права ПГУ Г.Б. Романовский, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правосудия В.А. Терехин, доктор философских наук, профессор кафедры государственных правовых дисциплин Ш.Г. Сеидов, доценты кафедры теории государства и права и политологии — кандидат юридических наук Н.В. Макеева, кандидат исторических наук Е.В. Наквакина, кандидат социологических наук А.Е. Сиушкин, кандидат юридических наук С.Ю. Суменков, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права С.Т. Сулейманова, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права Н.А. Санисалова.

В будущем организаторы магистерской программы намерены уделить внимание и восточному направлению международного государственно-правового сотрудничества, акцентируя внимание на деятельности Евразийского эконо-

мического союза и Шанхайской организации сотрудничества. Мы готовы дать ответы на потенциальные глобальные вызовы и открыты к международному образовательному сотрудничеству.

Список литературы:

1. Наквакина, Е.В. Профессиональное юридическое общение : учебно-методическое пособие / Е.В. Наквакина; под ред. А.Ю. Саломатина. — Пенза: Пензенский государственный университет. — 2013. — 80 с.
2. Сравнительная правовая политика : учебное пособие / под ред. А.Ю. Саломатина. — М.: РИОР-ИНФРА-М, 2012. — 156 с.
3. Саломатин, А.Ю. Всемирная история государства и государственного управления / А.Ю. Саломатин. — М.: Норма, 2015. — 288 с.
4. Малько, А.В. Основы правовой политики : учебное пособие / А.В. Малько, А.Ю. Саломатин. — М.: РИОР-ИНФРА-М, 2013. — 170 с.
5. Malko, A.V. Legal Systems of contemporary world / A.V. Malko, A.Y. Salomatin. — Penza: Penza State University, 2014. — 166 p.
6. Государственное, политическое и правовое пространство современной Европы : международный сборник научных статей / под ред. А.Ю. Саломатина. — Пенза: ПГУ, 2013. — 339 с.
7. Comparative Legal Policy: Preliminary Concepts / Ed. by A. Salomatin. — Penza: Penza State University, 2014. — 230 p.
8. Саломатин, А.Ю. Европейский парламент. Политико-правовое исследование / А.Ю. Саломатин, А.В. Меликов. — М.: РИОР-ИНФРА-М, 2015. — 180 с.

